

Ирина Матлак

Круг двенадцати душ

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Двенадцать девушек, и среди них я, оказались заперты в стенах старого особняка. Всех нас продали таинственному графу, который никогда не показывает своего лица. Все мы узницы в этой клетке, не знающие, зачем нас здесь собрали.

Но выбор есть всегда, и нам решать — томиться в неведении, ожидая своей участи, или же пытаться найти ответы.

Бояться трудностей не в моих правилах, и я выбираю второе.

- [Ирина Матлак](#)

- - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ирина Матлак
КРУГ ДВЕНАДЦАТИ ДУШ

ПРОЛОГ

В большом зале царит полумрак.

Неровные огни свечей подрагивают от гуляющего сквозняка, ветер скользит по каменным плитам, подхватывает алые лепестки и несет с собой холод. Последний проникает в тело, разум и самые отдаленные уголки души. Жуткий, потусторонний, он охватывает все существо и выпивает последнее дыхание.

На полу выбит круг, разделенный на двенадцать секторов. В его центре стоит человек, застывший в напряженном ожидании.

Бой огромных часов, доносящийся из другого конца зала, нарушает тягостную тишину. Но этот бой еще хуже, еще страшнее — он отсчитывает последние секунды чьей-то жизни. Зал наполняется плачем, который настолько тих, что кажется плодом воображения.

Взгляд прикован к секундной стрелке, неумолимо приближающейся к двенадцати. Слышно, как шелестит ускользящее время, унося с собой последние надежды тех, кто стоит в каждом из секторов.

Двенадцать.

Не просто число — движущая сила, неотъемлемая часть времени.

Стрелка останавливается, и на короткое мгновение снова наступает тишина.

Дыхание перехватывает, сердце замирает в ужасе от осознания того, что сейчас произойдет. Вокруг скользят бесшумные тени — неотъемлемые спутники совершаемого ритуала. Они ползут по полу и стенам, касаются тонкими длинными пальцами горящих свечей, выжидают и предвкушают свою плату.

Дрожат обнаженные нервы, в непослушном теле безвольной птицей бьется душа. Не вырваться, не улететь, не скрыться. Чувство беззащитной открытости сводит с ума и доводит до грани безумия.

Резко вспыхивает пламя свечей, огненной вспышкой взмывает вверх и, разрастаясь, опалает холодную кожу. Тени оживляются, скользят все быстрее, быстрее, быстрее... Вращается круг, сдвигаются плиты, делается тучным раскалившийся воздух.

Возвращается ушедшее, минует настоящее.

Лепестки роз кружат в алом вихре, смешиваются с буйством пламени и осыпаются на пол горьким серым пеплом.

Надрывный крик — первый, второй... двенадцатый.

— Кэтлин, — пересохшими губами шепчет застывший в центре круга мужчина, горящими глазами смотря на открывающуюся воронку.

Яркая, ослепляющая вспышка, всепоглощающая, разрывающая тело боль — и запертая в клетке птица улетает на свободу.

ГЛАВА 1

Судорожно вздохнув, я резко села на кровати. Волосы налипли на разгоряченное лицо, сердце билось о ребра, в мыслях все еще витали обрывки очередного кошмара.

Третий раз за месяц... прежде такого не случалось. Сон, преследующий с далекого детства, с каждым годом становился все отчетливее. Появлялись новые детали, образы становились яснее, а страх все усиливался. Неконтролируемый, необъяснимый, он засыпал днем и просыпался с приходом ночи.

Всякий раз, ложась в постель, я боялась закрывать глаза. Слишком реальными, слишком настоящими были являющиеся кошмары. Я стояла в одном из секторов странного круга и видела спину находящегося в центре человека. Ни лица, ни фигуры — только силуэт и едва различимый шепот чьего-то имени, когда часы били полночь.

Поднявшись с кровати, я зябко поежилась и подошла к окну. Отворив его, глубоко вдохнула прохладный весенний воздух и посмотрела на светлеющее небо. Прошло несколько минут, прежде чем сердцебиение выровнялось, а кошмар немного померк.

— Бекки, — позвала я, и в следующее мгновение в комнату вошла моя горничная.

Она присела в книксене и, не дожидаясь приказа, стала готовить ванну. Пока я лежала в облаке пышной пены, горничная заправила постель и извлекла из шкафа простое домашнее платье. Затем помогла мне переодеться и собрать волосы в высокую прическу.

— Скажи, чтобы завтрак накрыли в малой гостиной, — попросила я, глядя на свое отражение. — Я скоро спущусь.

Когда за Бекки закрылась дверь, я несильно похлопала себя по щекам, пытаюсь придать им румянец. Этим утром я выглядела чрезмерно бледной, что в свете беспокойной ночи было совсем неудивительно.

Выйдя из комнаты, прошла по утопающему в полумраке коридору и стала спускаться вниз. Время раннее, и я была уверена, что все, кроме прислуги, еще спят, поэтому прозвучавший на втором этаже голос дяди стал неожиданностью. Донесшаяся до меня реплика была довольно громкой, но следующие слова лорд Кендол произнес гораздо тише.

Мне никогда не было присуще излишнее любопытство, и сейчас я бы продолжила путь, но прозвучавшее имя заставило остановиться. В

разговоре была упомянута я.

Стараясь ступать как можно тише, я приблизилась к кабинету, из которого по-прежнему доносились приглушенные голоса. Дверь была плотно закрыта, но это не мешало слышать все, о чем за ней говорят.

— Значит, шестого июня? — спросил незнакомый голос, судя по тембру, принадлежащий пожилому человеку.

— Шестого июня, — уверенно подтвердил лорд Кендол. — Ей исполнится двадцать один год.

— И вы согласны на все условия лорда Баррингтона?

— Абсолютно.

Послышался шорох бумаг, за которым последовала недолгая пауза. Некоторое время я стояла, надеясь на возобновление разговора, но вскоре за дверью послышались приближающиеся шаги.

Едва я отошла в сторону и скрылась за поворотом коридора, мужчины вышли из кабинета. Украдкой выглянув из-за угла, я убедилась в правильности своих предположений — незнакомец был преклонных лет. Его седые, словно присыпанные мукой волосы были идеально уложены, строгий черный костюм сидел безукоризненно, а глубокая складка меж бровей свидетельствовала о том, что он часто хмурится.

Мне хватило беглого взгляда, чтобы отметить эти детали и составить мнение о госте. Он производил впечатление педантичного, строгого и не терпящего вольностей человека.

Когда вместо того, чтобы приказать дворецкому проводить его до двери, дядя вызвался сделать это лично, я удивилась. Должно быть, гость действительно важный.

Завтракала в одиночестве. Кузина и ее мать вставали не раньше полудня и, если что-то будило их до этого времени, пребывали в скверном расположении духа. Лорд Кендол же снова закрылся в кабинете, так меня и не заметив.

Мелкими глотками отпивая крепкий кофе, я размышляла над тем, что недавно услышала. Единственным возникшим предположением являлось то, что меня собираются отдать замуж. Я всегда знала, что рано или поздно это произойдет, и потому не слишком удивилась. Возражать опекуну и устраивать сцены не собиралась, понимая, что это ни к чему не приведет. Давно смирилась с мыслью, что в выборе мужа моим мнением никто интересоваться не будет. Дела дяди в последнее время шли неважно, состояние стремительно таяло, и он не скрывал, что намеревается выгодно меня продать.

Я усмехнулась: «продать» — самое верное определение. Он и к своей

дочери относился как к вещи, что уж говорить обо мне. Но Эмили еще не исполнилось и шестнадцати, поэтому лорду Кендолу пока оставалось лишь строить на нее планы.

До этого момента моей руки просили трое молодых людей, но у дяди каждый раз появлялся повод для отказа. Первого жениха он нашел недостаточно состоятельным, второго — недостаточно знатным, а третий, увы, не подходил сразу по двум этим пунктам.

Тем не менее с сегодняшним гостем они явно договорились. Я была практически уверена, что права относительно темы их разговора. Вдобавок упомянутая дата — шестое июня, являлась днем моего рождения, а двадцать один год — возраст полного совершеннолетия. Оставалось надеяться, что старик является всего лишь представителем потенциального мужа, а не им самим.

Зря себя накручивать и волноваться по этому поводу я не намеревалась. Есть вещи, которых не изменить, к тому же я считала себя обязанной дяде. Несмотря на многие недостатки и холодное отношение, он поселил меня в своем доме, обеспечил хорошим образованием и никогда ничем не попрекал. Я, в свою очередь, старалась не вызывать его недовольства и лишней раз не попадаться на глаза, но в то же время была единственной, кто иногда решался с ним спорить.

Лорда Кендола отличал жесткий, властный нрав, и иногда ему случалось перегибать палку. В последний раз это случилось, когда один из лакеев, подавая кофе, пролил содержимое чашки на его новый костюм. В тот день лорд, и так пребывавший в ужасном настроении, сорвался и ударил слугу по лицу. Я была тому свидетельницей и встала на защиту провинившегося лакея, чем обрушила на себя гнев вконец разошедшегося лорда Кендола.

Дядю нередко посещали неконтролируемые вспышки ярости, и это было одной из причин, по которым все старались лишней раз не выводить его из себя. Некоторые считали, что подобные приступы — наследственная черта рода Кендолов, и я искренне надеялась, что мне она не передалась.

Эта надежда была небеспочвенной, ведь многие замечали, что я всем пошла в мать. У нас были схожие фигуры и черты лица, одинаковый бледно-голубой цвет глаз. От отца же я унаследовала лишь темные, практически черные волосы. А вот слабую магическую особенность, которую назвать даром можно было лишь с большой натяжкой, передали мне не родители. Умение видеть незримое было довольно редким, но практически бесполезным талантом. Оно не переходило по наследству, ему было невозможно обучиться — с ним только рождались.

В королевстве к магии всегда относились с настороженностью, а раньше те, кто обладал хотя бы крупицей сверхъестественного дара, подвергались гонениям. Ровно двести пятьдесят лет назад произошла так называемая «Чистка», в результате которой погибло более двух тысяч магов и колдунов. То было темное время, озаглавленное кровавыми рассветами и жаром бесчисленных костров. Несмотря на жестокость, в некотором смысле такие меры были оправданны. Магии опасались не просто так — во многих она будила скрытые пороки, тянула из глубин души самые черные желания, и обладатели дара становились на темный путь. До «Чистки» в отдаленных концах королевства процветали жестокие ритуалы, при помощи магии совершались убийства.

Все, кто жил в наше время, благодарили небеса за то, что нам посчастливилось не родиться несколько веков назад. Хотя в наши дни официально маги не преследовались, к ним все равно относились с опасением. Поэтому те, кто, как и я, обладал небольшими способностями, предпочитали их скрывать.

После завтрака я зашла в библиотеку и, взяв книгу, вышла с ней в сад. Разместилась в излюбленной беседке и, укутавшись в шаль, погрузилась в чтение. Несмотря на то что стоял конец апреля, по утрам все еще было довольно холодно. Ночью прошел дождь, и теперь воздух был свежим и влажным. Мне нравилась такая погода — спокойная, уравновешенная, не кричащая ярким солнечным светом. Наверное, потому что я и сама во многом была такой.

Некоторые считали меня бездушной.

Когда холодным ноябрьским днем глубокая яма принимала двух близких мне людей, я не плакала. Просто стояла и смотрела, как горсти влажной земли падают на темные крышки. Все, что запечатлелось в памяти, — это горький запах пожухших листьев, перемешанный с тошнотворным ароматом смерти, и безликая черная толпа, то и дело протягивающая ко мне несчетное количество рук.

Утешения, соболезнования — всего лишь пустые, ничего не значащие слова. Бесполезные. Большинству до трагически погибших супругов Кеңолов не было никакого дела. Кто-то и вовсе радовался, хотя искусно прятал истинные чувства под личиной сочувствия и скорби.

Когда в гостиной, где не так давно проходили бесчисленные званые обеды, накрыли поминальный стол, я поднялась к себе. Лежала на кровати, наблюдая за подрагивающими на потолке кривыми тенями. В окно скреблись мокрые ветки, в дымоходе скулил ветер.

Через некоторое время внизу уже раздавался веселый смех.

Плакать я так и не научилась.

За книгой просидела вплоть до того момента, пока в сад не вышла старшая горничная, сообщившая, что меня зовет лорд Кендол. Я была уверена, что причины, по которым дядя решил поговорить, связаны с утренним визитером, и мысленно настроилась на неприятные известия.

Перед дверью кабинета на миг замерла, расправила плечи и, сделав глубокий вдох, мысленно сосчитала до пяти. Убедившись, что чувства спрятаны глубоко внутри, а на лице отражается спокойствие, вошла внутрь.

Лорд Кендол сидел за письменным столом, откинувшись на спинку черного кресла. Стоило мне переступить порог, как я поймала его пристальный, пригвождающий к полу взгляд. Дядя умел смотреть так, что человек под этим взглядом начинал чувствовать себя ничтожным и терял всякую уверенность. Но я, привыкшая к подобному уже давно, лишь почтительно кивнула в знак приветствия.

— Располагайся, Амина. — Лорд указал на кресло, стоящее напротив. — У меня для тебя новости.

Заняв предложенное место, я сложила руки на коленях и вопросительно на него посмотрела. Брови лорда сошлись на переносице, и он не терпящим возражений тоном произнес:

— Это лето ты проведешь в поместье Сторм-Делл, находящемся в окрестностях Риджии. В дорогу отправишься через неделю, поэтому начинать собираться можешь уже сейчас.

Такими словами я была удивлена и продолжала молча на него смотреть, ожидая подробностей. Однако давать пояснения дядя не спешил. Вместо этого он вернулся к изучению каких-то бумаг и, казалось, совсем забыл о присутствии племянницы.

Я давно научилась держать под контролем чувства, и сейчас на лице не дрогнул ни единый мускул. Невзирая на замешательство, мой голос прозвучал спокойно и твердо:

— Могу я узнать причины? Почему мне предстоит переехать на несколько месяцев?

На миг оторвавшись от бумаг, лорд Кендол поднял на меня взгляд и холодно проронил:

— Поместье Сторм-Делл принадлежит моему давнему знакомому, и ты поедешь туда в качестве гостя. Я велю подготовить все к твоему отъезду. С собой можешь взять только свою горничную.

Когда лорд вновь замолчал, маска спокойствия все же дала трещину, и я выжидающе приподняла одну бровь.

— Это все, что тебе нужно знать, — отчеканил мой опекун, снова

погрузившись в изучение бумаг. Теперь уже окончательно и давая понять, что дальнейшие расспросы неуместны.

Разговор вышел на удивление коротким.

Поднявшись с места, я почтительно склонила голову и проронила:

— Как скажете, дядя.

Расправив плечи, уверенным шагом направилась к выходу, и, когда пальцы коснулись холодного металла дверной ручки, меня настиг голос лорда:

— И еще одно. Сделай все для того, чтобы никто в Сторм-Делле не узнал о твоём даре.

Я на миг замерла, после чего толкнула дверь и незамедлительно покинула кабинет. Последнее предупреждение было явно лишним. Зачем говорить очевидное? Никто, кроме опекуна, не знает о моих способностях, так будет и впредь.

Поздним вечером я сидела в своей комнате и смотрела на отплясывающий в камине огонь. Рядом стоял остывший ужин, к которому даже не притронулась. Мысленно возвращаясь к нашему с дядей разговору, я приходила во все большее недоумение. Причины, по которым мне предстояло ехать в другой конец королевства, оставались неясны, а отказ лорда о них говорить вызывал некоторые опасения. Интуиция редко меня подводила, и сейчас внутри зарождалось нехорошее предчувствие.

— Миледи! — Внезапно прозвучавший голос Бекки заставил меня невольно вздрогнуть. — Это правда, что мы отправимся в Риджию?

Горничная взяла поднос с ужином и замерла в нерешительности, ожидая ответа.

— В поместье, находящееся в окрестностях Риджии, — поправила ее я.

Бекки хотела еще что-то спросить, но, наткнувшись на мой предупреждающий взгляд, не проронила ни слова. Она молча удалилась, тихо прикрыв дверь и оставив меня наедине с собой.

За окном разгулялся ветер, завывающий, точно раненый зверь, языки пламени беспощадно пожирали обуглившееся дерево и навевали воспоминания о ночном кошмаре. В их танце мне виделось что-то недоброе, притаившееся в закоулках недалекого будущего. Но, не в силах ничего изменить, я лишь откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Оставалось надеяться, что на этот раз предчувствие меня обманывает.

В дорогу мы отправились с первой грозой. Чернильное небо осветилось яркой вспышкой молнии, грянул майский гром. Экипаж

тронулся с места и покатился по мощенной камнем улице, уже окропленной первыми каплями дождя.

Нас не провожали.

С дядей и кузиной я простилась еще в доме, а леди Кендол, сославшись на мигрень, так и не вышла из комнаты. Безусловно, то не было желанием выказать мне неуважение — во всем виновата погода. Так сказал лорд, и я с ним согласилась.

Экипаж потряхивало, звучно отбивали дробь копыта лошадей, а лицо сидящей напротив Бекки было бело как мел. Горничная всегда отличалась излишней суеверностью, до дрожи боялась колдунов и верила во все мыслимые и немыслимые приметы. Вот и нынешняя гремящая гроза и беснующийся ветер виделись ей дурным предзнаменованием.

Путь предстоял долгий, а я никогда не любила длительных путешествий. Чтобы скоротать время, взяла с собой несколько книг и сейчас погрузилась в чтение. Специально остановила выбор на философии — такая литература никогда не читается быстро.

Бекки же грамоте обучена не была и потому мучилась, не зная, чем себя занять. Я видела, что она несколько раз порывалась со мной заговорить, но не решалась. В итоге горничная достала пяльцы и принялась за вышивку. Насколько мне было известно, вышивать она не любила, но в данной ситуации альтернативы не было.

Ближе к вечеру мы остановились на постоялом дворе, где сняли лучшие комнаты. Лошадям и кучеру требовалось отдохнуть, да и нам с Бекки тоже. Находиться в обществе одной лишь только горничной мне было непривычно. То обстоятельство, что лорд Кендол отправил меня в дорогу фактически одну, настораживало и вызывало изрядную долю недоумения.

— Миледи, как же так получилось? — все же решилась спросить горничная, расчесывая мои волосы. — Почему лорд Кендол вас отослал?

— Не знаю, Бекки, — задумчиво проговорила я, смотря на свое отражение в настенном зеркале. — Не знаю...

Ночь прошла беспокойно. Кошмары не мучили, но с их ролью прекрасно справлялась ожидающая впереди неизвестность. Мысли о том, что меня ждет по приезде, отгоняли сон и внушали беспокойство. Это чувство рождалось в глубинах души, разрасталось и не желало сдаваться даже под натиском силы воли.

Единственным разумным предположением по-прежнему оставалось то, что меня решили выдать замуж. Вот только столь странный способ знакомства с женихом никак не вписывался в привычные рамки. В глубине

души я тешила себя мыслью, что сумею избежать свадьбы, если вдруг потенциальный муж вызовет стойкую неприязнь. Вся бедственность моего положения заключалась в отсутствии наследства. Все, что оставили после себя родители — это долги и дом, продажа которого пошла на их частичное погашение. Отчасти именно поэтому я считала, что любым способом обязана возместить дяде потраченные на меня деньги.

И все же...

Глубоко вдохнув и закрыв глаза, взяла эмоции под контроль. В конце концов, это не самое страшное, что мне довелось пережить. Кем бы ни был лорд Баррингтон и какие бы цели ни преследовал, перед ним я буду держаться со спокойствием и достоинством.

Ранним утром раздался негромкий, но настойчивый стук в дверь. Накинув шерстяную шаль, сонная Бекки отворила визитеру, и в следующее мгновение до меня донесся мужской голос:

— Передай леди Кендол, что карета графа уже дожидается внизу. Пожалуйста, пусть поторопится.

Дядя предупреждал, что нас встретят, поэтому я не удивилась, хотя и предполагала, что это случится несколько позднее. Что ж, по крайней мере, за свою безопасность можно больше не волноваться.

Перед тем как спуститься вниз, мы успели наскоро позавтракать. Сборы не заняли много времени, и людям лорда Баррингтона долго ждать не пришлось. Присланная графом карета оказалась гораздо просторнее той, в которой мы ехали прежде. Однако, несмотря на явную дороговизну, она казалась старой — такие были в моде лет десять-пятнадцать назад.

Теперь нас сопровождал человек, которого мне уже доводилось видеть прежде, — тот самый гость, приходивший к дяде неделю назад. Он оказался немногословен, и, кроме приветствия, я от него ничего не услышала. Сама расспрашивать ни о чем не стала, предполагая, что ответов все равно не дождусь.

До Риджии мы добрались лишь к следующему утру. Она встретила нас рваным туманом, расстелившимся по земле и вязкими островками повисшим в сыром воздухе. Серая дымка скрывала очертания зданий и фигуры прохожих, обволакивала экипаж, словно желая защитить небольшой городок от посторонних глаз.

Когда мы выехали к окраине, экипаж остановился у старого здания, явно принадлежащего давно ушедшей эпохе. Об этом говорили остроконечные ажурные башни, стрельчатые окна и украшенные сложным орнаментом фасады. Легкость силуэта контрастировала с массивностью пары каменных скульптур, представляющих собой рычащих химер.

Должно быть, некогда это здание являлось центром охотников на магов, а сейчас здесь располагался очередной постоялый двор.

Дженкинс — наш провожатый, сообщил, что необходимо сменить лошадей. Целые сутки мы ехали практически безостановочно, и животные были измотаны. От долгого сидения затекли ноги, и мне тоже захотелось размяться. В сопровождении Бекки я вышла из экипажа и неспешно побрела по окутанной туманом улице. Дженкинс бесшумно двигался следом.

— Ведьма! Ведьма! — внезапно раздались громкие голоса, и вскоре я увидела неподалеку небольшую группку детей.

Они окружили девочку лет двенадцати, одетую в потрепанное шерстяное платье и старые, затертые до дыр башмаки.

— Убирайся из города, ведьма! — крикнул парень постарше, тыча в нее длинной деревянной палкой.

— Ведьма, проклятая ведьма! — снова подхватили остальные, окружая девочку.

Та стояла, широко расправив плечи и высоко подняв голову. Хотя губы ее дрожали, но глаза смотрели с вызовом, а пальцы сжимались в кулаки. Замкнутый круг сужался, и деревянные палки практически касались несчастной жертвы.

Не в силах смотреть на травлю, я стремительно направилась к ним и на ходу выкрикнула:

— Прекратите!

Услышав возглас, дети синхронно обернулись в мою сторону и тут же несколько умилились. Видимо, сказалось наличие рядом дорогой кареты и присутствие за моей спиной Дженкинса. Этот человек, несмотря на преклонный возраст, производил неизгладимое, подавляющее впечатление.

Стоило мне оказаться совсем рядом, как дети бросились врассыпную. Единственной, кто остался стоять на месте, была та самая девочка, которую я хотела защитить.

— Миледи, не подходили бы вы к ней! — испуганно проговорила Бекки. — Недаром же ее ведьмой кликали!

Девочка продолжала смотреть прямо перед собой и словно не замечала ничего вокруг. В ее глазах по-прежнему отражался вызов, но теперь я смогла разглядеть скрытые под ним обиду и страх. Маленькое худое тельце дрожало, будто от мороза, а на чумазых щеках виднелись следы от недавних слез.

Я редко имела дело с детьми и сейчас не знала, как ее успокоить. Действуя интуитивно, медленно приблизилась и, почувствовав, что девочка

собирается убежать, замерла.

— Не бойся, мы тебя не обидим. — На миг задумавшись, спросила: — Ты голодна?

Этот вопрос могла бы и не задавать — по ее лицу все было видно и так.

— Бекки, принеси из экипажа кошелек.

— Но ведь... — замешкалась та, бросив на девочку настороженный взгляд. — Она же...

— Бекки!

Пробормотав «слушаюсь», горничная неохотно отправилась выполнить поручение.

До чего же глубоко в сознание въедаются предрассудки! Человека считают виновным лишь потому, что он не похож на других. Интересно, если бы Бекки знала о моем даре, стала бы относиться ко мне так же, как к этому ребенку? Продолжила бы прислуживать, внутренне содрогаясь от страха и неприязни, или же бежала бы без оглядки?

— Не стоит этого делать, — неожиданно произнес Дженкинс, когда кошелек оказался у меня в руках и я извлекла из него несколько монет.

На миг обернувшись, я холодно проронила:

— Разве я спрашивала вашего мнения?

— В городе за ней присматривают, — невозмутимо ответил сопровождающий. — Она обеспечена всем необходимым.

Не посчитав нужным высказывать все, что думаю по этому поводу, я приблизилась к неподвижной девочке и взяла ее за руку, намереваясь вложить деньги.

Внезапно кожу обожгло. С моих губ сорвался судорожный вздох, и прежде, чем отпрянуть назад, я успела заметить полыхающий в глазах девочки огонь. Ее зрачки расширились, сливаясь с темной радужкой, и превратились в два черных колодца, на дне которых светились ярко-оранжевые блики.

Взглянув на свою ладонь, я обнаружила, что она покраснела и покрылась несколькими прозрачными волдырями. В следующее мгновение, воскликнув, ко мне бросилась горничная и со свойственной ему невозмутимостью подошел Дженкинс. Раздался негромкий звон и торопливые удаляющиеся шаги, вскоре превратившиеся в бег. По дороге покатались упавшие монеты, словно желающие догнать исчезающую из виду фигурку.

— Миледи, вот несчастье-то! — причитала Бекки, смазывая мне руку мазью, которую дал сопровождающий. — А все из-за этой ведьмы, гореть

ей в адовом пламени! Говорила ведь...

— Ты забываешься.

Холодный тон несколько остудил пыл горничной, и она прикусила язык. Мазь впитывалась на удивление быстро, снимая жжение и охлаждая кожу, залечивая последствия неестественного ожога. Какой именно магией обладала девочка, я так и не поняла. Ясно было лишь то, что контролировать дар она не умела. В то, что этот несчастный ребенок причинил мне боль намеренно, как-то не верилось.

Вскоре мы снова тронулись в путь. По моим подсчетам, прибыть на место должны были к середине дня, из-за чего внутри всколыхнулась притихшая было нервозность.

— Вы всегда возите с собой медикаменты? — спросила я у Дженкинса скорее из желания немного отвлечься.

— Разумеется, — бесстрастно отозвался тот. — В карете всегда есть все необходимое.

Я перевела взгляд на окошко: утренний туман растаял, а затянутое тучами хмурое небо тяжело стонало, предвещая приближающуюся грозу. Эти края славились вечной сыростью и пасмурной погодой. Солнце появлялось разве что в конце весны и летом, да и то ненадолго. Риджия словно была создана для того, чтобы в ее окрестностях человек предавался меланхолии и впадал в вязкий сон.

Мы ехали вдоль полей и высоких лесов по размытой от прошедшего накануне дождя дороге. В какой-то момент карета дернулась и резко встала, после чего раздался голос кучера, понукающего лошадей.

Дженкинс ничего не сказал, но недовольно прищурился, а складка, пролеглая меж его белесых бровей, стала глубже. Когда спустя несколько минут мы так и не тронулись с места, провожатый недовольно поджал губы и вышел из кареты. Бекки нервно сминала свою вышивку, неразборчиво бормоча что-то о дурных предзнаменованиях.

Через некоторое время стало понятно, что своими силами двое мужчин не справятся. Хотя я и не могла похвастаться хорошей физической подготовкой, решила предложить им помощь. Да, леди подобное поведение не пристало, но мне совершенно не улыбалось проторчать здесь целый день из-за глупых предрассудков.

— Бекки, иди сюда! — позвала я горничную, присоединившись к мужчинам, толкающим карету.

Те смерили меня крайне удивленными взглядами, но предпочли промолчать. Из-под утопающих в грязи колес вылетали тяжелые комья, налипающие на подол платья. Туфли с чавканьем погружались в

раскисшую землю, выбившиеся из прически пряди неприятно налипали на лицо.

Вчетвером нам все же удалось сдвинуть карету, и, как только это произошло, я устало прислонилась к ней спиной, выравнивая дыхание. В этот же момент внезапно заметила стоящего у леса человека. Это был мужчина лет тридцати с небольшим. Судя по внешнему виду, он принадлежал к знати. Его взгляд, показалось, был направлен прямо на меня.

Почему он не подошел, видя, что мы нуждаемся в помощи? Впрочем, это очевидно — наверняка побоялся испортить дорогую одежду и запачкать руки. Большинство из известных мне аристократов были ужасно изнеженными и не желали лишний раз пошевелить даже пальцем.

— Вы его знаете? — на миг отвернувшись, спросила я у Дженкинса.

Отряхнув манжеты от приставшей грязи, провожатый поднял глаза и уточнил:

— Кого?

Я вновь обернулась в сторону леса, но, к моему удивлению, там уже никого не было. По молодой листве активно застучали капли, и в следующее мгновение с неба, освещенного вспышкой молнии, хлынул мощный поток — словно висящее над головой море внезапно ухнуло вниз.

Невдалеке раздалось ржание коня, разнесшееся по лесу гулким эхом.

ГЛАВА 2

До поместья мы добрались ближе к вечеру, когда гроза отгремела, а дождь превратился в мелкую водяную пыль. Сторм-Делл походил на неприступную темную скалу. Тяжелое мрачное строение в четыре этажа словно вросло в землю, заявив свои права на все окружающее. Невзирая на то что его размеры не поражали воображение, впечатление здание производило гнетущее. Сквозь кованое ограждение просматривался сад с небольшим мраморным фонтаном, возле которого раскинулись клумбы алых роз. Там же стояло несколько скульптур, покрытых налетом времени, — не то нимфы, не то бескрылые ангелы. По одной из лицевых стен дома вился плющ, тянущийся от земли до верхнего этажа. Посыпанная гравием тропинка вела к входу с массивной темно-вишневой дверью, надежно охраняющей покой обитателей поместья.

Мне казалось, сам воздух здесь напитан тоской и немой безнадежностью. Поместье словно оплакивало что-то ушедшее, и душа его с каждой секундой приходила во все большее запустение. На этих землях царствовал холод — не тот, что бывает в снежную зиму, но тот, который ощущается и летом, сжимая тисками внутренности и проникая в самое сердце.

Ворота нам открыл высокий, крепко сбитый молодой мужчина, исполняющий обязанности садовника. Перед этим он подстригал кусты, но, как только увидел подъехавшую карету, тут же прекратил свое занятие и поспешил навстречу.

— Миледи, с вами все в порядке? — вывел меня из оцепенения голос Бекки.

Я медленно кивнула и, дождавшись, пока Дженкинс откроет дверцу, вышла из кареты. Стоило оказаться на улице, как неприятные ощущения усилились. Липкий чужеродный страх прополз по позвоночнику и вязким комом подкатил к горлу.

Я чувствовала магию. Она, подобно невидимой паутине, опутывала особняк и сад, ползла по коротко стриженной траве и заполняла каждую частицу пространства. Любому другому человеку она была бы незаметна, но предо мной, обладающей способностью видеть незримое, представала отчетливо.

Ворота скрипнули и закрылись — подумалось, что это захлопнулась дверца клетки.

В холле нас встретила женщина, судя по всему являющаяся экономкой. Доброжелательности на ее лице хватало ровно настолько, чтобы должным образом поприветствовать гостей. Каштановые волосы были собраны в строгий пучок, бордовое платье сидело идеально, подчеркивая стройную фигуру. Для своей должности женщина была довольно молодой, и это натолкнуло на мысль о том, что заняла она ее не так давно.

— Леди Кендол, мы ждали вас. — Губы ее тронула легкая улыбка, но глаза остались холодными. — К сожалению, хозяин не может встретить вас лично. Комнаты уже готовы, прошу за мной.

Вслед за нами на второй этаж поднялся садовник, несущий мой багаж. Отсутствие лакеев показалось несколько странным, но я не стала заострять на этом внимание. Судя по всему, лорд Баррингтон предпочитал жизнь в уединении и штат прислуги был совсем небольшим.

— Через два часа в столовой накроют ужин, — сообщила экономка, когда мы вошли в отведенные мне комнаты. — Если что-то понадобится, пусть ваша горничная даст знать. Полагаю, будет лучше, если сейчас вы отдохнете с дороги, а дом осмотрите несколько позже.

С этим я была полностью согласна. После непривычного занятия в виде толкания кареты чувствовала себя ужасно грязной, и хотелось скорее привести себя в порядок. Что примечательно, горячая ванна для меня была уже подготовлена, словно слуги с точностью до минуты знали, в какое время я переступлю порог этого дома.

После того как дорожная пыль и следы грязи были устранены, я на некоторое время отпустила Бекки, которой также требовалось заняться собой. Перед тем как уйти, экономка сообщила, где находятся комнаты для прислуги, и сейчас горничная отправилась туда.

Оставшись в одиночестве, я внимательнее осмотрела помещение, где находилась. Все здесь было выполнено в темных тонах: резная мебель, включающая массивную кровать, мягкий уголок, стол и гардероб, а также пол, стены и занавески. Лишь потолок отличался более светлым оттенком. Из окна открывался вид на задний двор с небольшим прудом, заросшим камышами и наполовину затянутым зеленой тиной. Через него тянулся каменный мостик, словно созданный для того, чтобы, стоя на нем, кормить прилетающих на пруд лебедей. Не знаю, почему вдруг на ум пришла такая ассоциация — сейчас никаких птиц там не было. Рядом возвышались потрескавшиеся мраморные статуи — такие, как перед домом, и скрюченные сухие вязы.

Горячая вода помогла снять усталость и напряжение, но не избавила от гнетущих чувств. Я словно наяву видела, как дом наполняет нечто

неприятное, тяжелое, прочно вьевшееся в стены. Постаравшись отрешиться от возникших ощущений, я прилегла на кровать и закрыла глаза. Всего на секунду, но этого оказалось достаточно. Сон охватил внезапно, утащил в свои бездны и незаметно вырвал из реальности.

Он был тем же: хорошо знакомым, но по-прежнему непривычным. Сколько раз я так стояла, смотря в широкую мужскую спину и не в силах пошевелиться, — не счесть. Но каждый раз был словно первый. Скованная ужасом, беспомощная, я слышала гулкой бой часов, отсчитывающих уходящие прочь секунды. Снова леденящий душу ветер, глухо шуршащие лепестки и ползущие безмолвные тени.

Но теперь что-то изменилось — появилась новая деталь. Едва открылась темная воронка и мужчина в центре зашептал имя, как воздух сделался тучным. Я видела, как через него постепенно проступают очертания женской фигуры, облаченной в белые одежды. Вскоре поняла, что бело не платье — бела сама женщина. Полупрозрачная, воздушная, будто сотканная из тончайшего мерцающего шелка. И только глаза были неестественно синие, печальные, затянутые поволокой безнадежной тоски.

Всего мгновение — и они направлены на меня.

Очнулась я от собственного крика. Резко сев на кровати, обнаружила, что пальцы с силой сминают покрывало. Приложив ладонь ко лбу, я попыталась успокоиться и выровнять дыхание, как вдруг ощутила рядом что-то странное. Внутри всколыхнулось неприятное ощущение, вызванное чьим-то присутствием.

Подумав, что меня все еще преследует взгляд из кошмара, я подняла глаза и буквально застыла. У комода, рядом с большим напольным зеркалом висел призрак из сна. Вначале подумалось, что мне просто мерещится, но прозрачная фигура не развеялась после того, как я поводила перед собой рукой и несколько раз поморгала.

подавив рвущийся наружу крик, я медленно поднялась с места и, замерев, негромко спросила:

— Кто ты?

Наверное, глупо было полагать, что мне ответят, ведь призраки не разговаривают. По крайней мере, так уверяют люди, которым доводилось их видеть. Насколько мне известно, подобными духами могли стать те, чья смерть была преждевременной, и такие сущности всегда имели привязку к определенному месту. В данном случае выходило, что призрак привязан к этому дому.

— Что тебе нужно? — Еще один нелепый вопрос, но молчать я не могла.

Просто не знала, как себя вести в такой ситуации и какие действия предпринять. Бывали случаи, когда призраки проявляли себя агрессивно. Хотя они являлись существами нематериальными, но могли нанести существенный физический урон и даже убить.

Мне с трудом удавалось подавлять сотрясающую тело дрожь. Казалось, я все еще сплю и вижу дурной сон. Самым страшным было то, что именно этот призрак только что привиделся мне в кошмаре.

Возможно, таким образом проявился дар и я заранее увидела встречу, которая должна была произойти? Но никогда прежде интуиция не давала знать о грядущем через сны и тем более не переплеталась с кошмаром. Да и видеть будущее я никогда не умела...

Мысли проносились в сознании одна за другой, в то время как глаза смотрели на зависшую над полом женщину. Впрочем, по отношению к ней скорее напрашивалось определение «девушка». Миниатюрная, светловолосая, в длинном платье с кружевным подолом, она походила на хрупкую фарфоровую статуэтку с сапфирами вместо глаз.

Я сделала короткий шаг по направлению к ней, и в этот миг внезапно отворилась дверь. Как только в комнату вошла Бекки, дух бесшумно развеялся, не оставив и следа.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила горничная, видимо заметив мое состояние.

Я быстро взяла себя в руки и даже улыбнулась:

— Все хорошо.

Переведя взгляд на часы, с удивлением отметила, что со времени приезда прошло уже полтора часа. А ведь казалось, что я спала всего ничего...

За оставшееся до ужина время Бекки помогла мне собраться — подготовила выбранное платье и уложила волосы. За что я всегда любила свою горничную, так это за умение делать прекрасные прически и, что немаловажно, делать быстро. Сегодня я решила оставить волосы распущенными, подколов на затылке лишь несколько прядей. Этим вечером требовалось выглядеть хорошо и достойно, поэтому образ был дополнен дорогими, но неброскими украшениями.

— Миледи, я должна вас предупредить, — несколько суетливо проговорила Бекки, когда я собралась выходить. — В доме помимо вас находится еще семеро гостей, и все они молодые девушки.

Сказать, что известие меня удивило, это не сказать ничего. Но размышлять на тему того, что это может значить, времени не оставалось, поэтому, приняв информацию к сведению, я отправилась на ужин. Вопреки

ожиданию, за дверью комнаты меня дожидалась не экономка, а Дженкинс, облаченный в костюм дворецкого.

Чем дальше, тем больше меня поражало происходящее. До сего момента я считала, что мой провожатый как минимум поверенный лорда Баррингтона, а как максимум — хороший знакомый. Но дворецкий? Немыслимо, ведь дядя вел себя с ним как с почетным гостем и едва ли не равным себе! Неужели не знал, кто перед ним?

Стол в столовой был накрыт на восемь персон, что являлось подтверждением слов Бекки. Пять мест уже были заняты девушками, каждая из которых на вид была моей ровесницей. Присаживаясь на предусмотрительно отодвинутый Дженкинсом стул, я окинула их беглым взглядом, которого хватило для составления общего мнения. Для меня было очевидно, что леди среди присутствующих не было, хотя внешний вид девушек был безупречен. Платья на них были не слишком дорогие, но подобранные со вкусом.

Ко мне обратились любопытные оценивающие взгляды, в которых не было ни тени удивления. Значит, о моем сегодняшнем приезде девушки были осведомлены.

— Добрый вечер, — несколько запоздало приветствовала я и представилась: — Леди Амина Кендол.

Упомянув статус, я вовсе не хотела подчеркивать свое превосходство, это было лишь привычной констатацией факта.

После нестройных ответных приветствий девушки также поочередно представились. Ту, что сидела рядом со мной, звали Кэсси — слегка полноватая шатенка с милыми ямочками на щеках, появляющимися при улыбке. Девушка напротив представилась Делорой. Она отличалась от Кэсси миниатюрностью и очень длинными русыми волосами. Держалась несколько отстраненно и говорила совсем мало. Складывалось впечатление, что мысленно она пребывает где-то далеко.

Цоканье каблучков возвестило о приближении двух оставшихся девушек, и вскоре они вошли в столовую. На сей раз в одной из них я признала леди. О ее статусе говорили походка, осанка и взгляд. За каждым движением и жестом скрывались долгие годы обучения и правила, заученные еще в детстве. Светлые волосы, по последней столичной моде постриженные чуть ниже лопаток, были идеально гладкими, подбородок отличался легкой заостренностью, а полные губы изгибались в снисходительной улыбке. С тем видом, с каким она предстала перед нами, в пору королеве было приветствовать своих подданных.

Девушка, идущая рядом с леди, была очень миловидной и отличалась

таким цветом волос, за который несколько столетий назад женщины подвергались гонениям. Рыжие пряди струились по плечам, подобно огненному водопаду, а зеленые глаза только усиливали ее сходство с ведьмой.

Когда они обе присели за стол, дворецкий подал ужин. Пока перед нами расставляли тарелки с отбивными и гороховым пюре, новоприбывшая блондинка хмыкнула:

— А вот и восьмая.

Не требовалось долго думать, чтобы понять, о ком идет речь. Среди девушек, живущих в этом поместье, восьмой была я.

— Леди Виола Фейн, — не без гордости представилась блондинка. — Мой отец — известный виконт Фейн.

— Леди Амина Кендол, — в свою очередь представилась я, спокойно встретив ее надменный взгляд. — И если вас так заботит родословная, мой отец — граф.

Чувство превосходства постепенно сходило с лица Виолы по мере того, как до нее доходил смысл моих слов. Если девушки знали о моем приезде и о том, что я принадлежу к аристократии, то о титуле явно не имели никакого представления.

Понимая, что, скорее всего, мне придется провести с ними бок о бок достаточно много времени, я предложила:

— Если никто не возражает, предлагаю опустить формальности и обращаться друг к другу по имени. Думаю, так нам всем будет гораздо удобнее.

Возразить попыталась лишь леди Фейн, но ее глас быстро потонул во всеобщем одобрении. Я предполагала, что относительно нашего пребывания здесь девушки могут быть осведомлены лучше меня, поэтому спросила:

— Кто-нибудь может объяснить, для чего мы здесь находимся?

Еще недавно оживленные, сейчас все синхронно опустили глаза в тарелки и сделали вид, что не расслышали вопроса. Единственными, кто обратил на меня взгляд, стали Виола и, как ни удивительно, Делора. Последняя смотрела несколько странно, будто бы зная о чем-то важном, но боясь сказать.

— Мы осведомлены не больше твоего, — за всех ответила Виола, тон которой стал гораздо ровнее и дружелюбнее. — Одну за другой нас привозили сюда с января, не давая никаких объяснений.

— А родные? — усомнилась я, одновременно вспомнив о дяде. — Что говорили они?

Если своих родственников, не питающих ко мне теплых чувств, я еще могла понять, то поверить в равнодушие близких этих девушек — нет.

Рыжая приятельница Виолы криво усмехнулась, отчего исказились черты ее лица.

— Все мы из не совсем благополучных семей, я вообще воспитывалась в приюте. Когда полгода назад драила полы в дешевой забегаловке, ко мне подошел старик, предложивший обеспеченную жизнь и ощутимую сумму в придачу.

— И тебя это не насторожило? — спросила я, поняв, что старик — это Дженкинс.

— Насторожило, — кивнула девушка. — Но когда кусок черствого хлеба считаешь за счастье, согласишься и не на такое. Тем более что с нами здесь обращаются хорошо и данное обещание держат. Я ни в чем не нуждаюсь, а большего мне и не надо.

То, что Виола с ее высокомерием и пренебрежением к низшему сословию выбрала себе в приятельницы бывшую воспитанницу приюта, казалось несколько странным. Впрочем, рыжая явно обладала бойким характером и умела постоять за себя, а такие качества всегда ценятся.

— К слову, меня зовут Габриэлла. — Рыжеволосая улыбнулась и тут же добавила: — Можно просто Габи.

Ужин протекал неспешно, уходить из-за стола никто не спешил. Вслед за горячим был подан сладкий пудинг, черный чай и свежие фрукты. Вкус чая оказался несколько специфическим, с легким горьковато-травяным оттенком.

— Как часто вы виделись с лордом Баррингтоном? — продолжила расспрашивать я, оставив чашку на фарфоровое блюдце.

На этот раз ответила сидящая рядом Кэсси:

— Ни разу.

Заметив, как мои брови поползли вверх, выражая крайнюю степень изумления, она пояснила:

— По словам миссис Эртон — экономки, граф страдает от какого-то недуга. Он прикован к постели, из-за чего никогда не покидает пределов своей комнаты. Все его дела ведет Дженкинс, именно ему лорд безоговорочно доверяет.

— Двенадцать лет назад умерла графиня, — снова взяла слово Виола, явно рисуясь своей осведомленностью. — Говорят, именно с тех пор он занемог. Оградился от всего мира и заперся в стенах этого дома.

Все, что меня удивляло прежде, не шло с этим сообщением ни в какое сравнение. То есть, находясь в доме лорда Баррингтона, никто из девушек

ни разу не видел его самого? В таком случае зачем нас всех вообще здесь собрали? Неужели больного мужчину тешит мысль, что рядом с ним находятся молодые цветущие создания? Какая глупость! Наверняка причина совершенно в другом.

Вопросов становилось все больше, а на внятные ответы не появлялось ни намека. Единственное, что я для себя прояснила из последующего разговора, — то, что дяде, вероятно, неплохо за меня заплатили. В конечном счете какая ему разница, в качестве кого и кому меня продавать? Такой вывод напрашивался из слов двух подруг по несчастью, которые видели договора, подписанные их родителями, и чеки с указанием суммы. Все это откровенно плохо пахло, но я все еще надеялась, что родные не могли обречь нас на заведомо ужасную участь. Со временем всему должно найтись рациональное и логичное объяснение, нужно просто набраться терпения.

Однако, как бы я ни пыталась успокоить себя, сама обстановка в доме твердила об обратном. В этом месте явно присутствовала магия — и ее отголоски, и происходящая сейчас. Еще и явившийся мне призрак, при одном воспоминании о котором стыла кровь...

О нем я вспомнила незадолго до того, как повисшую за столом тишину нарушил насмешливый голос Виолы:

— Что, Делора, опять духа увидела?

От этих слов меня буквально передернуло, и в следующую секунду я заметила, что сидящая напротив девушка не мигая смотрит мне за спину. Ее глаза застыли, с приоткрытых губ срывалось тихое дыхание.

Резко обернувшись, я успела заметить легкое колебание воздуха, прекратившееся буквально в один миг. Могла бы поклясться, что нечто подобное сопровождало исчезновение духа в моей комнате. Выходит, Делора тоже его видит, а остальные — нет?

О призраках я знала слишком мало, чтобы делать какие-то выводы. Информация о них имела крайне скудную, и найти ее было довольно сложно. Книжки о любых сверхъестественных явлениях и существах для широких масс находились под запретом, и получить к ним доступ можно было только при наличии специального разрешения. Неудивительно, что, сталкиваясь с духами лицом к лицу, люди оказывались беспомощными. Хотя надо отдать нынешнему монарху должное, в последнее время он стал в корне менять систему, справедливо полагая, что врага нужно знать в лицо и в случае чего уметь защититься. Ходили слухи, что по всему королевству намеревались открыть специальные школы, где людей должны были обучать специалисты по сверхъестественному, предками которых являлись

охотники на магов. Конечно, нынешнее название звучало куда более гуманно.

Внезапно в столовой раздался глухой стук. Взгляды всех присутствующих, и мой в том числе, обратились к окну, за которым сидела большая рябая сова, настойчиво стучащая клювом по стеклу.

— Опять твоя глупая птица! — недовольно скривилась Виола.

Ничего не ответив, Делора встала из-за стола и, подойдя к окну, мягко улыбнулась.

— Тш-ш-ш, — успокаивающе произнесла она. — Подожди немного, я скоро приду.

— Не обращай внимания, она у нас со странностями, — с усмешкой обратилась ко мне Габи. — Немного не от мира сего.

Судя по тому, что видела, я бы так не сказала. Услышав голос Делоры, сова склонила голову набок, прищурила большие круглые глаза и внимательно на нее посмотрела. Затем, будто осмыслив сказанное, взмахнула крыльями и, рассекая ими воздух, скрылась с глаз.

Никто из присутствующих за столом не выглядел удивленным, да и брошенная Виолой фраза подтверждала то, что подобные ситуации случаются часто. Я снова обратила взгляд на застывшую у окна Делору и на сей раз изучила ее более внимательно. Хрупкое миниатюрное телосложение, из-за которого ее можно было с легкостью принять за подростка, тонкие черты лица, очень длинные распущенные волосы — за этой внешностью скрывалось нечто едва уловимое, но вместе с тем сильное. Не будучи уверена в своей правоте, я все же предположила, что Делора, как и я, обладает магическим даром. Должно быть, благодаря ему и видит обитающего здесь духа.

Словно почувствовав прикованный к ней взгляд, девушка обернулась, и в этот момент по комнате пробежал сквозняк, в последнее мгновение обернувшийся легким ветром. Задребезжали стоящие на столе чашки, задрожала хрустальная, местами заросшая паутиной люстра. Откуда-то из недр особняка донеслись звуки пианино.

В воцарившейся за этим тишине шум от отодвинутого стула показался настоящим грохотом. Небрежно бросив на стол кружевную салфетку, Габи пожелала всем приятного вечера и удалилась. Вместе с ней ушла и Виола, а затем Делора и еще три девушки.

В столовой остались лишь мы с Кэсси.

Я видела, что она задержалась не просто так. Судя по ее поведению во время ужина, Кэсси была явно не против моего общества. Друзей у меня никогда не было, да они были мне и ни к чему, а вот против приятельских

отношений я ничего не имела. Особенно теперь. Поэтому сама завела разговор, начав расспрашивать Кэсси о ее прежней жизни. Тема для девушки оказалась вполне комфортной, и она охотно рассказывала о себе.

Как выяснилось, ее отец содержал пекарню и до некоторых пор считался человеком небедным. В их семье пятеро детей, из которых Кэсси была самой старшей. Буквально полгода назад дела отца пошли на спад, и в считанные месяцы он как никогда стал близок к разорению. Тогда и появился Дженкинс, предложивший ему сумму в обмен на дочь. Разумеется, вначале тот отказывался, но позже сдался и поставил подпись на предложенном ему договоре.

— Какие там были условия? — спросила я, заинтересовавшись этим моментом. — Ты видела документ?

— Помимо оговоренной суммы лорд Баррингтон обещал мне защиту и хорошее содержание сроком до первого дня осени, — припомнила Кэсси. — В обмен я должна всего лишь жить в этом поместье и не покидать территорию без позволения его либо Дженкинса.

— Хочешь сказать, что вы... то есть мы не можем выходить за ограду?

— Почему же? — возразила Кэсси, отправив в рот стянутую с подноса дольку яблока. — Иногда нам устраивают конные прогулки, здесь имеется прекрасная конюшня. Кстати... — Она склонилась совсем близко ко мне и, хихикнув, прошептала: — Конюх такой красавчик.

Вмиг опомнившись, вероятно подумав о моем статусе, девушка тут же отстранилась и, чтобы сгладить неловкость, надкусила еще один фрукт — на этот раз грушу.

Увлечшись разговором, я не заметила, как в столовую вошла миссис Эртон, поэтому прозвучавший позади голос стал неожиданностью:

— Леди Кеңдол, прошу прощения, что прерываю. Полагаю, ужин окончен. Не желаете осмотреть дом?

ГЛАВА 3

Звук шагов отражался от темных стен и разносился по коридорам гулким эхом. Изнутри особняк оказался гораздо больше, чем виделся мне снаружи. Мы миновали залы и галереи, отмеченные робкими лучами света, проникающими сквозь мутные окна. На дубовом паркете местами толстым слоем лежала пыль. Она присутствовала и на мебели, и в воздухе. Создавалось впечатление, что за домом смотрят лишь в центральной его части, ограничиваясь некоторыми жилыми комнатами. В отдаленные же помещения горничные явно заглядывали очень давно, что, учитывая количество прислуги, было совсем неудивительно.

— Здесь библиотека, — распахнув передо мной дверь, сообщила миссис Эртон. — Сюда давно никто не приходит, но, если желаете, она в вашем распоряжении.

Из комнаты повеяло запахом все той же пыли и старых книг. Последние всегда имеют свой особенный аромат, который трудно спутать с каким-то другим. Следуя за экономкой дальше, я про себя отметила, что на стенах не встретилось ни одного портрета. На них висели натюрморты и пейзажи, обрамленные в массивные резные рамы, реже попадались сюжетные многофигурные сцены. Я любила живопись и оценила высокое мастерство произведений, где каждый мазок был положен к месту и с тонким чувством цвета. Хозяин поместья явно обладал хорошим вкусом, о чем говорили и скульптуры, увиденные мной ранее в саду, и весь интерьер в целом. Невзирая на мрачность и гнетущее впечатление, дом отличался какой-то особенной красотой — пугающей, но вместе с тем завораживающей.

— А что здесь? — спросила я, когда миссис Эртон, не задерживаясь, прошла мимо одной из комнат.

Она остановилась и, обернувшись, бросила на меня взгляд, в котором сквозила толика недоумения:

— Леди Кендол, боюсь, я не совсем понимаю ваш вопрос. Это просто стена.

Охватившее меня недоумение было не менее сильным. Я прошлась взглядом по тяжеловесному кольцу дверной ручки, кованым украшениям в виде растительного орнамента и тонким трещинам на темно-вишневом дереве.

Как — стена?

Однако, предпочтя не заострять на этом внимания, покачала головой:
— Показалось. Я просто задумалась.

Мы двинулись дальше, и лишь усилием воли мне удалось заставить себя не обернуться назад. Раз миссис Эртон, живя в этом доме, не видит дверь, значит, та скрыта пологом магии. Другого объяснения не было, а раз так, то для меня этой двери тоже не должно существовать. Следует быть осторожнее, если я хочу сохранить в секрете свой дар.

Невзирая на некстати проснувшееся любопытство, я решила, что сюда не вернусь. Если о комнате не знает прислуга, это вовсе не подразумевает, что о ней не знает хозяин. Вполне возможно, комната имеет отношение непосредственно к лорду Баррингтону, и в таком случае пытаться туда проникнуть было бы глупостью. Во всяком случае, пока.

Неожиданно на верхнем этаже раздался грохот, будто бы от падения на пол чего-то тяжелого, а следом послышалось сдавленное, на грани слышимости шипение. Странное, пробирающее насквозь, оно вызвало необъяснимую дрожь, пробежавшую по прохладной коже.

— Должно быть, хозяин, — пробормотала миссис Эртон и, уже обращаясь ко мне, извинилась: — Леди, прошу прощения, я вынуждена вас оставить.

Не успела я опомниться, как она почтительно поклонилась и, подобрав юбки, стремительно направилась в сторону лестницы. Оставшись одна, я с долей растерянности осмотрелась по сторонам, после чего опомнилась и отправилась в отведенную мне комнату. К счастью, дорогу запомнила хорошо, и трудностей с поиском обратного пути не возникло. Пока шла, меня не покидало чувство, что изнутри дом должен быть гораздо меньше. Конечно, и снаружи его было сложно назвать маленьким, но все же коридоры казались слишком длинными, а помещения, в какие мы заглядывали до этого, — слишком просторными.

Свернув за угол и находясь на полпути к лестнице, я внезапно услышала отдаленные звуки пианино. Кажется, они же раздавались и во время ужина. Решив, что это играет кто-то из девушек, я сменила маршрут и направилась в ту сторону, откуда доносилась музыка. Не сказать, чтобы меня сильно тянуло вновь оказаться в чьем-то обществе, но отходить ко сну было рано, а просто так сидеть в комнате не хотелось.

Мелодия привела меня в просторный зал, который казался светлым пятном в этом темном царстве. Пол, стены и потолок имели светло-бежевый оттенок, но местами краска посерела и облупилась, создавая сетку кракелюра. В центре стоял белый рояль, покрытый слоем пыли и сухими лепестками роз. Последние покрывали и паркет, мешаясь с уличной пылью,

занесенной сюда ветром. В этом зале имелось несколько больших открытых арок, ведущих на задний двор.

Звуки музыки стихли, и я, слушая гулкий стук своих шагов, медленно приблизилась к роялю. Странно, но, кроме меня, здесь никого не было. Кто же тогда играл?

Крышка инструмента была открыта, на пюпитре стояли пожелтевшие листы нот.

— «Ноктюрн забвения», — прочитала я название, тронув клавиши.

Те покорно отозвались, доказывая, что рояль прекрасно настроен, невзирая на запущенное состояние самого зала. Я не обладала выдающимися музыкальными способностями, но музыку любила как часть великого искусства. Льющаяся из души, она рождалась в соприкосновении клавиш и кончиков пальцев, говорила языком, в котором не требуются слова.

Произведение было мне известно. Помнится, один из занимающихся со мной учителей заставлял повторять его по тридцать раз на дню до тех пор, пока я не овладела им, приложив старание и всю силу своей скромной музыкальной одаренности.

Этот ноктюрн был написан одним из самых выдающихся композиторов прошлого столетия и воспевал тонкую красоту угасания. Считалось, что великий творец вдохновлялся красотой поздней осени во время пребывания в загородном имении, дарованном ему самим королем. Но также ходили слухи, что его непревзойденный талант был не чем иным, как проявлением магического дара, а на создание «Забвения» его вдохновляла сама смерть.

Как бы то ни было, музыка вышла действительно прекрасной: возвышенно-печальной и подталкивающей к размышлениям о вечном.

Не прекращая играть, я присела на стул и одновременно отметила, что пыли на клавишах нет. Получается, кто-то и впрямь недавно здесь побывал. Наверное, вышел на улицу через арку, поэтому мы и не встретились.

Увлечшись, я не сразу заметила, что стемнело. И дело было не только в сумерках, но и в неумолимо приближающихся тучах, что сгущались весь последний час. Сад и музыкальный зал погрузились в сонливую негу, приобретя полупрозрачные синие оттенки. Прохладный, пахнувший розами ветер зашуршал в нотных листах и сбросил их на пол в то время, как отзвучал последний аккорд.

Вынырнув из мира музыки, я подняла ноты, поставила их на место и поднялась, собираясь уходить, как вдруг в висках застучало. Неприятные ощущения, преследующие меня до этого, усилились стократ, мешая

нормально дышать. Пошатнувшись, я оперлась рукой на рояль и различила уже знакомое приглушенное шипение, идущее с верхних этажей. На этот раз оно становилось все отчетливее и вскоре уже окружало меня со всех сторон. С виду все оставалось по-прежнему, но я явственно ощущала чье-то приближение. Темное и неотвратимое.

Стало до того не по себе, что, преодолев слабость, я стремительно двинулась к выходу, постепенно срываясь на бег. Когда выбежала из зала и стремглав понеслась по темным коридорам, в спину мне летели печальные звуки ноктюрна...

К собственному удивлению, этой ночью спала я крепко и без кошмаров, а утром проснулась полная сил. Накануне после возвращения в комнату попросила Бекки принести мне мятный чай — должно быть, он сыграл не последнюю роль.

Сейчас тяжелые занавески были раздвинуты, и в комнату пробрались лучи солнца. Видеть их здесь было столь же неожиданно, сколь и радостно. Своим теплым светом они разогнали все тревоги, и произошедшее прошлым вечером в музыкальном зале теперь не казалось таким пугающим. С приходом утра страхи привычно отступили.

Поднялась я рано, а со слов миссис Эртон стол к завтраку накрывали в девять. В запасе оставалось целых два часа, которые я решила потратить на прогулку в саду. Погода располагала, и грех было не воспользоваться случаем.

Пока горничная помогала мне переодеваться, я решила прояснить у нее несколько моментов.

— Бекки, ты успела узнать, сколько всего человек живет в поместье? Я имею в виду прислугу.

Глаза горничной ярко блеснули. Она всегда была охочей до сплетен, и прежде мне стоило немалых трудов научить ее сдерживаться. Узнав какую-нибудь новость, Бекки тут же рвалась ею с кем-нибудь поделиться, а поскольку практически целые дни она проводила в моем обществе, ей приходилось несладко. Теперь же, впервые за все время, я порадовалась ее словоохотливости, которая сейчас могла оказаться весьма кстати.

— Быт здесь налажен так странно, — с придыханием произнесла Бекки. — Как и положено, всем заправляет дворецкий, но в подчинении миссис Эртон всего две горничные, а лакеи отсутствуют вовсе! На кухне трудится только одна повариха. Хозяин мог бы и помощников ей взять, столько гостей-то в доме! Еще есть садовник по имени Рэд и конюх Виктор.

Говоря о конюхе, она непроизвольно возвела глаза к потолку, отчего я

мысленно усмехнулась. Даже стало интересно посмотреть на того, кто так легко становится предметом девичьих мечтаний.

— А что насчет графа? — продолжала спрашивать я. — Уверена, ты успела о нем расспросить.

Судя по выражению лица Бекки, последнее утверждение попало прямо в цель. Но помимо прочего в ее глазах отразилось неприкрытое разочарование, говорящее, что ничего интересного выяснить не удалось.

— Никто ничего не знает, — вздохнула она, затягивая на мне корсет, и тут же недовольно бросила: — Или все делают вид, что не знают. Ходят угрюмые и как в воду опущенные. Дурное это место, миледи, вот помяните мое слово, ничего хорошего нас тут не ждет!

— Хватит нести чушь! — резче, чем хотела, оборвала ее я. — Места везде одинаковые, а людей не нам судить.

На самом деле меня разозлили не слова горничной, а то, что она озвучила мои собственные мысли. Притупившийся было страх вновь напомнил о себе, но был тут же мною раздавлен.

Несколько позже, прогуливаясь по саду, я тщательно обдумывала сложившуюся ситуацию. Страх страхом, но то, что в этом поместье имела место магия, не вызывало никаких сомнений. Как и то, что призрак не являлся плодом моего воображения. Учитывая слова Виолы, я предполагала, что это был дух покойной жены графа, умершей двенадцать лет назад. Конечно, этот старый дом, без сомнений, видел множество смертей, но такой вариант отчего-то казался мне наиболее вероятным.

Но самое главное, что не давало мне покоя, это намерения лорда Баррингтона. Сколько ни пыталась, я не могла понять, для чего ему понадобилось селить в доме восемь совершенно разных девушек. Все, что нас объединяло, — это приблизительно одинаковый возраст и проблемы в семье. Возможно, имелось что-то еще, но пока, помимо этого, я не находила между нами ничего общего.

— Элуна, тише, девочка, — неожиданно прозвучал в глубине сада негромкий голос, за которым последовало свиное уханье. — Вот так. Видишь? Совсем не больно.

Пройдя сквозь аллею пышно цветущих вьющихся роз, я увидела Делору, разговаривающую со своей птицей. Мой взгляд задержался на тонкой полоске белой ткани, которой была обмотана левая лапа совы.

— Повредила ночью, — пояснила девушка, заметив мое присутствие. — Во время охоты она часто бывает неосторожна.

— Она ручная? — приблизившись, спросила я.

Делора улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Вряд ли Элуну можно назвать ручной. Она никого не подпускает к себе близко и предпочитает независимость.

— Но тебя ведь слушает?

— Всего лишь прислушивается и позволяет находиться рядом, — возразила Делора, коснувшись длинных перьев. — Ты никогда не замечала, что совы — одни из самых умных птиц? Недаром они являются символом мудрости.

Я протянула руку, желая дотронуться до совы, но та мгновенно отшатнулась назад и издала звук, который можно было интерпретировать как возмущение.

— Видишь? — Улыбка Делоры стала шире. — Говорила же, она ценит независимость и никому не позволит нарушить ее личные границы.

Вопреки словам девушки, ее сама сова явно признавала как равную себе. Мне никогда не приходило в голову задумываться над поведением этих птиц, как не приходилось и близко с ними сталкиваться. Я всегда любила лошадей, и этих животных считала поистине разумными и все понимающими.

— Птицы и животные думают не так, как люди, — словно прочтала мои мысли Делора. — Они улавливают интонацию и эмоции, умеют устанавливать причинно-следственные связи, но их сознание ограничено. Сов же отличает обостренная интуиция. Они всегда чувствуют приближение опасности и способны заглядывать за грань.

В очередной раз я не удержалась и непонимающе переспросила:

— Заглядывать за грань?

Словно поняв, что сказала лишнее, Делора резко осеклась, и улыбка ее померкла. Взмахнув крыльями, сова внезапно сорвалась с места и перелетела на ветку дерева, растущего поблизости. Казалось, вместе с ней улетело и откровение Делоры, вмиг закрывшейся в своей раковине. Утратив открытость, теперь она снова походила на себя вчерашнюю — отстраненную и задумчивую.

— Я пойду, — некоторое время помявшись на месте, произнесла девушка. — Скоро накроют к завтраку.

Она двинулась по направлению к дому, но, как только сделала несколько шагов, я снова ее окликнула:

— Делора!

Она обернулась и вопросительно на меня посмотрела. Я испытывала некоторую неуверенность в своих действиях и предполагала, что, возможно, об этом пожалею, но не спросить не могла:

— Твой магический дар как-то связан с животными?

Девушка вздрогнула всем телом и, резко обхватив себя руками, затравленно на меня посмотрела. Вся ее фигура источала страх перед разоблачением, который был слишком хорошо мне знаком.

— У меня нет дара, — дрогнувшим голосом соврала Делора, машинально делая шаг назад.

Я знала ее всего один день, так что говорить о собственной магической одаренности не собиралась. Возможно, это и вызвало бы в ней ответную откровенность, но рисковать не стоило. У каждого в шкафу хранятся свои скелеты, и свою дверцу я предпочитала держать закрытой.

— Я не осуждаю, — попыталась успокоить Делору, зная, что своим вопросом попала точно в цель. — И никому не расскажу.

Неожиданно в девушке проснулась злость, и она отрезала:

— Потому что не о чем рассказывать!

Сорвавшись с места, она бросилась вперед по аллее роз и вскоре скрылась из виду. Надежды на налаживание с ней приятельских отношений обратились прахом, но я верила, что со временем все получится. Я нисколько не сомневалась, что о здешних обитателях Делора могла бы поведать очень многое, а значит, требовалось ее разговорить.

Громко ухнув, сова взмыла в воздух и, пролетев прямо над моей головой, улетела прочь. Вероятно, не видела смысла здесь задерживаться после ухода своей подруги. Как там сказала Делора? Птицы тонко улавливают настроение, а эмоциональный фон после нашего с ней разговора оставлял желать лучшего.

Присев на бортик фонтана, я опустила руку в воду и неспешно ею поводила, образуя на поверхности расплывчатые круги. Вода была прохладной и немного вязкой, отдающей запахом тины. На дне просматривался мелкий мусор, лепестки и мелкие бутоны цветов. Вынырнувшее из-за облака солнце выплеснуло золотистый свет, под которым вода заиграла зеленоватыми бликами.

Собравшись уходить, я внезапно заметила, как на дне что-то блеснуло. Нагнувшись, присмотрелась внимательнее и обнаружила небольшую подвеску на тонкой золотой цепочке. Порадовавшись, что надела платье с короткими рукавами, я опустила руку глубже и достала украшение. После того как оттерла его от зеленого налета, оказалось, что подвеска представляет собой черный камень, обрамленный в изящную оправу.

— Что-то нашли? — Мужской голос позади прозвучал до того неожиданно, что я едва не вскрикнула.

Резко обернувшись, наткнулась на молодого мужчину, стоящего непозволительно близко ко мне. На его темных волосах блестели капли,

говорящие о недавнем купании, губы были растянуты в улыбке, а глаза смотрели изучающе. Простая рубашка, коричневые брюки, заправленные в высокие сапоги, и торчащий за поясом хлыст указали на то, что передо мной конюх. Глядя на него, я вполне могла понять восхищающихся им девушек.

— Просто уронила в фонтан украшение, а затем достала, — сжимая в руке подвеску, почему-то соврала в ответ.

— Следует быть аккуратнее, — мягко упрекнул мужчина и со странной интонацией добавил: — Леди Кендол.

Стремясь увеличить между нами расстояние, я сделала шаг назад, но тут же уперлась в фонтан. Конюх же отступать и уходить не спешил, по-прежнему пытаюсь поймать мой взгляд, что уж точно нарушало все рамки дозволенного.

— Всего доброго, — пожелала я и, обогнув мужчину, размеренным шагом повторила недавний маршрут Делоры, удаляясь по тоннелю из вьющихся роз.

— До скорой встречи, — донеслось мне вслед, но оборачиваться я и не подумала.

К столу все девушки спустились вовремя. Мне было несколько непривычно завтракать в обществе стольких людей. Обычно утреннюю трапезу я проводила в одиночестве, сидя в малой гостиной или на террасе. Это время было чем-то личным, уютным, а теперь уклад жизни резко изменился, и с этим пришлось смириться.

Нам подали запаренную овсяную кашу на молоке, бриоши и несколько видов джема. Из напитков — чай и кофе. Про себя отметила, что кофе предпочла только я, все остальные остановили выбор на чае, который вчера мне не особо понравился.

— А я сегодня утром встретила Виктора, — поделилась со мной Кэсси так, чтобы услышали все остальные. — Вышла прогуляться к конюшне и увидела его, умывающимся прямо из бочки! И знаете, — она понизила голос до полусшепота, — он был без рубашки!

Мне захотелось удрученно закрыть лицо рукой, но я сдержалась. Если на меня такое сообщение не произвело должного впечатления, то на лицах некоторых из присутствующих отразился живой интерес. Даже Виола прислушалась, хотя и постаралась сделать вид, что рассказ Кэсси вовсе ее не волнует.

— И что потом? — поинтересовалась девушка, имени которой я не запомнила.

— Заметив меня, он улыбнулся и пожелал доброго утра, — охотно

закончила Кэсси, отправив в рот кусочек бриоши, щедро сдобренный клубничным джемом и сливочным маслом.

Откинув назад рыжие пряди, Габи фыркнула:

— И всего-то? Я уж думала, он тебя поцеловал.

Доедающая булочку Кэсси подавилась, закашлялась и, отпив чай, прохрипела:

— Стану я позволять себя целовать тому, кого знаю всего два месяца!

— А может, ты просто ему неинтересна? — иронично бросила Габи. — Худеть тебе нужно и есть меньше.

Кэсси подавилась вторично и с ответом не нашлась, зато вместо нее наперебой заговорили другие. Одна из девушек предложила поспорить, кто из нас первой сумеет по-настоящему привлечь внимание Виктора, и эту идею неожиданно поддержали. Хотя почему неожиданно? Учитывая всеобщий к нему интерес, вполне закономерно.

— Я только одного понять не могу. — Дождавшись, пока гвалт смолкнет, я обвела всех внимательным взглядом. — Мы все заперты здесь, понятия не имея, почему и зачем. Неужели никого из вас это не волнует?

За всех ответила Габи:

— Многих волнует. Но меня — нет. Такая жизнь мне более чем по вкусу, и если ты, дорогая леди, привыкла к подобной роскоши с детства, то для меня она — подарок судьбы. Я не стану забивать голову всякими «почему» и «зачем», а буду наслаждаться каждой секундой, проведенной в доме графа, принимать подарки и мысленно благодарить небеса!

Подарки? Впрочем, сразу можно было догадаться, что наряды девушки покупали себе не сами.

— Вдобавок отсюда все равно не уйти, — произнесла Виола, в голосе которой прорезался страх, и уже тише, склонив голову, добавила: — Я пробовала.

Услышав о том, что за оградой дом и сад сторожат огромные черные псы, я в очередной раз испытала удивление. Странно, ведь вчера ни я, ни Бекки их не видели.

— Смотри. — Поднявшись с места, Виола приподняла подол платья, демонстрируя отметину зубов на лодыжке. Рана выглядела ужасно — черная, глубокая, но вместе с тем явно затягивающаяся.

— Дженкинс дал ей мазь, — пояснила Габи. — Так что пока мы не предпринимаем попыток сбежать и следуем здешним правилам, о нас заботятся.

Последней реплики я не расслышала, сосредоточившись на словах о мази. Уж не та ли это самая, что Дженкинс дал мне по пути в поместье?

— Как давно тебя... укусили? — подбирая слова, поинтересовалась я. Присаживаясь обратно на стул, Виола неохотно ответила:

— Несколько дней назад.

Всего несколько дней... Что же это за мазь, способная исцелить настолько быстро? Судя по следу зубов, затягиваться рана должна была как минимум пару недель. А если вспомнить о снятии магического ожога, оставленного на моей ладони девочкой, это и вовсе кажется чудом.

Оставшееся время завтрака я размышляла над тем, что Виола, похоже, была единственной, по-настоящему желающей отсюда вырваться. Поэтому я решила, что стоит с ней поговорить. Конечно, не о плане побега, который пока не имеет смысла, но об объединении усилий, направленных на поиск ответов.

ГЛАВА 4

После завтрака я отправилась на поиски Дженкинса и миссис Эртон. Перед тем как заводить разговор с Виолой, намеревалась напрямую расспросить кого-нибудь из них двоих. Понимала, что, скорее всего, ничего конкретного не услышу, но попытаться стоило.

В конце концов, не может ведь быть, чтобы, выполняя распоряжения лорда Баррингтона, они совсем ничего не знали о его намерениях. Особенно дворецкий, так бесцеремонно ворвавшийся в мою жизнь и кардинально ее изменивший.

Я обошла комнаты первого этажа, надеясь застать кого-нибудь из прислуги за работой, затем поднялась на второй, но так никого и не нашла. Подниматься на верхний этаж, где находились спальни челяди, я сочла неуместным.

Дом словно вымер, погрузившись в абсолютное безмолвие. Некоторые девушки, пользуясь хорошей погодой, гуляли в саду, а некоторые проводили время у себя. Прислуга же напоминала неуловимых духов, какими пугают непослушных детей. Дядя бы сполна оценил их умение оставаться незаметными — для него это являлось важнейшим критерием. Если слуги исправно выполняют свою работу и при этом не попадают на глаза — значит, подходят для службы. Впрочем, угодить вспыльчивому лорду не всегда могли даже лучшие работники.

Дядя, дядя, зачем же ты меня сюда отправил?..

Ненадолго зайдя в свою комнату, я положила найденную подвеску в шкатулку с украшениями. Сперва хотела спрятать ее надежнее, но, поразмыслив, решила, что в том нет необходимости.

Перед тем как закрыть крышку, я на несколько мгновений задержала взгляд на крупном ограненном камне. Черный цвет в наших краях всегда ассоциировался с магией, и потому мало кто предпочитал носить черную одежду или украшения. Даже вдовы рядились в темно-вишневые платья, хотя именно черный цвет считался траурным.

Найденная вещь вызывала смешанные ощущения, но очень сильные. Я не могла определить, что именно испытывала, держа ее в руках. Казалось, под холодным металлом и камнем скрыто нечто горячее, похожее на тихие негаснущие искры.

В отличие от дворецкого и экономки Виола довольно быстро отыскалась в небольшой оранжерее, пристроенной к южной части дома.

Здесь царило то же запустение, что и во всем поместье. Некогда ухоженные апельсиновые деревья, выращивание которых уже больше десяти лет считалось очень модным, засохли. Та же участь постигла карликовые лимоны и некоторые цветы. Даже декоративная лоза, ползущая по специальному деревянному каркасу, выглядела довольно жалко. Единственными, кто в буквальном смысле цвел и пах, являлись розы. Помимо красных здесь росли белые и кремовые.

Еще — черные.

Виола сидела на мраморной, местами потрескавшейся скамье и смотрела в одну точку. Рядом лежала раскрытая книга — кажется, любовный роман, один из тех, какие благочестивые родители прячут подальше от своих юных дочерей.

Услышав шум моих шагов, Виола очнулась и, вздрогнув, подняла на меня взгляд. Машинально расправила ссутуленные плечи, и с ее лица мгновенно слетело всякое подобие задумчивости. Зато появилась видимость спокойствия и готовности вести диалог.

Я аккуратно присела рядом с ней и, тронув цветущие рядом розы, спросила:

— Тебе страшно?

— С чего ты взяла?

На Виолу я не смотрела, но почувствовала, что она пренебрежительно усмехнулась.

— Ведь не просто так хотела отсюда сбежать. Как ты вообще здесь оказалась? — Обернувшись к ней, я сделала паузу и добавила: — Если хочешь, можешь не отвечать.

— Почему же, отвечу. — Виола взяла книгу и, закрыв, переложила к себе на колени. — Ехала я сюда в полной убежденности, что стану женой графа. Обо всем договаривался отец, а самого лорда Баррингтона я никогда прежде не видела.

— Полагаю, твой отец тоже не был с ним знаком, — возразила я. — И это более чем странно. Это он сказал, что граф намеревается жениться?

Пальцы Виолы на книжном переплете сжались, и она кивнула.

— Поездка сюда должна была стать знакомством с женихом. Меня с самого начала удивляло, что предстоит жить в одном доме с мужчиной, имея рядом одну только горничную. Еще больше удивило, что отец с легкостью согласился. Впрочем, — ее губы сложились в кривую улыбку, — круглая сумма явилась определяющим фактором. Действительно ли отец не знал, для чего меня сюда отправляет, или просто мне соврал, я не имею представления. Лорд Баррингтон уже давно не посещает столицу и не

выходит в свет. С тех самых пор как скончалась жена, он ведет образ жизни отшельника. Еще лет десять назад его дела процветали, а состояние росло. Но, судя по теперешнему виду поместья, либо граф его промотал, либо он, ко всему прочему, еще и жаден.

— Либо настолько погрузился в собственное горе, что не замечает ничего вокруг, — дополнила я, вспомнив об одном виконте, ситуация которого была схожа.

Только у того умер ребенок, и после этого мужчина мало того что не расставался с бутылкой, так еще и неоднократно пытался свести счеты с жизнью.

— И все-таки почему ты решилась на побег? Да, все оказалось не совсем так, как себе представляла, но для такого шага нужны веские основания. Ведь не домой же ты собиралась возвращаться?

— Это вышло спонтанно. Просто это место... — она замялась, подбирая слова, — не знаю, как объяснить. Вначале разговора ты спросила, страшно ли мне. Да, страшно. Особенно ночами. Сверху постоянно доносятся какие-то странные звуки, миссис Эртон не отвечает ни на один из задаваемых ей вопросов, а Дженкинс вообще напоминает ожившую мумию. Мне кажется, — несколько побледнев, она понизила голос до шепота, — здесь присутствует... магия.

Знала бы она, насколько верны ее предположения!

Сейчас Виола совсем не походила на ту надменную аристократку, какой предстала передо мной вчера. За налетом избалованной леди скрывалась обычная девушка, не чуждая простых человеческих страхов. И если уж она, по всей вероятности не имеющая дара, ощутила в поместье магию, значит, мои ощущения от этого места более чем верны. А если приплюсовать к этому наше здесь заточение и таинственного лорда, чьи мотивы неясны, картина вырисовывалась более чем тревожная.

В следующую минуту в оранжерее раздались приближающиеся шаги. Синхронно посмотрев в сторону входа, мы с Виолой увидели молодую женщину, по форменному платью которой стало понятно, что она горничная. Светловолосая, чуть полноватая, с открытыми чертами лица, горничная производила приятное впечатление. В сравнении с той же экономкой и дворецким женщина обладала подкупающим обаянием, источаемым даже без слов.

— Ох, леди! — Заметив нас, она поспешно присела в реверансе. — Прощу прощения, не думала, что здесь кто-то есть.

В ее руках находились ведро и лейка, красноречиво говорящие о том, для чего она пришла. Вот только почему оранжереей занимается не

садовник?

Я сдержанно улыбнулась:

— Вы нам не мешаете.

Виола хотела было возразить, но я предупреждающе сжала ее руку. Робко улыбнувшись, горничная приблизилась к кустам роз и принялась за работу. Оранжерею наполнил звук журчащей воды, чья мелодия казалась необычной, но приятной колыбельной. Да и сами движения женщины были подобны податливой воде — мягкие, размеренные.

— Как тебя зовут? — спросила я.

На миг оторвавшись от занятия, она снова сделала реверанс, взявшись за край форменного платья, и ответила:

— Оливия, миледи.

— Оливия, — мягко продолжила я, вслушиваясь в звучание этого имени, — как давно ты здесь работаешь?

Показалось, что женщина несколько напряглась, утратив присущую ей мягкость, а голос ее прозвучал натянуто:

— Пятнадцать лет. Как пришла в дом графа шестнадцатилетней девочкой, так здесь и осталась.

— И тебя все устраивает? — Я старалась осторожно подбирать слова. — Насколько мне известно, помимо тебя, горничных в поместье больше нет.

Теперь звучание моего голоса напоминало неспешное, обволакивающее течение воды, и женщина несколько расслабилась. Видимо, она подумала, что мой вопрос связан с тем, что дом по большей части находится в запустении.

— Устраивает, миледи, — кивнула она, слабо улыбнувшись. — Идти мне больше некуда, да и привыкла я здесь. Боялась очень, что выгонят после смерти графини, тогда почти всю прислугу на улицу выставили. Но меня вот пожалели.

Разговор принимал интересный оборот и медленно, но верно уходил в нужное мне русло. После последних сказанных слов возник вопрос о том, случайность ли, что многие слуги потеряли место после смерти графини? Объясняется ли это горем безутешного супруга, рвущего на себе волосы и срывающегося на все и всех, или причина совершенно в ином? Например, в том, что смерть хозяйки поместья была неестественной — что подтверждает наличие в этих стенах призрака.

— Графиня, вероятно, была больна? — спросила я как бы невзначай.

— Она всегда была очень... не знаю, как и слова-то подобрать. Похожей на хрупкую хрустальную вазочку. — Задумчивый взгляд Оливии

направился куда-то в пространство, а из наклонившейся лейки побежала вода. — Худенькая, нежная, всегда тихая. Но на здоровье никогда не жаловалась, это только после того как...

Словно опомнившись, горничная резко осеклась, и в ее глазах отразился испуг.

— Простите, миледи, я должна работать.

Из оранжереи она удалилась так же внезапно, как и появилась, а на земле у кустов алых роз осталась лежать полупустая лейка. И мы с Виолой тоже не стали здесь задерживаться и, обменявшись выразительными взглядами, ушли.

Не сговариваясь, вышли в сад, где в этот момент находились некоторые из живущих в поместье девушек. Ина с Дамией сидели на скамье и о чем-то разговаривали, Кэсси бродила по петляющим дорожкам, а Габи стояла, прислонившись спиной к стволу вяза и подставив лицо приветливым солнечным лучам. Сегодняшний день выдался поистине чудесным и сумел оживить нерадостный пейзаж. Свет, заполнивший майский сад, скрадывал страхи и растворял печали, но даже ему было не под силу прогнать тьму, что незримой хозяйкой обитала в поместье.

Тем не менее чистое высокое небо позволило мне вдохнуть свободнее и на несколько мгновений поверить, что все не так плохо. Один философ утверждал, что мы получаем то, во что верим, а вера есть самая великая сила, что может перевернуть целый мир. С этим изречением я была согласна, хотя и редко могла применить знания на практике. Победить собственные страхи и тревоги порой бывает сложнее, чем взвалить на плечи неподъемную ношу.

Знала я и о том, что подобный принцип лежит в основе любой магии. Смотря на фитиль свечи и обладая минимальными задатками дара, достаточно лишь поверить — по-настоящему поверить, что один только взгляд способен ее зажечь, и пламя вспыхнет.

Кажется, просто, но силы веры редко кому хватает.

Осмотрев сад, я заметила Рэда, подстригающего неподалеку кусты. Эта часть двора была единственной, где чувствовалась рука садовника. В очередной раз я обратила внимание на то, что особенно ухоженными выглядят розы. Сочные, пышные, будто ненастоящие...

Осознание накрыло внезапно и стало настоящим открытием. Сейчас ведь только начало мая — слишком раннее время для цветения роз. В этих краях редко бывает жарко и солнечно, а минувший апрель и вовсе был холоднее обычного...

Додумать я не успела.

Умиротворенный солнечный день взорвался громким звоном, заполнившим каждую частицу пространства. Не осталось ничего, кроме этого звука и перекошенных в испуге лиц, обратившихся к верхним этажам дома. Окно на втором оказалось разбито изнутри, мелкие осколки стекла на несколько долгих секунд, будто противясь силе притяжения, зависли в воздухе. Время растянулось, замедлилось, позволив отметить мельчайшие детали и сполна ощутить пробежавший по саду холод. На солнце нашли облака, унесшие последнее тепло, и тут же захотелось обхватить себя руками, спрятаться, надеть несколько теплых манто, только бы не подпустить холод близко к себе. Защититься.

А затем я снова услышала его.

Шипение — то же, что раздавалось вчера во время осмотра дома с миссис Эртон и в музыкальном зале. Пробирающее, неестественное, превращающее кровь в вязкое, закупоривающее вены желе. Появившийся холод шел из дома, из той самой комнаты, окно которой теперь зияло темной дырой. Он вытеснил даже ветер, погрузив поместье в ненормальную, давящую тишину.

Один миг — и, разрезая воздух, осколки осыпались на землю, устлав ее прозрачным битым ковром. Звуки вернулись, и раздался крик: первой опомнилась Кэсси, отреагировав эмоциональнее других. Проглотив вставший в горле комок, я прерывисто вдохнула воздуха, ощущая, как холод отступает. Шипение тоже постепенно угасало и вскоре исчезло совсем.

Облака разошлись, и день снова стал таким, каким он был полминуты назад. Лишь разбитое мутное стекло и сбивающееся от липкого страха сердце свидетельствовали о том, что произошедшее не являлось плодом воображения.

Я сделала несколько шагов по направлению к дому, и в этот миг из парадного входа вышла экономка. Она выглядела несколько бледнее обычного, а ее всегда идеально уложенные волосы были слегка растрепаны. Бросив быстрый взгляд куда-то вправо, миссис Эртон стремительно двинулась в нашу сторону. Мельком проследив за ее взглядом, я обнаружила, что он был направлен на замершего невдалеке садовника. Рэд стоял, крепко сжав в руках садовые ножницы и всей своей позой выражая напряжение.

Подойдя, экономка мгновенно переменилась, полностью взяв себя в руки, и губы ее сложились в улыбку.

— Леди, — почтительно приветствовала она нас с Виолой и, скользнув взглядом по остальным, обратилась уже ко всем: — Девушки, сегодня для

вас запланирована конная прогулка. Пожалуйста, пройдемте к конюшне, где уже оседланы лошади.

Восторг и предвкушение практически полностью перекрыли недавний страх, и девушки моментально оживились. В сопровождении миссис Эртон они незамедлительно двинулись в сторону конюшен, я же осталась стоять на месте. Заметив это, экономка остановилась и, обернувшись, вопросительно приподняла брови.

— Приду через несколько минут, — ответила я ей.

Едва ли не впервые в жизни я искренне радовалась своему статусу, который прежде казался чем-то привычным. Каким бы странным ни был этот дом и какие бы порядки здесь ни существовали, перечить леди — дочери графа экономка не могла.

Когда вся процессия скрылась из виду, я неспешно подошла к тому месту, где лежали осколки. Склонившись, внимательно их осмотрела, но ничего примечательного не обнаружила — обычное стекло, и не более. Запрокинув голову, устремила взгляд на окно и попыталась определить, из какой спальни оно выходит. Если мне не изменяла память, кажется, именно в этой части дома находились покои лорда Баррингтона. Сейчас, стоя совсем рядом с домом, я снова ощущала отголоски холода, вынудившие зябко поежиться.

Машинально обхватив себя руками, задумалась: что же могло послужить причиной произошедшего? Кто или что выбило окно? Первым пришедшим на ум предположением являлась причастность к этому событию призрака. Ведь эти существа зачастую вели себя агрессивно и совершенно непредсказуемо. Вот только если это не первый случай и дух и раньше давал о себе знать, почему же обитатели поместья не вызвали специалистов по сверхъестественному, занимающихся как раз такими случаями? Неужели граф настолько сильно привязан к жене, что готов мириться с ее присутствием в виде призрака? Тем более что видеть ее он не может... если, конечно, сам не является магом.

Последняя мысль заставила меня на миг замереть, а после кивнуть собственным мыслям. Должно быть, так оно и есть. Этим и объясняется присутствие в поместье магии. Вопросов становилось все больше, но я практически не сомневалась в сделанном выводе.

Следом размышления свернули в сторону найденного утром кулона — украшения явно необычного. Долгое время живя с магическим даром, я научилась не только его скрывать, но и ему доверять. Внутреннее видение еще никогда меня не обманывало, и, исходя из этого, подвеска была далеко не простой. Судя по виду, в фонтане она пролежала довольно долго. Как же

за все это время ее никто не нашел? Вещь ведь далеко не дешевая...

Бросив последний взгляд на разбитое окно, я собралась уходить, как вдруг мне на плечо легла чья-то прохладная ладонь. Лишь выработанная за долгие годы выдержка не позволила вскрикнуть от испуга.

Круто развернувшись, я обнаружила рядом с собою Дженкинса.

— Леди Кендол, вас заждались у конюшен, — медленно произнес он и так же медленно убрал руку. — Сегодня Виктор покажет вам окрестности. Хозяин надеется, что вам понравится. Кроме того, он просил спросить, как вы нашли его поместье и удобно ли устроились.

Окончательно придя в себя от внезапного появления дворецкого, я спросила:

— Почему же он не узнает об этом лично от меня? Разве так пристало гостеприимному хозяину встречать гостей?

— Графу нездоровится, миледи. — Голос Дженкинса оставался абсолютно бесстрастным. — Он не хочет показываться никому из своих гостей в таком состоянии и просит прощения.

Сделав вид, что приняла его объяснения, я кивнула:

— В таком случае передайте, что меня все устраивает. Но также передайте и то, что я очень надеюсь на нашу скорую встречу, и в каком бы состоянии лорд Баррингтон ни был, меня это нисколько не смутит. Ведь он может разговаривать, раз передал свои вопросы через вас?

На последней фразе я не сдержала проскользнувшей в голосе иронии.

— Как пожелаете, леди Кендол, — склонив голову, произнес дворецкий. — Если не возражаете, я провожу вас до конюшен.

К тому времени, как мы туда пришли, несколько девушек уже сидели в седлах, а Виктор помогал забраться на свою лошадь еще одной. Те, кого не было в саду, вероятно, вышли из особняка через другой выход, и я решила, что при первом удобном случае расспрошу кого-нибудь из них о разбитом окне. Находясь в тот момент внутри дома, они могли услышать или даже увидеть больше моего.

Только оказавшись в непосредственной близости конюшни, я осознала, что одета совсем неподобающе. Однако, пройдясь взглядом по остальным девушкам, с удивлением отметила, что на них костюмы для верховой езды. Буквально через несколько мгновений около меня оказалась Бекки, держащая в руках небольшую стопку одежды.

— Прощу за мной, миледи, — подошедшая к нам экономка указала в сторону стоящего рядом флигеля.

Внутри располагалась пара довольно чистых комнат, приспособленных для переодевания. С помощью Бекки надев зеленую

амазонку и поправив прическу, я снова вышла на улицу. Лошади, на спинах которых сидели девушки, всхрапывали, явно желая тронуться с места, но послушно ждали указаний своих наездниц.

Поприветствовав, Виктор подвел меня к прекрасному вороному коню. Я протянула к нему руку, и, приняв меня, он ткнулся мордой мне в ладонь. Жаль, с собой у меня не было ничего, чем могла бы его угостить.

— Это Зереф, — представил коня Виктор и, словно угадав мои мысли, передал половинку яблока. — С виду спокойный и смирный, но очень гордый. Если что-то пойдет против его воли, будет терпеть, но однажды взбунтуется.

Не сводя с меня пристального взгляда, конюх добавил:

— Думаю, вы с ним поладите.

Мне стало несколько не по себе, и, чтобы нарушить повисшую многозначительную паузу, я подтянулась и запрыгнула в седло. Затем склонилась и прошептала на ухо коню пару слов, в ответ на которые получила негромкое ржание. Делора права, говоря, что животные все понимают, хотя и мыслят не так, как люди. А лошади в этом отношении — особенные. Я всегда питала к ним особую любовь и, как бы это ни звучало, сейчас по своей Амелии скучала гораздо больше, нежели по родственникам.

Мы ехали по дороге, ведущей к раскинувшимся позади поместья полям. Солнце то пробивалось из-за облаков, то снова пряталось за ними, но в целом погода оставалась хорошей. Было довольно тепло, и даже прохладный, дующий в лицо ветер казался приятным. Сидя в седле, чувствуя под собой мощь скакуна и то, какую скорость он может развить, хотелось дать волю и себе и ему. Пришпорить и понестись вперед, срывая дыхание и захлебываясь тем же ветром. Бежать прочь от этого места, от его обитателей и от их тайн... Но я ехала наравне с остальными, запрещая себе об этом даже думать. Между трусостью и глупостью в данных обстоятельствах можно смело ставить знак равенства, а таких слабостей я не позволяла себе никогда.

Вскоре дорога привела к полю и дальше тянулась меж примятой и влажной от бесконечных дождей травы. Если вначале мы ехали друг за другом, то теперь разбились на пары, и я оказалась рядом с Делорой. Шествие замыкал Виктор, время от времени заезжая вперед, дабы убедиться, что все в порядке.

Упускать подвернувшуюся возможность было нельзя, и я решила предпринять еще одну попытку наладить с Делорой отношения. В этот момент она выглядела спокойной и в некотором роде умиротворенной, что

не могло не радовать. Подумалось, что девушка наслаждается не столько самой прогулкой, сколько нахождением рядом с животными. Я отметила, что ее лошадь ведет себя особо смирно и, похоже, испытывает удовольствие не меньшее, чем сама всадница. Не осталась незамеченной и большая рябая сова, летящая высоко над нами.

— Делора, — позвала я так, чтобы не привлекать внимания остальных. Но те, занятые прогулкой, даже и не думали прислушиваться.

Вздвогнув, девушка чуть сильнее сжала поводья и искоса на меня посмотрела.

— Ты знаешь, что произошло сегодня в доме?

Смысла ходить вокруг да около я не видела, поэтому спрашивала прямо. После откровенного вопроса о даре утром вряд ли что-то могло смутить ее сильнее.

К моему удивлению, Делора ответила так же прямо:

— Не знаю. Могу лишь догадываться.

Я заставила лошадь сократить между нами расстояние и спросила уже тише:

— И какие догадки?

Девушка смотрела на меня долго, изучающе, мысленно что-то решая. Я видела, что она не расположена делиться своими домыслами и до конца мне не доверяет, но все-таки не теряла надежды на ее откровение. В конечном счете все мы находимся в равных условиях и должны друг другу помогать. Действовать, объединившись с кем-либо, всегда легче, чем в одиночку.

— Я думаю, — все-таки произнесла Делора, — то были темные призраки.

— Темные призраки? — переспросила я, изумленно вскинув брови. — Разве они делятся на темных и светлых?

— Есть духи, которые относительно разумны, — пояснила моя собеседница. — Такие, как Ева. Они существуют, потому что не могут уйти, и сильно из-за этого страдают. А бывают те, чья душа во время смерти была разорвана, и в нашем мире осталась лишь ее темная часть. Как правило, такие призраки бесформенны и представляют собой скопления негативной энергии. Места, где они обитают, многие считают проклятыми.

После прозвучавших слов мне захотелось расспросить о многом, но, расставив приоритеты, я уточнила главное:

— Ева — это призрак светловолосой девушки?

— Так и думала, — еле заметно улыбнулась Делора и посмотрела мне в глаза. — Ты тоже ее видела. Значит, обладаешь магией.

Отпираться было ни к чему, и я улыбнулась в ответ:

— Как и ты.

Больше закрываться в себе Делора не стала и несмело кивнула в ответ. Сразу же стало гораздо легче, на душе посветлело. Долгое время я жила, не зная никого, кто был бы на меня похож, и оттого чувствовала себя ужасно одинокой. Находиться в обществе с самой собой мне нравилось, но временами это тяготило. Сознать, что ты отличаешься от остальных, скрывать неотъемлемую часть себя и жить с мыслью, что, узнай кто-нибудь о ней, и ты станешь презираем, — тяжкое бремя.

Диалог с Делорой прервался из-за поравнявшегося с нами Виктора. Положение несколько изменилось, и теперь конюх ехал рядом. Я замечала взгляды, какие он на меня бросал, но не подавала виду. Между тем внимание едущих позади девушек стало физически ощутимым, и было просто удивительно, как от него не загорелись наши спины. Некоторые иногда заговаривали с Виктором, и тот охотно поддерживал беседу. К тому времени, как мы доехали до леса и отправились обратно, была обсуждена погода, достопримечательности Риджии и даже несколько состоятельных горожан. Виктор держался непринужденно и уверенно. Если бы не одежда конюха, я бы, наверное, обманулась и с легкостью приняла его за аристократа. То, как он сидел в седле, его манеры и речь никак не подходили простолюдину. Создавалось впечатление, что он намеренно старается себя сдерживать и казаться проще, чем есть на самом деле.

Я понимала восторгающихся им девушек, хотя сама испытывала эмоции куда менее яркие. Молодой, привлекательный, источающий обаяние и имеющий некий флер загадочности, Виктор не мог не нравиться.

Когда мы подъехали к воротам поместья, я впервые увидела псов, о которых не так давно рассказывала Виола. Их вид заставил внутренне содрогнуться и ощутить настоящий ужас. Будь это обычные большие собаки, мне бы не пришлось испытывать подобное, но назвать их таковыми было нельзя. Огромные черные звери со светящимися глазами скалились, обнажая длинные острые клыки, и приглушенно рычали. Они стояли у самых ворот и вдоль ограждения, неотрывно наблюдая за нами.

Присмотревшись, я с очередной волной ужаса заметила, что ноги у псов очень длинные, а на непропорционально больших головах между острых ушей расположено несколько шипов.

Эти существа не были собаками. Из рассказа Виолы следовало, что она приняла их за обычных крупных псов, и, вероятно, таковыми они являлись и для остальных. Даже сейчас на лицах девушек, смотрящих на эту свору, отражался только страх. Не ужас и недоумение, а только лишь

страх, слишком малый перед существами из-за грани.

Поймав взгляд Делоры, я попыталась спросить ее без слов, и та утвердительно кивнула. Разумеется, она тоже видела их истинное обличье и знала, кем они являются на самом деле.

ГЛАВА 5

За ужином все делились впечатлениями, большую часть которых составляло недавнее общение с Виктором. Утренний спор набирал обороты, и многие девушки всерьез нацелились на победу, желая очаровать конюха. Рядом без умолку болтала Кэсси, но все ее слова проходили мимо меня. Я задумчиво помешивала уже остывший чай и думала о событиях этого долгого дня. Из мыслей все не шли темные духи, которые, вероятно, разбили окно, и существа, каких все принимали за сторожащих поместье собак.

— Как прогулка, миледи? — поинтересовалась Бекки, расстилая для меня постель.

— Чудесно, — практически не соврала я и без перехода спросила: — Слышала, как днем разбилось окно?

— Как же не слышать? — мгновенно оживилась горничная. — Совсем ведь рядышком было! Я как раз вашу комнату убирала, когда звон раздался. А потом так холодно внезапно стало и еще страшно отчего-то. Вот говорю вам, миледи, нечистое это место, храни нас небеса!

На сей раз злиться и прикрикивать на Бекки я не стала.

— Ты права, — согласилась с ней, забираясь в постель. — Поэтому должна помочь нам обеим. С завтрашнего дня наблюдай за прислугой и, если увидишь что-нибудь странное, сразу сообщай об этом мне.

Горничная присела в книксене:

— Как прикажете, миледи.

— Только будь осторожна, — предупредила я, вспомнив взгляд Дженкинса и его прикосновение на своем плече. — Не хочу, чтобы ты пострадала.

В душе Бекки явно боролись страх и присущее ей любопытство, но побеждало все же второе. Глаза ее загорелись предвкушением, и горничная согласно кивнула. Затем погасила свечи, пожелала мне доброй ночи и удалилась, плотно прикрыв за собой дверь.

Опустившийся вечер принес ожидание скорой грозы: ветер за окном усиливался, нагибал кроны деревьев и срывал с них молодую листву. Первые косые капли ударялись о стекло и стекали по нему кривыми дорожками. Гром подбирался все ближе, гремел, точно бубен древних шаманов, и перемежался с пока еще редкими вспышками молний.

Заснула я быстро, уже чувствуя, что сон будет беспокойным. Кошмар,

являющийся моим частым гостем уже много лет, пришел снова — тихо, бесшумно, но неотвратимо пробрался в самые недра сознания и заполнил его целиком.

Вращался круг в безумной пляске, мелькали тени, пели смертельную колыбельную лепестки, а мужчина в центре говорил слова, которые разрывали грань. Теперь я чувствовала это всем существом, всей душой, трепещущей от ужаса, точно запертая в клетке птица.

Пробили полночь часы, отзвучали последние звуки женского имени, и черная не то полоса, не то воронка разделила пространство надвое. Приоткрыла ворота в потусторонний мир, откуда рвался ледяной, выпивающий дыхание холод. Повисшую в круге тишину нарушали потусторонние голоса, доносящиеся из изнанки мира, что сейчас была обнажена волею замершего в центре мага. Темное колдовство, черная магия точно яд распространялась по воздуху, отравляя каждую его частицу. Тени скользили по углам, зная, что плата близка, а двенадцать девушек, которые стояли в секторах, одна за другой роняли последние вздохи.

Впервые за все время я смотрела на это со стороны. Меня не было среди них, но страх оттого меньше не стал. Отсюда, сверху, открывался вид на безумное действие, слишком ужасающее для того, чтобы кричать. Голос пропал, тело не повиновалось, и, понимая, что сплю, проснуться я не могла.

Со всей отчаянностью, на какую была способна, точно бабочка, пыталась вырваться из липкой паутины, но сил не доставало. Лишь когда ощутила на себе взгляд мерцающих сапфировых глаз, меня буквально выдернуло из лап кошмара.

Вскрикнув, я резко села на кровати и тут же глубоко вдохнула, ощущая, как бешено колотится сердце. Легкое дуновение коснулось моего разгоряченного лица и, поворачивая голову в сторону зеркала, я уже знала, кого увижу. Призрак некой Евы завис над полом — полупрозрачный, бледный и слегка мерцающий. После очередного кошмара его присутствие не вызвало страха, напротив — я испытала нечто сродни благодарности, зная, что пробудилась именно благодаря его появлению.

— Зачем ты здесь? — спросила у Евы, откинув упавшие на лоб спутанные пряди. — Что тебе нужно?

Призрак молча поднял руку и указал на дверь комнаты. В следующую секунду до меня донеслись негромкие звуки шагов — кто-то спускался вниз по лестнице.

Я удивленно проследила за этим жестом:

— Хочешь, чтобы я туда пошла?

Вместо ответа призрак подлетел к двери и бесшумно прошел сквозь нее, словно растворившись в темном дереве. Пробыв в постели совсем недолго и взвесив все «за» и «против», я все же поднялась и, оправив ночную рубашку, приблизилась к выходу. Решившись, не хотела терять времени, поэтому вышла босиком, захватив с собой лишь свечу. В коридоре было темно, и помимо свечи, какую я зажгла на ходу, воспользовавшись магией, темноту разгоняли лишь сменяющие друг друга вспышки молний.

Звук шагов теперь раздавался гораздо тише и с каждой секундой удалялся. Он терялся среди раскатов свирепого грома, но по-прежнему оставался различим. Тихо ступая по прохладному полу, я двигалась к лестнице и всматривалась в заполнивший коридоры мрак. Мой дар включал одно полезное умение, какое сейчас пришлось как раз кстати. В темноте я видела гораздо лучше, чем обычные люди, а свечу взяла скорее из желания почувствовать себя защищенной. Не будучи хорошо осведомленной о разного рода духах, я все же знала о том, что многие из них боятся огня.

Подавив страх, спустилась на первый этаж, заметив мелькнувшую впереди тень. В фигуре, на миг осветившейся вспышкой молнии, я безошибочно узнала Рэда. Садовник двигался так же тихо, как и я, стараясь держаться в тени.

Что он делает здесь в такое время? Почему бродит по дому среди ночи, вместо того чтобы находиться у себя? Так же, как и Виктор, Рэд имел небольшой отдельный домик за садом, неподалеку от конюшен.

Ева не могла подтолкнуть меня к выходу из комнаты просто так, значит, за действиями Рэда крылось нечто важное. Теперь я была абсолютно уверена, что в доме происходит неладное, а все мы, восемь привезенных сюда девушек, играем в этом не последнюю роль.

Внезапно, словно ощутив мое присутствие, садовник обернулся, и я едва успела вжаться в стену. К счастью, в этот момент молния угасла, и коридор погрузился во тьму. Свечу я задула еще в тот миг, когда только ступила на первый этаж, и сейчас меня надежно скрывал полог темноты. Рэд двинулся дальше, а я проследовала за ним. Мы миновали путанные коридоры, которые сейчас казались еще длиннее, чем вчера, проходили мимо закрытых комнат. Мельком осматриваясь по сторонам, я отмечала, что эта часть дома мне знакома — именно ее мне показывала миссис Эртон.

Оставив позади библиотеку, садовник скрылся за поворотом коридора. Обождав несколько секунд, я сделала пару шагов вперед и осторожно выглянула за угол. Мое внимание тут же привлек тихий хлопок двери — той самой, что была скрыта от посторонних глаз при помощи магии.

Подойдя ближе к ней, я замерла и прислушалась: вокруг не раздавалось ни звука.

Простояв еще некоторое время, я собралась уходить, так и не решившись дернуть за ручку. Даже если дверь открыта, не уверена, что готова увидеть то, что находится за ней. Для такого поступка не хватало не только смелости, но и желания отправиться на тот свет. Было ясно как белый день, что за попытку влезть в чужие тайны по головке меня никто не погладит.

Когда я развернулась и пошла в обратном направлении, случилась ситуация, схожая с той, что была днем. Только на сей раз вместо Дженкинса путь мне преградил... Рэд. В руках он держал подсвечник с оплывшей свечой, свет которой давал возможность в мельчайших подробностях рассмотреть обращенное ко мне лицо. Сказать, что я изумилась, это не сказать ровным счетом ничего, ведь до этого момента я была уверена, что садовник скрылся в недрах странной комнаты.

— Леди Кендол? — Он окинул меня удивленным взглядом. — Что вы делаете здесь в такой поздний час?

Стоя перед Рэдом, я ощущала себя как никогда маленькой и беззащитной. В сравнении со мной он казался просто огромным, и смотреть на него снизу вверх, не теряя при этом достоинства, было довольно сложно. Особенно при сложившихся обстоятельствах и моей теперешней внешности. Никогда прежде мне не доводилось представлять перед кем-либо, помимо горничной, в таком виде — босой, в ночной сорочке и с растрепанными волосами.

— Мне не спалось, — соврала я уже в который раз за время пребывания в Сторм-Делле. — Решила прогуляться и немного заблудилась.

Велико было желание задать встречный вопрос — а что он сам забыл здесь среди ночи, но я промолчала. Единственное, чего хотелось в этот момент, — оказаться в спальне и запереть за собой дверь.

Рэд едва заметно нахмурился:

— Ради собственной безопасности вам лучше не выходить из комнаты в такое время. Позвольте я вас провожу.

Идти в его сопровождении совершенно не хотелось, но пришлось согласиться, придерживаясь собственной версии. Всю дорогу я испытывала ужасное напряжение и с трудом держала себя в руках. Однако, когда мы оказались возле моей комнаты, собралась и поблагодарила садовника за оказанную помощь.

После ночной прогулки было над чем поразмыслить, но для этого я оказалась слишком вымотана. Поэтому, как только легла в кровать, с

головой укрывшись одеялом, тут же заснула. И на этот раз спала без сновидений.

Следующим утром темой обсуждения стало отсутствие Дженкинса. Вместо него завтрак нам подавала Оливия, а когда Габи поинтересовалась, куда подевался дворецкий, горничная ответила, что поехал в город. При этом она буквально засветилась, а черты ее лица стали еще мягче. Слишком поглощенная раздумьями о событиях минувшей ночи, я оставила ее реакцию без внимания. Куда больше меня занимал Рэд, чье поведение вызвало очередное непонимание. Ошибиться я не могла — дверь в скрытую комнату действительно открылась и закрылась. Но раз в нее вошел не садовник, тогда кто? А быть может, не вошел, а вышел? Как же жаль, что я не успела этого заметить...

Из-за проливного дождя предполагаемая прогулка по саду, катание на лошадях и прочие радости были отменены. После завтрака, как и прошлым утром, все разбрелись кто куда, а я нагнала Делору и предложила пойти в библиотеку. Во-первых, мне хотелось подробно с ней все обсудить, а во-вторых, самой попытаться найти ответы на некоторые вопросы. Конечно, сомнительно, что запрещенная литература будет стоять на полках рядом с трудами классиков, но попытаться найти хоть какую-то информацию о призраках стоило. Вдобавок я надеялась, что в здешней библиотеке найдутся книги о драгоценных камнях и я узнаю, какой из них вставлен в найденное мною украшение.

— Давай встретимся позже? — предложила Делора, услышав мое приглашение. — Мне нужно покормить Элуну.

Условившись, что она придет через час, мы разошлись. Как и планировала, я пришла в библиотеку. Едва переступив порог, расчихалась от обилия пыли, витающей в воздухе и толстым слоем покрывающей полки и стоящие на них книги. Углы помещения заросли паутиной, она же свисала с высокого потолка и опутывала ножки массивной резной мебели. На кофейном столике стоял давно засохший букет, внутри прозрачной вазы виднелся налет плесени.

Как можно довести библиотеку до такого состояния, находилось за пределами моего понимания. К книгам я всегда относилась с уважением и особой любовью. В нашем семействе бережно относились к их содержанию, а временами и я сама смахивала пыль с ценных экземпляров. Дядя предпочитал читать у себя в кабинете, тетка и кузина относились к числу тех, кто открывал книги только при необходимости, так что библиотека графа Кендола находилась в моем распоряжении. Там я

чувствовала себя полноправной хозяйкой и зорко следила за тем, чтобы в ней царил идеальный порядок.

— Просто преступление, — проговорила я про себя, поднимая валяющуюся на полу книгу.

Смахнув с нее пыль и снова чихнув, прочитала название и не сдержала улыбки. «Перекресток» Тридона Байра являлся одним из моих любимых произведений и перечитывался бесчисленное количество раз.

Поставив том на полку, я пробежалась кончиками пальцев по корешкам книг. Камин здесь давно не топили, и многие из них отсырели, и от такого зрелища сердце буквально обливалось кровью. В этой библиотеке была собрана коллекция довольно редких фолиантов, а их теперешний вид навевал глубокую печаль. Куда смотрели дворецкий с экономкой, допустившие такое? Впрочем, о чем можно говорить? Сторм-Делл и так одна сплошная загадка...

Тяжело вздохнув, я взялась за поиск необходимой литературы. Для начала обошла все секции, разбираясь, где что стоит. Если внешний вид библиотеки оставлял желать лучшего, то сами книги были отсортированы идеально. Историческая литература располагалась отдельно от философской и художественной, разнообразные справочники и энциклопедии занимали верхние полки, а сборникам стихов отводились нижние.

Книг по минералогии обнаружилось несколько, и две из них были довольно увесистыми. Перенеся сразу все на стоящий у окна столик, я сняла с придвинутого к нему кресла покрывало и несильно его встряхнула, избавляя от мелкого мусора. Некогда дорогая ткань местами вылиняла и потрачена молью, но в настоящий момент меня это не смущало. Аккуратно застелив ее обратно, я опустила в кресло и погрузилась в чтение.

К этому времени дождь усилился и активно застучал по оконному стеклу, будто прося впустить его внутрь. Переворачивая страницу за страницей, я словно вернулась домой — в один из тех моментов, когда проводила время за чтением. Это всегда являлось одним из моих главных удовольствий: проводить время с книгой, сидя в библиотеке, когда за окном бушует непогода, а рядом на столике стоит кофе.

Последнего сейчас недоставало.

Внимательно изучая информацию о разнообразных камнях, вскоре я забыла и о кофе, и о дожде, и даже о том, где нахожусь. Попавшая мне в руки энциклопедия оказалась очень подробной и написанной живым, интересным языком. Помимо основных характеристик, каждому камню или минералу давалось описание с точки зрения мистицизма и лечебных

свойств. Кроме того, здесь были приведены цветные иллюстрации, позволяющие быстрее сориентироваться.

Пролистав страницы с камнями других цветов, я остановилась на разделе о камнях черных. Одними из первых описывались черный агат и оникс, следом — яшма и гематит, а после я наткнулась на камень, который искала.

Изображенный на одной из страниц обсидиан являлся практически точной копией того, что был вставлен в подвеску.

Издревле обсидиан считается связанным с космосом и вселенной благодаря своему вулканическому происхождению. Образуется он при застывании лавы, и в разных местах люди к нему относятся так же по-разному. Где-то считают божественным даром, олицетворяющим силу и власть, а в наших краях из-за цвета ему приписывают связь с черной магией, называя «углем преисподней».

Дочитав описание до конца, больше ничего полезного я не увидела, но даже такая информация дала пищу для размышлений. Если найденный мною камень обладает некими особенными свойствами, значит, способен накапливать магию. А если судить по моим собственным ощущениям, кто-то воспользовался им по прямому назначению.

В очередной раз жалела о том, что мои знания о магии столь ничтожны, что их не хватает даже на то, чтобы строить предположения, не говоря уж о выводах. Как именно используют обсидиан колдуны и маги, я не имела никакого представления.

Делора вошла в библиотеку в тот момент, когда я изучала последний фолиант о камнях. Во всех предыдущих описывалось то же самое, и тот, что сейчас был у меня в руках, не содержал ничего нового.

— Драгоценные камни? — В голосе Делоры, скользнувшей взглядом по обложке, отразилась толика удивления. — Зачем они тебе?

Я задумалась лишь на миг, стоит ли говорить о найденном украшении. Накануне решила, что скрывать свою находку не стану, но сейчас мной овладели сомнения. Правда, длились они недолго, и я остановилась на том, что стоит рискнуть. Вполне возможно, Делора интересовалась магией больше меня и знает об обсидиане то, что не указано в книгах.

Дождавшись, пока она присядет напротив, я рассказала о подвеске и о том, какие смешанные чувства та во мне вызывает.

— Ты что-нибудь знаешь об этом камне? — спросила, закончив рассказ и указав на книжную иллюстрацию.

Делора некоторое время помолчала, после чего отрицательно покачала головой:

— Никогда не имела с ним дело, но, насколько мне известно, чаще всего его используют те, кто практикует черную магию. Амина... — назвав меня по имени, она запнулась и нерешительно на меня посмотрела.

— Все в порядке, — поспешила успокоить я. — Сейчас статусы ничего не значат.

— Дело не только в статусах...

Делора снова замолчала, и было видно, что она хочет сказать мне нечто важное, но не может решиться. Давить на нее не хотелось, поэтому я спокойно и терпеливо ждала.

— Ты заметила верно, — наконец заговорила Делора, спустя долгую паузу. — Моя магическая одаренность имеет отношение к животным. Но не только к ним. Эта магия передается по наследству и олицетворяет связь с живой природой. Мы понимаем ее, умеем слышать и помогать. Во время «Чистки» нас погибло очень много. Представителей нашего народа считали исчадиями ада и истребляли, сжигали, хотели стереть с лица земли. Сейчас подобных мне осталось совсем мало. Мы — те, кто никогда не оскверняет себя и свой дар темной магией, хотя и понимает ее суть. Наш дар — дар жизни и исцеления.

Она снова немного помолчала и неожиданно спросила:

— Ты когда-нибудь слышала легенды о белых ланях, что выводят заплутавших путников из лесных чащ?

— Слышала только о тех, которые заводят путников к трясинам, желая погубить.

От моего ответа глаза Делоры подернулись пеленой тоски — глубинной и невыразимой словами. Потаенная боль на несколько коротких мгновений прорвалась наружу, и, обратив взгляд в усеянное стекающими каплями окно, девушка произнесла:

— Людям свойственно переиначивать правду и бояться того, чего они не могут объяснить. Если кто-то не вписывается в общепринятые рамки нормальности, его хотят уничтожить или переделать. А второе чаще всего равняется первому. Непонимание в большинстве случаев рождает ненависть.

Делора замолчала в третий раз, и теперь повисшую тишину нарушила я:

— Эти легенды... Ты с ними как-то связана?

Она медленно отвела взгляд от окна и, посмотрев на меня, ответила:

— Они — обо мне.

Ее слова я осознала не сразу, они попросту не укладывались в голове. Одно дело обладать магией и совсем другое — принадлежать к неким

сверхъестественным существам. Даже во мне, имеющей магический дар, укрепился стереотип о том, что все они являются опасными.

— В каком смысле — о тебе? — уточнила я, хотя и так все прекрасно поняла.

От Делоры не укрылась моя реакция, и она грустно улыбнулась:

— Мой народ является одним из древнейших. Друиды испокон веков жили в лесах и принимали у себя тех, кто нуждался в помощи. Во время «Чистки» мы старались укрывать других магов, хотя и сами подвергались гонениям. Лес, наш вечный дом, прятал нас от охотников, но даже он не сумел защитить всех. Некоторые из нас умели обращать часть души ланью или оленем и посылать ее к тем, кто сбился с пути. Так заплутавшие путники находили к нам дорогу.

Задавая очередной вопрос, я чувствовала себя несмышленным младенцем:

— Можешь объяснить, что значит обращать часть души?

— Не могу. — Уголки губ Делоры приподнялись. — Скажу лишь, что лань — символ душевной чистоты. Этот знак является добрым и никогда не приведет к верной гибели, как теперь принято считать.

Вначале я подумала, что мне кажется, и несколько раз моргнула, желая развеять наваждение, но через пару секунд убедилась, что действительно это вижу. Не знаю, послужил тому завораживающий рассказ или то пробудился мой дар, но я увидела, как на голове Делоры появились полупрозрачные олени рога — большие и ветвистые. Меж ними, точно искусное кружево, висели тончайшие нити паутинок с поблескивающими каплями росы. Кожа девушки-лани будто светилась изнутри, а на ее лице появился мерцающий узор, похожий на переплетение стеблей и листьев.

Где-то на улице послышались голоса, и все это исчезло, но увиденное накрепко отпечаталось в моей памяти.

— Наверное, вернулся Дженкинс, — предположила Делора, привстав с места. — И не один.

Последовав ее примеру, я посмотрела в окно и увидела подъехавший к воротам экипаж. Вскоре из него вышел дворецкий, а следом за ним спустилась невысокая худенькая девочка, закутанная в длинный плащ. Ее я узнала сразу. Даже не требовалось видеть лицо, чтобы понять: это тот самый ребенок, которого я встретила в городе. Еще тогда мне показалось странным, что Дженкинс говорил о ней так, словно знал лично. Кажется, упоминал, что в городе о девочке заботятся. Теперь же выходило, что она действительно связана с кем-то из обитателей Сторм-Делла.

ГЛАВА 6

— Пойдем посмотрим? — предложила Делора, уже устремившись в сторону выхода.

Мне хотелось продолжить разговор, но, видя решимость девушки уйти, возражать я не стала. Покинув библиотеку, мы быстро прошли по коридорам и оказались в холле как раз в тот момент, когда Дженкинс и девочка вошли в дом. Здесь их уже встречала Оливия, которая тут же бросилась вперед с распростертыми объятиями.

— Банни, солнышко! — не сдерживаясь, воскликнула она и присела перед девочкой. — Как же я по тебе скучала!

— Я тоже скучала, мама, — раздался тихий низковатый голосок, и тонкие ручки обвилились вокруг шеи горничной.

Надо же, думала я, наблюдая за этой сценой, мне никогда бы и в голову не пришло предположить, что их связывает близкое родство. Оливия с дочерью были совершенно не похожи, более того — разительно отличались. Как цветом волос, глаз, так и чертами лица.

— Отведи ее наверх, — в своей обычной бесстрастной манере велел дворецкий. — И смотри, чтобы она не болталась по дому просто так.

Спешно кивнув, Оливия помогла девочке снять мокрый плащ, пристроила его на вешалку и, взяв дочь за руку, повела к черной лестнице. Я обернулась к Делоре, намереваясь предложить вернуться в библиотеку, но той рядом уже не было. Зато ее место заняла Кэсси, приход которой остался мною незамеченным.

Дворецкий в холле не задерживался и, избавившись от мокрой верхней одежды, удалился. Только Кэсси собралась у меня что-то спросить, как из недр дома донеслись звуки рояля. Не мешкая, я стремительно направилась в сторону музыкального зала, и Кэсси увязалась за мной. Звучал тот же ноктюрн, что и в прошлый раз, отчего на душе снова стало беспокойно. Прекрасная музыка, обычно вызывающая светлую грусть, сейчас навевала тревогу и желание скорее оказаться рядом с ее исполнителем, чтобы убедиться, что играет обычный человек.

В зале все было по-прежнему. Все, кроме одного — с моим появлением мелодия не смолкла. Она все так же лилась по залу, отражаясь от стен и возносясь под высокий потолок, хотя за роялем никого не было.

Призвав на выручку все самообладание, я неспешно приблизилась к музыкальному инструменту, в то время как Кэсси буквально повисла на

моей руке. Увидев, как клавиши нажимаются сами по себе, мы обе замерли, не в силах оторваться от необычного зрелища. Лишь прислушавшись к себе и приложив усилия для использования дара, я сумела рассмотреть длинные тонкие пальцы, такие же тонкие запястья, изящную фигуру, собранные в замысловатую прическу волосы. Моих сил хватило ненадолго, и вскоре я снова видела лишь самопроизвольное движение клавиш.

Та, кого я сумела рассмотреть, совсем не походила на Еву. Если это был призрак, то совершенно иной. Вместе с тем я не чувствовала в нем того холода, что возник в саду, когда разбилось окно. Да и Делора упоминала, что темные духи обычно бывают бесформенными. Значит, женщина за роялем не относилась к их числу.

— Ч-что происходит? — опомнившись, с запинкой спросила Кэсси, оставляя на моем предплечье синяки.

Обнаружив, что моя спутница близка к истерике, я мысленно пожалела, что позволила ей со мной пойти. Объяснять что-либо сейчас было не место и не время.

— Уходим, — высвободившись из хватки, я сама взяла ее за руку и потащила в сторону арок.

Ливень незаметно прекратился, и с затянутого тучами неба сейчас сыпалась лишь мелкая водяная пыль. Как только мы оказались на заднем дворе, ноги сами понесли меня в сторону заросшего тиной пруда. Хотелось скорее оказаться как можно дальше от дома, полного необъяснимых явлений и вещей. Ладонь Кэсси была холодной и влажной, саму девушку трясло, и я не переставала сожалеть о ее присутствии.

— Успокойся! — несильно тряхнула ее за плечи, когда мы подошли к мостику. — Посмотри на меня!

Блуждающий растерянный взгляд сфокусировался на мне.

— Дыши глубже и приходи в себя. Когда будешь готова слушать, я все объясню.

«Постараюсь объяснить», — добавила про себя, подавляя бегущую по телу нервную дрожь.

Пруд давно не чистили, и воздух в этом месте стойко пропах затхлой водой и тиной. Ведущую сюда дорожку размыло, под ногами чавкала грязь. Но, невзирая на это, пребывание здесь пошло на пользу и мне, и Кэсси. Прибрежные заросли камыша невысокой стеной ограждали нас от мрачного и не слишком гостеприимного особняка.

Не стовариваясь, мы взошли на мостик и остановились посередине, положив руки на мокрые перила. По воде шла мелкая рябь от падающих на нее капель. Рядом росла старая ива, которая склонилась так низко, что

слилась со своим отражением. В какой-то момент из ее ветвей выпорхнула пара птиц и, громко крикнув, взмыла под купол серого неба.

— Это что, была какая-то... магия? — на грани слышимости прошептала Кэсси, подняв на меня большие испуганные глаза.

Мне вовсе не хотелось сеять панику среди живущих в особняке девушек, но сейчас соврать я не могла. И не столько потому, что не позволяла совесть, сколько из-за невозможности найти другое объяснение. Как еще можно трактовать случившееся в музыкальном зале?

— Магия, — подтвердила я и, не дожидаясь очередных вопросов, продолжила: — Кэсси, ты не должна никому говорить о том, что видела. По крайней мере, пока. Не хочу тебя пугать, но в этом месте происходит нечто странное. Впрочем, думаю, ты это заметила и без меня. Само наше пребывание здесь полно недомолвок. Неизвестно, сколько времени осталось на поиск ответов, но надеюсь, что его хватит.

Кэсси намеревалась что-то сказать, да так и застыла с открытым ртом, смотря куда-то мне за спину. Обернувшись и проследив за ее взглядом, я заметила, что по ту сторону ограды кто-то стоит. Это была древняя как мир старуха с редкими прядями седых волос, выбивающихся из-под темного платка. Скрюченные пальцы впивались в кованые прутья, рваные лохмотья подхватывал ветер, обнажая худые ноги в тяжелых дырявых башмаках. Когда старуха внезапно протянула руку сквозь ограду и, глядя прямо на нас, поманила указательным пальцем, Кэсси машинально попятилась.

— Это обыкновенная нищенка, — проговорила я вслух, обращаясь не только к Кэсси, но и к себе.

— Ты как хочешь, а я к ней не пойду, — замотала головой моя спутница, делая еще несколько шагов назад.

Разговаривать со старухой не было желания и у меня, но что-то буквально толкало к ней. Еще не предполагая, что она может быть как-то связана с поместьем, я чувствовала, что должна ее выслушать. В конце концов, нас разделяла надежная ограда, и ничего плохого сделать она мне не могла. Возможно, собиралась всего лишь попросить милостыню.

Рассуждая так, я неспешно двинулась к забору. Позади раздался какой-то отчаянный всхлип, и уже через несколько секунд Кэсси шла рядом. Вероятно, после увиденного в музыкальном зале побоялась оставаться одна.

Вблизи старуха оказалась еще страшнее, чем издалека. Ее лицо и шею покрывали уродливые бурые пятна, кончик длинного тонкого носа смотрел в сторону, а один глаз застилало бельмо. Однако ожидаемого зловония я не почувствовала. Как ни странно, от нее веяло запахом леса и каких-то трав.

— Ух-х-ходите, — точно старая, нагибаемая ветром сосна, проскрипел старушечий голос. — Уходите отсюда... Гиблое это место, гнилые люди живут. Погубят вас, всех погубят...

От таких слов и вида человека, их произносящего, даже мне стало жутко, не говоря о Кэсси, на долю которой сегодня выпало слишком много потрясений. Девушка сжалась, вцепилась в меня мертвой хваткой и дрожала как осиновый лист, не в силах отвести взгляд от старой женщины.

— Почему гиблое? — спросила я, подавляя порыв броситься прочь. — Вы что-то знаете?

— Погубят, всех погубят, — продолжала бормотать старуха, словно не расслышав вопроса. — Дочку мою погубили и вас в живых не оставят... Гнилые, черные их души.

Неожиданно ее взгляд стал более осмысленным, и, сплюнув на землю, старуха посмотрела на дом и громко воскликнула:

— Будьте вы прокляты!

Раздался заливистый собачий лай вкуче с приближающимся топотом. Старуха резко развернулась и, явно спеша, заковыляла в сторону леса, но далеко уйти не успела. Свора, состоящая из пяти собак, окружила ее со всех сторон, отрезая путь к отступлению. Они скалились, показывали острые клыки и были готовы в любой момент сорваться с места. Кровь отхлынула от лица при виде кровожадной ярости, горящей в их глазах. Много бы я сейчас отдала, чтобы, как и другие, видеть лишь крупных зверей, а не тех чудовищ, какими они являлись на самом деле.

Внезапно один из псов прыгнул вперед, оказался около старухи и, сбив ее с ног, вонзился зубами ей в плечо. Раздался надрывный крик — не старухи, Кэсси.

Опомнившись от охватившего меня оцепенения, я побежала вдоль забора, направляясь к воротам. В сознании боролось множество мыслей, каждая из которых повергала в отчаяние. Понимала, что шансов успеть вовремя у меня нет, а если бы и были, то что я могла сделать против этих разъяренных существ? Разве что стать для них десертом после растерзанной старухи.

Настигший меня голос заставил резко остановиться и посмотреть назад. Рядом с белой как мел, осевшей на землю Кэсси стоял Дженкинс. И не просто стоял — спокойно наблюдал за тем, как псы терзают пытающуюся отбиваться старуху.

— Черт вас побери! — Едва ли не впервые в жизни я не сумела сдержаться из-за охватившей меня смеси ужаса и негодования. — Отгоните их, прикажите оставить в покое! Они ведь ее убьют!

— Что, старая ведьма? — будто не услышав меня, произнес Дженкинс, продолжая наблюдать за происходящим. — Не можешь нам ничего сделать? Нельзя проклясть проклятых.

Неизвестно, сколько бы еще это продолжалось, но тут неожиданно за ограждением появился Виктор, который, подойдя к псам, несколькими резкими словами заставил их отпрянуть назад.

Оказавшись свободной от острых клыков, тяжело хрипящая старуха кое-как поднялась с земли. При виде ее кровоточащих ран и исцарапанного лица я ощутила, как к горлу подкатывает тошнота. Бушующее в душе негодование не успокоилось, и сейчас мне больше всего хотелось схватить дворецкого и вытолкать его за забор, бросив прямо в лапы разъяренным чудовищам. Чтобы он на себе прочувствовал все то, через что по его милости прошла эта женщина.

Я ожидала, что идти старуха не сможет, но она, хотя и прихрамывая, довольно бойко двинулась к лесу. Напоследок обернулась, бросила на Дженкинса ненавидящий взгляд, после чего посмотрела на меня. От ее взгляда меня буквально вывернуло наизнанку, до того он был пронзительным. В это мгновение я была готова поверить, что старуха в самом деле ведьма.

Я вела себя несколько заторможенно, все еще видя перед собой страшную картину. Все вокруг плыло, словно размываясь пеленой дождя, и я была близка к первому в своей жизни обмороку. Никогда не отличалась особой впечатлительностью, но сейчас не могла избавиться от сковавшего тело и разум ужаса. Руки дрожали, и, чтобы это скрыть, я сложила их на груди, одновременно наблюдая за приближением Виктора.

— Она давно выжила из ума, — поравнявшись со мной, сказал конюх, глядя на удаляющуюся старуху. — На самом деле она довольно молода. Но после того, как десять лет назад похоронила дочь, вмиг лишилась рассудка.

Заметив, что меня трясет, он участливо поинтересовался:

— Вам нехорошо? Проводить до дома?

Меняхватило лишь на то, чтобы отрицательно покачать головой и, кивнув на Кэсси, выдавить:

— Помогите лучше ей.

Впрочем, подняться девушке с земли уже помогал Дженкинс. Он по-прежнему оставался совершенно невозмутимым и вел себя так, словно несколькими минутами ранее ничего не произошло.

В довершение всего погода снова решила продемонстрировать свой дурной нрав, внезапно обрушив нам на головы целый водопад. Ощущая, как холодные капли пропитывают одежду, стекают за ворот платья, портят

прическу и стекают по лицу, я продолжала стоять на месте. Ужас отступал, сменяясь спасительной апатией.

Услышав позади себя угрожающее рычание, я опомнилась, сделала маленький шаг вперед и, окончательно сбросив оцепенение, стремительно двинулась по направлению к дому.

Через некоторое время я сидела перед горящим камином в гостиной, кутаясь в теплое одеяло, и пила горячий чай. На сей раз не привередничала и пила то, что дали, хотя этот горьковатый отвар по-прежнему мне не нравился. На соседнем кресле расположилась Кэсси, которая к этому моменту немного отошла от пережитого. Жар огня исправно делал свое дело, и ее лицо приобрело здоровый розоватый оттенок. Полагаю, то же можно было сказать и обо мне.

От горячей ванны я отказалась, решив отложить ее до вечера, но в сухое переоделась и сейчас чувствовала себя гораздо лучше. В гостиную периодически заглядывали девушки, интересующиеся нашим самочувствием и пытающиеся выведать, что случилось. Крик Кэсси и лай собак не остались ими незамеченными, но мы обе хранили молчание.

Мне требовалось некоторое время побыть в тишине, и, чувствуя это, любопытствующие разочарованно вздыхали и быстро уходили. Кроме них в гостиную заглянула Оливия, принеся нам тот самый чай и тарелку сладостей, призванных поднять настроение. Мне всегда казалось нелепым мнение о том, что сладкое благотворно влияет на нервную систему. Но, судя по уплетающей пирожные Кэсси и расцветающей на ее лице улыбке, доля правды в этом все-таки есть.

— Амина, — несколько неуверенно обратилась она, разделавшись с третьим по счету лакомством, — насчет музыкального зала и слов старухи...

В ее интонации снова прозвучал страх, и девушка нервно прикусила губу, не зная, как подобрать слова.

— Постарайся об этом не вспоминать, — посоветовала я, грея пальцы о горячую чашку. — Лучше думай о чем-нибудь приятном.

Я не ожидала, что Кэсси воспримет мои слова буквально и примется вслух перечислять вещи, способные ее взбодрить. Что ж, во всяком случае, это лучше, чем снова возвращаться к теме пережитых ужасов. Хотя мое намерение докопаться до сути творящегося в Сторм-Делле после сегодняшних событий только укрепилось, я решила дать себе небольшую передышку. Слишком эмоционально насыщенными оказались последние дни, и требовалось сделать короткую паузу.

— А еще у меня через два дня день рождения, — сообщила Кэсси,

глядя на танцующий в камине огонь. — В прошлом месяце отмечали день рождения Ины, такой праздник ей устроили! Накрыли роскошный стол, завалили горой подарков...

Тон девушки сделался мечтательным — она явно предвкушала предстоящие удовольствия. Я мысленно усмехнулась, подумав, что под «роскошным» наверняка скрывалась самая обычная организация праздника. Впрочем, упрекнуть лорда Баррингтона в скупости по отношению к гостящим у него девушкам было нельзя. Нам подавали разнообразную и вкусную еду, в комнатах всегда стояли букеты свежих роз, а тех, кто не имел высокого положения, баловали красивыми нарядами.

Я мечтала остаток дня провести в покое и уединении, однако моим планам не суждено было сбыться. Только было собралась уйти к себе, как в гостиную вошла Делора, по выразительному взгляду которой я поняла, что она хочет возобновить наш утренний разговор.

Заставив себя выбраться из уютного гнездышка, каким стала пара одеял, я проследовала за ней. Делора привела меня в свою комнату, и едва мы оказались внутри, заперла дверь.

— Присаживайся, — улыбнулась она, поворачивая в замке ключ.

Насколько мне было известно, подобной привилегией обладали далеко не все девушки. Даже мне пришлось лишний раз беспокоить экономку с просьбой его выдать. Никогда не представляла, как можно жить, не имея возможности оградиться от всего мира, надежно заперев дверь.

Комната Делоры оказалась несколько меньше моей, но в ней чувствовалась особая атмосфера и энергетика, какую источала сама девушка. Здесь пахло чем-то свежим и очень приятным — тут же возникла ассоциация с ароматом цветущих яблонь после дождя. На прикроватной тумбочке рядом с букетом цветов лежали непонятного назначения деревянные палочки, между которыми тянулись причудливые переплетения нитей. Там же находились тарелка со свежими фруктами и перо с записной книжкой.

Пройдя вглубь комнаты, я присела на краешек кровати. Делора разместилась рядом.

— Как давно ты здесь находишься? — Возобновлять разговор снова пришлось мне.

— Три месяца, — ответила она и, взяв с тумбочки привлекшие мое внимание деревянные палочки, принялась неспешно их перебирать. — Меня привезли в середине февраля, и я сама на это согласилась. Последний год мы с братом были вынуждены жить в городе у дальних родственников. Слишком долго были им обузой, денег не хватало, а брату давно пора было

идти в школу... он заслуживает лучшей жизни.

— Ты ведь говорила, что ваши семьи живут в лесу?

— Так получилось, — уклонилась от прямого ответа Делора. — Да это и не важно. Лучше вернемся к началу разговора. Я расскажу обо всем, что успела узнать, живя здесь. Хотя, надо признаться, информации не так уж и много.

— Начни с Евы, — попросила я, желая узнать о являющемся мне призраке. — Откуда ты узнала ее имя?

— Она назвала его сама. Духи не могут говорить, но умеют общаться иными способами. Впервые я увидела ее в день своего приезда, а еще через несколько дней тут на запотевшем окне появилась надпись: «Меня зовут Ева». Как только я прочла три этих слова, они исчезли.

— Это все, что она сообщила? — Я невольно подалась вперед. — Может, было что-то еще?

Делора вздохнула:

— Все. Мне кажется, любое взаимодействие с материальным миром отнимает у нее много сил. После этого она не появлялась почти три месяца. — Девушка внимательно на меня посмотрела и добавила: — До тех пор, пока в поместье не приехала ты.

Это обстоятельство меня озадачило, хотя я не была склонна связывать свой приезд с очередным явлением духа. Должно быть, так просто совпало.

— Звери, стерегущие особняк, зовутся цвергами, — продолжила делиться Делора тем, что знала. — Они являются существами темными, порождениями из-за грани. То, что лорд Баррингтон держит их у себя, означает, что он очень сильный маг. Это подтверждает и наложенная на них иллюзия, призванная создать видимость обычных псов.

Слова Делоры подтвердили мои недавние догадки. Теперь сомнений в том, что граф является магом, не осталось. Я в свою очередь рассказала о призраке в музыкальном зале, скрытой комнате и о встрече с Рэдом минувшей ночью. Также упомянула о сегодняшнем инциденте, при одном только воспоминании о котором снова стало не по себе.

— Я уже видела ее, — задумчиво проговорила Делора, подразумевая старуху. — Она приходила к воротам несколько раз, и всегда ее прогоняли. Правда, цвергов не натравливали ни разу.

— Виктор сказал, что у нее погибла дочь, из-за чего она сошла с ума, — поделилась я и, осененная внезапной догадкой, вмиг оживилась: — Послушай... А что, если ее дочь — погибшая жена графа? Как звали бывшую хозяйку поместья?

— Не имею ни малейшего представления, — удрученно покачала

головой Делора. — Я уже пыталась хотя бы что-то о ней узнать, подозревая, что это Ева, но все без толку. Кажется, во всем доме не осталось ни единого портрета и ни единой ее вещи. Слуги молчат, и как к ним подступиться, я не знаю. Единственное...

— Единственное? — моментально переспросила я.

— Джина, здешняя кухарка, кажется мне наиболее приятной из всех. Я часто захожу перекусить на кухню и много с ней разговариваю. Она одна из тех, кто работает в поместье очень давно. Я чувствую, что она многое знает, но боится сказать.

— Как и Оливия, — вспомнив о горничной, согласилась я.

— Не только боится, но и не может, — добавила Делора. — Она немая.

Следом пришли мысли о Банни. Казалось бы, ничего странного в этом событии не было, но мне казалось, что я упускаю из виду нечто важное. Жизнь дочери прислуги вдали от матери была вполне объяснима, как и ее сегодняшний приезд. Наличие магического дара тоже не вызывало удивления: я сама была красноречивым примером тому, что у обычных родителей может родиться особенный ребенок. И все же нечто во всем этом меня настораживало...

ГЛАВА 7

Пятое мая, день рождения Кэсси, выдалось погожим. Природа словно вспомнила о приближающемся лете и решила порадовать именинницу теплом и солнцем. С самого утра в доме царила приятная суматоха, что меня немало удивило. Конечно, Кэсси говорила об организации праздника, но я не думала, что из этого сделают целое событие.

— Миледи, что вы наденете к праздничному обеду? — с энтузиазмом спросила Бекки, отворив створки шкафа. — Может, то голубое платье, в каком были на юбилее графини Кендол?

— Подготовь фиалковое.

— Фиалковое? — растерянно переспросила горничная. — Но ведь...

Наткнувшись на мой взгляд, она привычно замолкла и нехотя принялась за свои обязанности. Одной из ее слабостей являлись красивые наряды. С Бекки мы были практически ровесницами, она прислуживала мне еще с детства, и за это время я сильно к ней привязалась, хотя и редко это показывала. Потому часто дарила горничной старую одежду, чем приводила ее в полнейший восторг.

Сегодня же я решила надеть платье простого покроя и без излишеств, чем привела впечатлительную Бекки в расстройство. Она всегда любила помогать мне собираться на различные светские мероприятия и относилась к тому редкому типу людей, кто способен искренне восхищаться чужой красотой. Отсутствие зависти к кому или чему-либо было одним из главных достоинств моей горничной.

— Там все разряжаются в пух и прах, — недовольно пробормотала Бекки, расправляя на мне нижние юбки. — Миледи, у вас столько чудесных платьев, отчего же рядитесь в это?

— Тебе не нравится, как я выгляжу? — с деланой строгостью спросила я и, увидев, что Бекки побледнела, рассмеялась. — Этот день принадлежит не мне. Ни к чему пытаться затмить именинницу.

Из этих же соображений я отказалась от дорогих украшений, оставив лишь миниатюрные серьги и тонкое золотое колечко. В качестве подарка Кэсси решила преподнести один из своих браслетов. Достаточно изящный, усыпанный драгоценными и полудрагоценными камнями, он мне всегда нравился, но расставаться с этим украшением было не жаль. К Кэсси я испытывала дружескую симпатию, и мне искренне хотелось, чтобы подарок ее порадовал.

По ее желанию за столом сегодня собрались не только гостящие в поместье девушки, но и некоторые слуги, в числе которых был конечно же Виктор. В последние дни я замечала, что Кэсси из-за чего-то сильно переживает, и лишь накануне вечером узнала причину. Зная о наших с Виолой статусах, Кэсси волновалась, что мы откажемся сидеть за одним столом с прислугой. У меня такое предположение вызвало лишь улыбку. Возможно, при других обстоятельствах я бы и задумалась, но сейчас такое положение вещей меня ничуть не смущало. Хотя я и знала, что по происхождению девушки стоят гораздо ниже, все равно воспринимала их как равных себе. В конечном счете, что значит происхождение? То, в какой семье человек родился, не делает его лучше или хуже. То же касается и слуг. В этом отношении меня беспокоило скорее другое: будут ли они сами чувствовать себя комфортно, сидя за столом с леди?

Мои опасения оправдались частично. Оливия весь обед чувствовала себя не в своей тарелке и не знала, как себя вести, а миссис Эртон явно отсчитывала минуты до того момента, когда правила хорошего тона позволят ей уйти. Дворецкий от приглашения присесть с нами отказался, чему, впрочем, никто не огорчился. Зато Виктор выглядел вполне довольным ситуацией, в которой оказался, и вел себя, как всегда, уверенно.

Рэда за столом также не было, и его отсутствие меня несколько напрягало. Садовника я не видела с той самой ночи, когда пыталась за ним следить. Минувшим утром мне довелось случайно услышать разговор, состоявшийся между Оливией и Дженкинсом. Горничная тоже заметила исчезновение Рэда, и на вопрос о том, куда он пропал, получила исчерпывающий ответ: по своему желанию получил расчет и уехал.

Меня такое объяснение категорически не устраивало, особенно в свете его недавних блужданий по ночному поместью. Но сейчас было не самое лучшее время, чтобы об этом думать, и я постаралась не портить Кэсси праздник своим отсутствующим видом.

— Бог мой, Амина! — Когда пришел мой черед вручать подарок, глаза виновницы торжества заблестели. — Какая прелесть!

Браслет мгновенно занял место на ее запястье, и, глядя на него, Кэсси счастливо улыбнулась. В основном ей дарили какие-то мелочи вроде платков и наборов для вышивки. Виктор преподнес по-настоящему шикарный букет роз, при виде которого именинница буквально засияла. Убедившись, что все страхи Кэсси если не оказались забыты, то, по крайней мере, притупились, я с облегчением выдохнула.

К столу подавали запеченную утку с брусничным соусом, крольчатину и разнообразные гарниры. Глядя на все это великолепие, трудно было

представить, что оно — дело рук всего одного повара. Пока все наслаждались отменно приготовленным мясом, Делора ограничивалась тушеными овощами. Я давно заметила, что она предпочитает растительную пищу и списала это на особенности, связанные с ее природой.

Как и все приятное, праздничный обед пролетел незаметно. Постепенно слуги стали расходиться, как и некоторые девушки, ссылающиеся на то, что хотят размяться.

— Не желаете прокатиться верхом? — предложил Виктор, обращаясь не то к Кэсси, не то ко мне. Мы сидели рядом, и непонятно, кому адресовалось приглашение.

— С удовольствием! — просияла именинница, в то время как миссис Эртон бросила на конюха недовольный взгляд.

— Под мою ответственность, — тут же среагировал тот и, на сей раз точно обращаясь ко мне, добавил: — Не составите нам компанию?

Если бы я заметила, что Кэсси этого не хочет, то без раздумий сослалась бы на плохое самочувствие и отказалась. Но, вопреки ожиданиям, девушка ободряюще мне улыбнулась, как бы говоря, что не имеет ничего против.

Довольно быстро переодевшись, мы пришли к конюшне, где для нас уже оседлали лошадей. Забираясь на Зерефа, я думала о том, что получила прекрасную возможность узнать что-нибудь новое. Виктор, как и многие из слуг, явно что-то знал, и я надеялась, что на этой незапланированной прогулке получится его разговорить.

Когда мы выезжали за ворота, цвергов поблизости видно не было, но я отчетливо улавливала их присутствие. Равно как чувствовала и их провожающие взгляды, в то время как лошади везли нас к раскинувшимся за особняком полям. На интуитивном уровне знала, что, если бы я или Кэсси попытались воспользоваться ситуацией и сбежать, они бы не позволили.

Виктор придерживался того же маршрута, что и в прошлый раз. Он непрестанно развлекал Кэсси беседой, в какую пытался вовлечь и меня. Я отвечала коротко, стараясь больше слушать, нежели говорить. Задавать прямые вопросы не планировала, а возможности свернуть разговор в нужное русло пока не представлялось.

— А вы совсем не боитесь этих страшных сторожевых собак? — Сама того не ведая, Кэсси неожиданно упростила мне задачу. — Похоже, они вас слушаются.

— Только лишь прислушиваются, — ответил Виктор, заставив меня задуматься. Кажется, похожие слова я уже где-то слышала. — Они

чувствуют страх и агрессивно на него реагируют.

Кэсси натянула поводья, заставив лошадь остановиться, и с обожанием на него посмотрела:

— То есть достаточно не бояться?

— Достаточно не лезть туда, куда не следует, — мягко заметил конюх, переводя взгляд на меня.

Сделав вид, что не поняла намека, я поинтересовалась:

— И каковы же границы? Быть может, лорду Баррингтону стоило просветить нас лично?

— На данный момент достаточно самовольно не покидать территорию поместья и во всем слушать Дженкинса. Он пользуется безграничным доверием графа, и тот полностью доверяет ему ведение дел.

Виктор говорил спокойно и уверенно, но за каждым его словом мне мерещилось нечто большее, нежели просто указания хозяина. Словно конюх сам устанавливал правила и был уверен, что никто не станет их нарушать.

Никто, кроме меня.

Это утверждение сквозило между строк, и не требовалось обладать даром, чтобы его прочесть. С самой первой встречи Виктор вел себя со мной не так, как должен вести конюх по отношению к леди. Еще тогда я испытала неприятное чувство, словно он видит меня насквозь, а сейчас оно усилилось. Казалось, его темные глаза пытаются заглянуть в самую душу и выведать скрытые в ее глубинах тайны. Ощущения были сродни тому, как если бы он пытался меня раздеть.

Внезапно вдалеке раздалось лошадиное ржание, услышав которое наши кони напряглись. Я обратила взгляд в сторону леса и заметила нечто странное: легкий голубой туман, неровным слоем расстилающийся по земле. Не успела опомниться, как Зереф в один миг взвился на дыбы, едва не выкинув меня из седла.

Виктор попытался преградить путь взбесившейся лошади, но не успел. Со скоростью спущенной стрелы вороной жеребец помчался вперед, и мне удалось не упасть на землю лишь чудом. Я натягивала поводья, призывала его остановиться, но Зереф будто обезумел, стремительно мчась к темному, скрипящему на ветру лесу. В спину мне летели крики Кэсси и топот копыт коня Виктора, но последний явно уступал Зерефу в скорости. Мой конь будто летел, подхватываемый свистящим ветром. Где-то в закоулках взбудораженного сознания мелькнула мысль, что не так давно я хотела ощутить скорость, позволив Зерефу нестись во весь опор. Кто бы мог подумать, что это сиюминутное желание осуществится именно так?

Лишь спустя несколько мучительно долгих минут я поняла, что конь не несется бездумно, а целенаправленно движется к увиденному мной ранее туману. Тот продолжал стелиться по траве, скрадывая очертания и укрывая ее, подобно тончайшему одеялу. Оказавшись близ леса, Зереф сбавил темп и теперь шел спокойнее, словно увязая копытами в голубом мареве. Внезапно стало так тихо, что я услышала стук собственного пульса, отзывающегося в гудящих висках. Исчезли преследующие крики и топот, возникло ощущение, что я осталась совершенно одна.

Невзирая на появившуюся возможность спрыгнуть с лошади, я отчего-то медлила. Смотрела на голубую дымку внизу и понимала, что ступать на нее не хочу. За время пребывания в Сторм-Делле страх возникал настолько часто, что я успела к нему привыкнуть, потому сейчас попросту игнорировала и сбивающееся с ритма сердце, и ставшие влажными ладони.

Я позволила Зерефу увлечь меня в лес, и чем дальше мы продвигались, тем гуще становился туман. Теперь он не только стелился по земле, но и рваными островками висел между деревьями, путался в мокрых ветвях и мешал видеть дальше одного шага.

Казалось, ясный день резко сменился ночью, погрузив все окружающее во мрак.

Робко осматриваясь по сторонам, я неожиданно наткнулась взглядом на фигуру, медленнодвигающуюся навстречу. Притупившийся было страх охватил меня с новой силой, заставив задрожать и сделать отчаянную попытку повернуть коня назад. Но тот не повиновался и, будто притягиваемый непреодолимой силой, продолжал идти вперед.

Если бы кто-то вздумал спросить, в какой момент я поняла, что фигура в тумане принадлежит не человеку, ответа у меня бы не нашлось. Возможно, в тот, когда стало заметно, что она плывет по воздуху, а возможно, когда от нее повеяло потусторонним холодом.

Спустя несколько мгновений передо мной предстал призрак. Не потеряй я от шока голос, лес бы вздрогнул от моего надрывного, полного ужаса крика. И дело было вовсе не в очередном столкновении с духом, а в том, кем этот дух являлся.

Крупное телосложение, такие же крупные черты лица, простая рабочая одежда были мне слишком хорошо знакомы. Взгляд задержался на рукояти кинжала, торчащего из призрачной груди, и темных пятнах на свободной рубахе.

Рэд смотрел на меня, и глаза его отражали столько боли, что она передалась и мне. Разум еще не понимал, что все это значит, а внутреннее чувство уже говорило, что садовник мертв. Его исчезновение не было

связано с внезапным отъездом. Рэда убили, и, судя по всему, произошло это здесь, в лесу.

Внезапно туман передо мной стал рассеиваться, порыв ветра потревожил ковер из прелых прошлогодних листьев и раскинул их в разные стороны. На обнаженной почерневшей земле стала появляться надпись, словно кто-то в спешке нацарапывал ее невидимой веткой. «Останови их», — прочла я и, подняв глаза на призрака, непослушными, пересохшими губами хрипло спросила:

— Кого — их?

Туман начал стремительно таять, а вместе с ним растворялся и дух, оставляя вопрос без ответа. В мыслях вихрем пронеслись слова Делоры о том, что любое взаимодействие с материальным миром отнимает у призраков много сил. Рэд не мог сказать мне большего, не мог дать подсказку, но само его появление определило очень многое. Глядя в мерцающие, полные смертной тоски глаза, я понимала, что этого взгляда не забуду никогда.

В самый последний миг перед тем, как дух развеялся, я снова посмотрела на кинжал, стараясь запомнить каждую его деталь. Он был таким же прозрачным, как и сам Рэд, но кое-что отметить мне все-таки удалось. Завиток на ручке и едва заметную гравировку, состоящую из двух слов. Если бы не мое обостренное зрение, позволяющее видеть даже в темноте, рассмотреть ее не представлялось бы возможным.

Как только рассеялся последний клочок тумана, окружающий мир наполнился звуками. Отмерев, Зереф всхрипнул и потрянул иссиня-черной гривой, словно желая сбросить остатки наваждения. Вслед за этим я заметила за ближайшими деревьями какое-то движение и, резко обернувшись в ту сторону, наткнулась на внимательный взгляд, на сей раз принадлежащий человеку.

Человеку, которого однажды мне уже доводилось видеть. Не жалуясь на зрительную память, я узнала в нем того самого аристократа, который молча наблюдал за тем, как мы с Дженкинсом, кучером и Бекки толкали карету, застряв по пути в Сторм-Делл. Мужчина стоял, слегка прищурившись и держа под уздцы явно породистую лошадь. Сквозь кроны деревьев пробилась лучи солнца, услужливо осветившие его золотистые волосы, резкие черты лица и явно дорогую одежду, безукоризненно сидящую на подтянутой фигуре.

События развивались до того стремительно, что я не успевала их сознать. Только что сломя голову неслась по полю, затем встретилась с призраком убитого садовника, желающим о чем-то предупредить, а теперь

видела перед собой знакомого незнакомца, как бы странно ни звучало такое определение.

Приближающийся лай цвергов вынудил меня развернуться к ведущей сюда дороге, а когда я снова посмотрела туда, где секунду назад стоял мужчина, его там уже не было. Снова исчез — бесшумно и незаметно, подобно тому самому призраку.

Я была слишком напугана и измотана, чтобы думать еще и о нем, поэтому появлению темных псов даже обрадовалась. Хотя правильнее сказать, обрадовалась Виктору, прибывшему вместе с ними.

— Леди Кендол! — едва меня завидев, крикнул он.

Недюжинным усилием заставив онемевшие пальцы тронуть поводья, я направила Зерефа ему навстречу. Своевольная лошадь сейчас шла смирно и безропотно подчинялась любому желанию.

Как только мы оказались достаточно близко, конюх спрыгнул на землю и тут же помог спуститься мне. Затем пересадил на своего коня и, снова забравшись в седло, взял под уздцы Зерефа. Я сидела, ровно держа спину и стараясь не касаться Виктора, но сохранять дистанцию становилось все сложнее, и в конце концов пришлось сдаться. Решив, что никакие правила приличия сейчас неуместны и я имею право хотя бы на миг расслабиться, позволила себе прижаться к его груди. От конюха веяло приятным теплом, а сердце его билось ровно.

Ехать так было спокойно и приятно, говорить совершенно не хотелось. Словно чувствуя мое состояние, Виктор молчал, и я была этому рада. По мере того как мы приближались к поместью, меня понемногу отпускало. На бегущих рядом цвергов не обращала внимания, хотя периодически и поглядывала вниз, не желая упускать их из виду. Знала, что сейчас они меня не тронут, но от настороженности избавиться не могла.

У входа нас встречали. Увидев выбежавшую из дома заплаканную Кэсси, я испытала укоры совести. Невзирая на свои старания и благие намерения, праздник я ей все-таки испортила. Из всех девушек, интересующихся моим состоянием, искренне оно волновало всего двоих: сегодняшнюю именинницу и Делору. Остальные косились на меня с подозрением и явно гадали, почему я так часто оказываюсь в центре неприятных событий. Должно быть, некоторые предположили, что делаю это намеренно, дабы привлечь к себе внимание.

Тем не менее, невзирая на не слишком удачную прогулку, праздник решили продолжить. Было ли так запланировано, я не знала, но праздничный обед постепенно перерос в ужин. Мне хотелось уйти к себе, но, поддавшись просьбам Кэсси, я все же осталась. Поднялась в комнату

лишь для того, чтобы сменить одежду и привести себя в порядок после бешеной скачки и свидания с духом.

Мое пребывание здесь не заладилось с самого начала, и чем дальше, тем загадочнее и опаснее становились происходящие события. Я провела в Сторм-Делле всего ничего, но за такое короткое время успела столкнуться с массой ужасающих вещей. Куда там ночным кошмарам...

— Амина, — полушепотом позвала меня Делора, когда я спускалась к столу. — Мне нужно кое-что тебе рассказать.

Вид у девушки был встревоженный, если не сказать крайне взволнованный. Только я собралась спросить, что случилось, как к нам подошла Оливия и любезно сообщила, что все ждут только нас.

— Поговорим после ужина, — шепнула Делора, и мы проследовали за горничной.

Весь вечер за столом царило оживление. Несмотря на то что заменой вину служили ягодный морс и чай, веселье стремительно разливалось по венам и было до того заразительным, что в какой-то момент я поймала себя на улыбке.

Обсуждали самые разные темы, но особое внимание уделили традиционному обряду, проводимому в этих краях на дни рождения незамужних девушек. Заключался он в том, что для именинницы готовили ванну прямо на улице, наливали в воду различные масла и клали травы. В то время как девушка ее принимала, читали древние молитвы на счастье, благополучие и защиту.

Мне доводилось слышать о такой традиции округа Риджии, поэтому я не слишком удивилась. Хотя и не совсем представляла, как она осуществляется в холодное время года, особенно с учетом суровости здешних зим.

Однако меня удивило другое: в ходе разговора открылось, что такой обряд проходили все прибывшие в поместье девушки. А сегодня собирались провести и для Кэсси, которая не имела ничего против.

Мужчин попросили разойтись по своим делам, и с зажженными свечами, как только они удалились, Оливия с миссис Эртон принялись за последние приготовления. Горничная, которой взялась помогать моя Бекки, наполнила стоящую на улице ванну горячей водой, затем капнула туда ароматные эфирные масла, а экономка бросила несколько горстей лепестков роз. Вокруг поставили подсвечники, которые, учитывая наступившие сумерки, пришлись весьма кстати.

Наблюдая за этими действиями, я никак не могла понять: для чего все это нужно? Почему не блещущая дружелюбием экономка собственноручно

занимается организацией праздника для Кэсси и организывает такой обряд? Единственное логичное предположение — по приказу лорда Баррингтона. А вот зачем это необходимо ему?

Пока я предавалась размышлениям, подготовка подошла к завершению и на улицу в сопровождении Оливии вышла Кэсси. Праздничное платье она сняла, и сейчас была лишь в длинной тонкой белой сорочке и босая. Ее каштановые волосы были распущены и свободно струились по плечам.

В столице таких обрядов давно не проводили, причисляя их к пережиткам прошлого. Некоторые считали, что в основе их лежит магическая составляющая, и потому относились с опасением. До сих пор их практиковали только в нескольких провинциях, в том числе и в Риджии. Считалось, что помимо прочего с помощью такого омовения молодая девушка получает шанс удачно выйти замуж и наладить счастливую семейную жизнь. На мой взгляд, все это было не более чем предрассудком. В судьбу я верила, но также верила и в то, что ее строит сам человек, а не какие-то обряды.

Большая белая ванна, над которой поднимался горячий пар, стояла прямо в саду среди множества цветущих роз. На потемневшем небе возшла мутная луна, наполовину выглядывающая из-за густых свинцовых туч. Было довольно прохладно, а при взгляде на полуобнаженную Кэсси становилось еще холоднее. Кожа ее покрылась мурашками, девушка слегка подрагивала, но отступить от задуманного не собиралась.

Под негромкий плеск и подбадривающие крики Кэсси погрузилась в горячую воду. Ткань сорочки намочила, обрисовав очертания полноватой, но очень женственной фигуры, которую вскоре скрыли плавающие в ванне лепестки.

Пламя свечей подрагивало от пробегающего по саду ветерка, который этим вечером был легким — настолько, чтобы не мешать совершаемому обряду. Казалось, даже тучи сдерживались из последних сил, чтобы раньше времени не разразиться дождем.

Полились четко выговариваемые слова на одном из древних наречий, которое еще называли «мертвым». Крайне сложный для изучения, этот язык давался мне тяжело, и даже сейчас, слушая голос миссис Эртон, я понимала далеко не все.

Обряд, который должен был приносить радость, на меня действовал угнетающе. Отчасти дело было в месте, где его проводили. При свете луны, близ старого, полного тайн особняка, это действо походило на один из древних ритуалов, какие прежде практиковали темные колдуны. А резкие, тяжелые точно камни фразы буквально придавливали к месту, не позволяя

шевелинуться.

Мною вновь овладел иррациональный страх. Умом понимала, что в этот момент не происходит ничего ужасного, но сердце всячески этому противилось. И снова мне казалось, что я упускаю из виду нечто важное. Будто несколько обрывков цельной картинки только и ждут, чтобы их соединили, а я все не могу их отыскать среди множества других.

Все наблюдающие за обрядом девушки выглядели восторженными, сама Кэсси, прикрывшая глаза, — умиротворенной, а я чувствовала себя единственным инородным элементом, чуждым происходящего. Как бы ни старалась, не могла пересилить тяжести, повисшей в душе. Находясь в напряжении, я все ждала, что вот-вот что-то случится, но обряд завершился, а ничего страшного так и не произошло. Не разлетелись на миллионы осколков оконные стекла, не рухнуло на землю небо, не появился призрак, и даже не хлынул дождь.

Как только Кэсси выбралась из ванны, раздались шумные аплодисменты, а Оливия закутала ее в шерстяное одеяло и помогла обуть туфли. На этом сегодняшний праздник был окончен, и я с облегчением подумала, что наконец могу удалиться к себе и отдохнуть.

Уже входя в дом, внезапно вспомнила о Делоре, которая хотела со мной поговорить. Я осмотрелась по сторонам, но среди расходящихся девушек ее не было. Пришлось снова вернуться в сад, где Оливия с Бекки убирали ванну, и спросить, не видели ли они ее.

Получив отрицательный ответ, я обошла холл и столовую, затем заглянула в библиотеку и, решив, что разговор может подождать до завтра, отправилась к себе. Перед этим предприняла последнюю попытку ее отыскать и постучалась к Делоре в комнату. Дверь была заперта, а за ней не раздавалось ни звука.

В душе всколыхнулось смутное беспокойство, но я успокоила себя тем, что Делора вполне могла пойти кормить Элуну. Она часто отлучалась ради встреч со своей совой, поэтому наверняка и это ее исчезновение объяснялось тем же.

— Как вам сегодняшний праздник? — спросила Бекки. Наши разговоры перед сном уже становились своего рода традицией. — Сильно испугались, когда лошадь понесла?

— Сильно, — не стала отрицать я. — Скажи, ты выполняешь то, о чем мы договаривались? Смогла узнать что-нибудь полезное?

Бекки подошла ближе и, с моего позволения присев на краешек кровати, охотно поделилась:

— Смогла, миледи. Мне удалось подслушать разговор между Оливией

и миссис Эртон. — Она сделала эффектную паузу и, понизив голос, сообщила: — Банни — дочь лорда Баррингтона, миледи.

До сего момента я считала, что этот день больше не преподнесет мне сюрпризов. Как же сильно ошибалась! Такая новость буквально лишила меня дара речи. Тот факт, что дочь графа жила в отдалении, носила рваное тряпье и терпела всевозможные издевательства, был просто невероятен. Что же за человек этот лорд, если так относится к собственному ребенку?

Когда первое замешательство прошло, я взглянула на ситуацию более трезво. По всему выходило, что Банни — внебрачный ребенок, а значит, скорее всего, граф просто ее не признавал.

— Ты не могла ошибиться? — спросила у Бекки, хотя была склонна ей поверить.

— Не могла! — порывисто возразила горничная. — Своими собственными ушами слышала, как миссис Эртон упоминала, что отец девочки граф Баррингтон!

Что ж, если так, то Банни именно от него, вероятно, и унаследовала магический дар, след от которого до сих пор не сошел с моей руки.

ГЛАВА 8

Ранним утром, едва небо озарилось первыми проблесками рассвета, по первому этажу разнеслись крики. Спалось мне плохо, потому к этому моменту я успела не только проснуться, но и привести себя в порядок. Зная, что в такой ранний час большинство обитателей поместья еще спит, намеревалась снова наведаться к комнате, скрытой пологом магии. Но сейчас, услышав громкие голоса, несколько изменила планы и, стараясь не привлекать к себе внимания, зашла в столовую.

В центре комнаты разворачивалась крайне неприятная сцена: Банни стояла, с силой сцепив руки за спиной и едва сдерживая слезы, рядом с ней замерла бледная Оливия, а напротив возвышалась миссис Эртон, отчитывающая девочку. На полу растеклась прозрачная лужа, валялись цветы и хаотично разбросанные осколки хрустальной вазы.

— Нужно лучше за ней следить! — крикнула обычно сдержанная экономка, обращаясь к горничной. — То, что девчонке позволили вернуться в поместье, не значит, что она может чувствовать себя здесь хозяйкой!

— Но ведь... — попыталась возразить Оливия.

— Замолчи! Немедленно приberi и уводи ее отсюда!

Она хотела еще что-то сказать, но, заметив мое присутствие, резко осеклась. Сухо меня поприветствовав, миссис Эртон поджала губы, и вскоре цоканье ее каблучков затихало где-то в коридоре.

Горничная с дочерью явно смущались моего присутствия, но избавлять их от него я не спешила. Разместившись на стуле, принялась наблюдать за тем, как Оливия убирает с пола осколки, и через несколько минут, кивнув на Банни, спросила:

— Почему экономка так обращается с дочерью графа?

Задавая такой вопрос, я хотела не столько услышать ответ, сколько посмотреть на реакцию горничной. Та не заставила себя ждать — совок выпал из внезапно ослабевших рук, и острые осколки снова усыпали пол.

— Как вы узнали? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Не имеет значения. — Я выжидающе на нее посмотрела. — Так почему?

Сама виновница разговора стояла с отсутствующим видом и, казалось, мысленно пребывала не здесь. Еще только войдя в столовую, я отметила, что ее старое тряпье сменилось хоть и недорогим, но приличным платьем, а ранее взлохмаченные, сбившиеся в колтуны волосы заплетены в косу.

Сейчас, когда с ее лица была отмыта грязь, Банни казалась довольно миловидной. Разве что черные глаза, зрачки в которых были практически незаметны, смотрелись несколько дико.

Своим вопросом я явно поставила Оливию в тупик, и она смешалась. Просто взять и уйти горничная не решалась, но и говорить не спешила. Просто замерла, испуганно на меня смотря и безмолвно умоляя не требовать от нее ответа.

— Граф не признает дочь, — наконец все же произнесла она, одной рукой прижав к себе Банни. — Ему нет до нее никакого дела.

Объяснение звучало логично, да я и сама пришла к такому же выводу, но при этом не могла отделаться от ощущения, что Оливия врет. Не понимала, в чем именно и зачем, но ее неискренность была очевидна. Страх горничной сквозил в ее поведении и речи, в суетливом движении, каким она привлекла к себе Банни, в каждом слове и каждой паузе этого короткого разговора.

На продолжении беседы я не настаивала и, чтобы не смущать Оливию еще больше, ушла. Времени, остававшегося до завтрака, как раз хватало на то, чтобы воплотить задуманное. Конечно, теперь существовал риск быть кем-нибудь замеченной, но бездействовать я не могла.

Выйдя из столовой, я осмотрелась по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, неспешно двинулась в сторону скрытой комнаты. Когда оказалась перед тяжелой темной дверью, непроизвольно затаила дыхание, собираясь с духом. Этой ночью не выспалась как раз из-за того, что очень долго раздумывала, стоит ли пытаться попасть внутрь. Я всегда старалась тщательно взвешивать каждый свой шаг, но вместе с тем действовать решительно. Сейчас же сомневалась, не зная, что меня ожидает по ту сторону двери.

Словно по щелчку пальцев в памяти всплыла вчерашняя встреча в лесу с призраком садовника и нацарапанные на земле слова. То был настоящий кошмар, даже теперь внушающий ужас.

Но Рэда убили, и, похоже, я была единственной, кто имел хотя бы какой-то шанс в этом разобраться. Его смерть была неразрывно связана с тайнами поместья и пребыванием здесь девушек, а значит, меня касалась напрямую.

Вот только одно дело понимать и совсем другое — не откладывая, рисковать.

Предполагая, что дверь все равно будет заперта, я тщательно осмотрела коридор, пытаюсь понять, каким образом в ту ночь Рэд мог оказаться позади меня. Поиски увенчались успехом: слева обнаружилась

небольшая ниша, куда при желании мог вжаться человек. Поразмыслив, я пришла к выводу, что тогда садовник ею воспользовался, а после, пока я наблюдала за дверью, вернулся обратно по коридору, таким образом оказавшись за моей спиной. Стояла темнота, я была уверена, что он вошел в комнату, поэтому вполне могла его не заметить. Возможно, Рэд сам следил за кем-то, пока этот «кто-то» не вошел в скрытую магией комнату. Отсюда возникал следующий вопрос: кто это был?

Одни вопросы порождали другие, и от этого голова шла кругом. Вязкий, не выпускающий меня из когтей страх был не лучшим помощником, и удерживать его давалось все трудней. Он виделся мне огромным, похожим на цверга псом, рвущимся с цепи. И цепь эта с каждым новым открытием, касающимся Сторм-Делла, становилась все тоньше.

Некоторое время поколебавшись, я все же вернулась к комнате и решительно дернула за дверное кольцо. Как и ожидалось, дверь была заперта, и с этим поделаться я ничего не могла. Замки взламывать не умела, а если бы и обладала таким навыком, все равно вряд ли бы что-то вышло. Наложенное на комнату заклинание не только ее скрывало, но и служило защитой от взлома — это я чувствовала отчетливо.

Единственной пришедшей на ум идеей, было попросить Бекки наблюдать за этой комнатой, пока к ней кто-нибудь не приблизится. Но в том был определенный риск, а подвергать опасности ни в чем не повинную горничную я не хотела.

Чего мне действительно хотелось, так это обсудить все с Делорой — единственной, кому я доверяла и с кем могла быть откровенной. Я надеялась, что вместе нам удастся найти какой-нибудь выход и решить, как поступать дальше.

Когда девушка вовремя не спустилась к завтраку, меня это не слишком беспокоило, но когда она не появилась и после, я занервничала.

— Ты не видела Делору? — спросила у Кэсси, когда мы вставали из-за стола.

Призадумавшись, та пожала плечами:

— Со вчерашнего вечера — нет.

Именно в этот момент моя нервозность переросла в дурное предчувствие. Черное, липкое, оно стремительно разрослось, скрутив внутренности тугим узлом. Стараясь не поддаваться панике, я вышла в сад и, пройдя через увитую плетущимися розами арку, оказалась на том месте, где Делора обычно проводила время с Элуной. Сейчас здесь не было ни девушки, ни совы, и один лишь только ветер отчаянно шуршал в пышно цветущих кустах.

Здесь я пробыла недолго, и после того, как на мой зов снова никто не ответил, вернулась в дом. Как и накануне, обошла все комнаты, где могла бы находиться Делора, попутно спрашивая у всех встречающихся, не видели ли они ее.

После безуспешных поисков, преисполненная решимости, я поднялась на второй этаж и, подойдя к ее комнате, громко постучала в дверь.

— Делора! — позвала, теряя остатки спокойствия. — Ты там?

В следующую секунду дверь резко отворилась, и передо мной предстала миссис Эртон. Увидеть ее здесь я никак не ожидала, поэтому не смогла сдержать отразившегося на лице удивления.

— Со вчерашнего вечера она плохо себя чувствует, — довольно холодно проронила экономка. — Сейчас вам лучше ее не беспокоить.

— Что с ней? — спросила я, тщетно стараясь заглянуть внутрь.

Выйдя из комнаты, миссис Эртон прикрыла за собой дверь.

— Должно быть, обычная простуда. Дженкинс даст девушке необходимые лекарства, а горничная обеспечит должный уход.

Слишком поглощенная беспокойством о новообретенной приятельнице, я не сразу осознала услышанное. Когда же до меня дошел смысл сказанного, сдержать негодование и заставить голос звучать спокойно удалось с трудом:

— Дженкинс? Миссис Эртон, хочу напомнить, что лорд Баррингтон несет ответственность за каждую находящуюся здесь девушку. Сомневаюсь, что дворецкий обладает достаточными знаниями в области медицины, поэтому нужно вызвать доктора.

— Леди Кендол, — в тон мне ответила экономка, и в ее голосе послышались нотки раздражения. — Позвольте графу самому решать, что предпринимать. Все мы лишь выполняем его поручения, и будет лучше, если вы станете поступать так же.

— Лучше для кого? — спросила я, в один миг надев маску высокородной леди.

Если до этого держалась со всеми на небольшой дистанции, то теперь намеренно ее увеличила. Это от Кэсси, Габи, Ины и прочих можно отделаться подобными абстрактными ответами, а со мной экономке придется считаться, хочет она того или нет.

— Для всех, — уже спокойнее проговорила миссис Эртон. — Если вы не возражаете, я пойду.

— Возражаю, — мгновенно отреагировала я. — И требую немедленной встречи с лордом Баррингтоном.

Губы экономки сложились в подобие усмешки:

— Боюсь, в этом поместье вы не вправе чего-то требовать. На оговоренный в договоре срок вы, как и все остальные, являетесь собственностью лорда Баррингтона. Не думайте, что знатное происхождение как-то возвышает вас над другими, леди Кендол.

Формальное обращение прозвучало как издевательство. Не дав мне опомниться, миссис Эртон повернула в замке ключ и гордо удалилась, оставив за собой последнее слово. Как правило, я всегда быстро реагировала на любые реплики и находилась с ответом, но не в этом случае. Подобной наглости от экономки я никак не ожидала, но потерять дар речи меня заставило даже не это. Куда больше зацепила царапнувшая слух фраза о том, что все мы являемся собственностью графа. Это какую же бумагу должен был подписать мой опекун, чтобы подобное стало возможным?

Я была растеряна, но быстро сумела взять себя в руки. Заранее предвидя, что ничего не добьюсь, все же еще раз позвала Делору, но ответом мне была ожидаемая тишина. В версию о простуде верилось с трудом, а точнее, не верилось вообще, и в голову лезли самые кошмарные мысли. Снова вспомнился призрак садовника с расплывшимися на рубашке пятнами крови и торчащим из груди кинжалом. Что, если Делору постигла та же участь?

Подумав так, я тут же помотала головой, отгоняя страшные картины. Еще никогда и ни о чем я не жалела столь сильно, как о нашем несостоявшемся разговоре. Она ведь хотела сообщить мне нечто важное! Следовало сразу ее выслушать, а не откладывать на потом. Единственный человек, бывший в этом доме моим союзником, исчез, и теперь приходилось полагаться только на себя.

Слабые надежды на то, что все не так страшно и Делора вскоре появится, обрушились, точно карточный домик. Один день сменялся другим, шла вторая неделя, а ее все не было. И Дженкинс, и миссис Эртон неустанно твердили, что девушка неважно себя чувствует и потому не покидает пределов своей комнаты, но чем больше времени проходило, тем более нелепо звучали такие объяснения.

Жизнь в поместье словно застыла, и череда происшествий, преследующая меня по приезду, сменилась затишьем. Ева не появлялась, как и призрак из музыкального зала, где перестал звучать грустный ноктюрн. Небо, будто оплакивая пропавшую Делору, проливало непрекращающиеся дожди, из-за которых никто не выходил из дома. Отрезанные от мира, мы коротали дни в четырех стенах, которые давили и

навевали немую тоску. Наблюдения за скрытой комнатой не давали никаких результатов — больше там никто не появлялся.

Много времени я проводила в библиотеке, ища сама не знаю что. Просто сидеть и ничего не делать, покорно ожидая своей участи, было невыносимо, но и мои жалкие попытки отыскать ответы ни к чему не приводили. Я зашла в тупик и не знала, с какой стороны подступиться к загадке по имени Сторм-Делл.

В один из однотипных завтраков, когда мы с девушками вновь собрались за одним столом, из холла донеслись голоса. Никто не считал нужным обращать на них внимание, а мне было трудно их расслышать из-за стоящего за столом шума. Снова шло обсуждение Виктора и давнего спора, заключенного на него девушками. Кажется, Габи жаловалась на дурную погоду, из-за которой невозможно попасть в конюшню, а Кэсси ее поддерживала.

— Не понимаю, зачем было нужно его нанять? — все же удалось различить реплику явно недовольной миссис Эртон.

Ответ Дженкинса потонул во взрыве девичьего смеха.

— И когда придет этот садовник? — задала она следующий вопрос.

— Сегодня днем, — сообщил дворецкий, и вслед за этим диалог прервался.

Услышав о садовнике, я невольно вздрогнула. Некоторое время просидев неподвижно, осмыслила сказанное и решительно отодвинула от себя кружку с недопитым чаем. Незначительное, на первый взгляд, событие послужило для меня толчком к действиям и заставило вынырнуть из анабиоза, в который я впала за прошедшие полмесяца. В этот момент сама себе напоминала внезапно пробудившуюся бабочку, вырвавшуюся из плотного кокона.

К комнате Делоры я подходила каждый день, хотя и знала, что ее там нет. Теперь же намеревалась добиться того, чтобы дверь передо мной открыли. Не до конца представляя, чем все это может закончиться, я нагнала выходящую из холла экономку и, окликнув ее, велела:

— Отведите меня к Делоре.

Я ожидала отказа и была к нему готова. Внутри прочным стержнем укрепилось намерение любой ценой добиться своего. Если бы понадобилось, я была готова перевернуть этот дом вверх дном и собственноручно выломать треклятую дверь, чтобы убедиться, что за ней никого нет. А затем посмотреть, какие еще объяснения для меня придумают. Отдавая себе отчет, что, возможно, поступаю опрометчиво и необдуманно, отступить все равно не собиралась. Просто чувствовала, что

если сейчас не сделаю хотя бы что-то, то снова погружусь в тягостную дрему, заполнившую весь дом.

— Хорошо. — Спокойно прозвучавшее согласие вынудило подумать, что я ослышалась. — Прощу за мной.

На негнущихся ногах я проследовала за непривычно сговорчивой экономкой на второй этаж. Сложно было поверить, что она в самом деле пустит меня в комнату Делоры, но, судя по маршруту, мы направлялись именно туда. До тех самых пор, пока не оказались в конце коридора, и в замочной скважине не повернулся ключ, я ожидала подвоха. Более того, ожидала его и в тот миг, когда первой входила внутрь. Если бы дверь за моей спиной внезапно захлопнулась и меня заточили в этой комнате, удивления я бы не испытала.

Но, увидев лежащую на кровати девушку, поразились тому, что она действительно здесь находится. Делора была необычайно бледна, ее длинные светло-русые волосы разметались по подушкам, ничего не выражающий взгляд устремлялся в потолок. Она казалась лишенной жизни, сломленной фарфоровой куклой. Белая, будто мраморная кожа, бескровные губы и просвечивающие сквозь кожу вены создавали образ жуткий, неестественный... мертвый.

С трудом себя сдерживая, я приблизилась к кровати и взяла Делору за руку. Та оказалась холодной, но пульс на запястье все же присутствовал — слабый и едва различимый.

— Что вы с ней сделали? — обернувшись, обратилась я к застывшей в центре комнаты экономке. — И сейчас будете говорить, что у нее обычная простуда?

— Леди Кендол, прошу, выбирайте выражения, — по-прежнему спокойно отозвалась миссис Эртон. — Ее состояние является следствием давней болезни. Лорда Баррингтона ввели в заблуждение, сказав, что девушка здорова. Около двух недель назад она испытала недомогание и обратилась к кухарке с просьбой дать капли от мигрени. Джина дала обычную травяную настойку, а на следующий день Делоре стало хуже. Лорд Баррингтон попросил нас с Дженкинсом говорить всем, что с ней не происходит ничего страшного, дабы зря не волновать остальных девушек.

Экономка подошла к кровати и, подоткнув одеяло, добавила:

— Думаю, вы и сами видите, что случай нетипичен. Не знаю, говорила ли она вам о своих... хм, особенностях, но мы полагаем, ее состояние связано с ними.

Я переводила взгляд с Делоры на миссис Эртон и не знала, что и думать. Идя сюда, была уверена, что не поверю ни единому слову, но

сейчас внутри всколыхнулись сомнения.

— Хотите сказать, что ее состояние вызвано ее же... магией? — спросила не слишком уверенно.

— Надеюсь, вы понимаете, что остальным об этом знать не стоит? — вместо ответа задала экономка встречный вопрос и тут же неожиданно смягчилась: — Леди Кендол, я должна извиниться за свою резкость некоторое время назад. Буду откровенна, мне дорого мое место, а граф крайне недоволен, если кому-либо из девушек оказывают неуважение. Особенно вам и леди Фейн.

— Тогда, может, вы все же скажете, для чего мы нужны лорду Баррингтону? — Не особо надеясь на правдивый ответ, я все же решила попытаться использовать ее откровенность.

Миссис Эртон отрицательно покачала головой:

— Ничем не могу помочь, я всего лишь выполняю указания графа. Своими намерениями он со мной не делится.

— А с Дженкинсом?

Экономка промолчала, но ее взгляд говорил лучше всяких слов. Впрочем, особое положение дворецкого было очевидно с самого начала.

Вскоре миссис Эртон сослалась на неотложные дела и, оставив мне ключ от комнаты, ушла. Перед этим попросила запереть за собой дверь и еще раз напомнила о нежелательности распространения информации о состоянии Делоры.

То обстоятельство, что она мне доверилась и позволила здесь остаться, также вызвало немалое удивление. Своим сегодняшним поведением экономка полностью разрушила сложившееся о ней мнение и еще больше меня запутала.

Оставшись наедине с Делорой, я крепче сжала ее ледяные пальцы и тихо проговорила:

— Как мне тебя сейчас не хватает. Стольким нужно поделиться, спросить совета. Что же с тобой случилось?

Бесцельный взгляд девушки упирался в потолок, и это зрелище вызывало произвольную дрожь. Делора не моргала, уголки ее глаз были слегка воспалены, а зрачки — расширены. Глядя на все это, я была вынуждена согласиться, что отказ вызвать лекаря более чем оправдан. Такое состояние не может вызвать ни одна из известных в медицине болезней, а оказывающие услуги целителей маги находятся вне закона.

Варианта, что экономка все же соврала и Делора пострадала от действий кого-то из обитателей особняка, я тоже не исключала. Пожалуй, даже рассматривала его как наиболее вероятный, но в теперешний момент

это не играло большой роли. Как бы то ни было, итог один: болезнь Делоры носила неестественный, магический характер, и как ей помочь, я не имела ни малейшего представления. Разве что...

Если бы поблизости оказалось селение друидов, они бы точно сумели подсказать, что произошло и как ей помочь. Но это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Даже если бы поблизости и жил какой-то целитель, а я сумела выбраться за пределы поместья, как его отыскать? Не бродить же по лесу в надежде увидеть путеводную белую лань...

У Делоры я пробыла около часа, при этом делюсь всем, что меня тревожило. Говорила тихо, боясь, что кто-нибудь может услышать, а когда поведала обо всех наводящих страх событиях, ощутила, как стало несколько легче. Пусть Делора не отвечала, я все равно верила, что она меня слышит.

Стоящие на прикроватной тумбочке розы практически полностью завяли, усыпав пол багровыми лепестками, и я мысленно сделала заметку принести свежие.

Оказавшись по ту сторону двери, дважды повернула ключ и, сжав его в руке, пошла по коридору. Погруженная в себя, я не сразу заметила, что выбрала не то направление, а когда это осознала, назад поворачивать не стала. Списав это на ведущую меня судьбу, я чуть умерила шаг и уже целенаправленно двинулась к покоям лорда Баррингтона, идти до которых осталось всего ничего.

Кто знает, быть может, этот день действительно счастливый и мне удастся не только увидеть таинственного графа, но и с ним поговорить?

Чем ближе я подходила, тем сильнее билось сердце — и не только от волнения и страха. Магия в этом крыле дома ощущалась особенно сильно, она была темной, горькой и вязкой как самый густой деготь. Несмотря на стоящий полдень, коридоры здесь были погружены в полумрак. Тяжелые занавески закрывали почти все окна, отрезая доступ дневному свету, по полу полз свистящий сквозняк. Нечто черное и неприятное пропитало воздух, подобно удушливой гари. В этой части особняка царило запустение еще большее, чем во многих других. Казалось, единственная горничная давно забыла сюда дорогу, а крыло являлось нежилым.

Еще не дойдя несколько шагов, я увидела, что двери в покои графа приоткрыты. И без того сбивающееся с ритма сердце застучало с удвоенной силой, и я, затаив дыхание, буквально превратилась в тень. Вся решимость вмиг куда-то делась, и мне захотелось стать невидимой. Создавалось впечатление, что я приближаюсь к средоточию чего-то темного, и, заглянув за приоткрытую дверь, узнаю нечто по-настоящему

важное. Неизвестность и ожидание близкой разгадки спазмом сжимали горло и разливались по телу болезненным нетерпением.

Поравнявшись с покоем, я склонилась и посмотрела в узкую щель. Сперва не увидела ничего, помимо угла кровати, половины разбитого окна и темного, покрывавшего пол ковра. Секундой позже взгляд зацепился за стоящее в глубине комнаты кресло, в котором сидел мужчина, держащий в руках бокал красного вина. Напиток играл бликами под залетающим в покои рассеянным светом, походя на жидкий рубин. Мужчина же виделся неясным темным силуэтом, и, лишь приложив определенные усилия, мне удалось его рассмотреть.

Пришлось зажать рот рукой, чтобы ненароком не выдать себя изумленным вздохом. На небольшом расстоянии от меня, небрежно закинув ногу за ногу, в дорогом кожаном кресле сидел Виктор.

ГЛАВА 9

До своей комнаты я бежала, не различая дороги. Все намерения поговорить с хозяином поместья выветрились, стоило взглянуть на человека, находящегося в графских покоях. Не знаю, какое чувство было сильнее — страх или изумление, но оно гнало меня прочь. Оказавшись у себя, я плотно закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, выравнивая сбившееся дыхание.

Предположение о том, что Виктор находился в покоях графа просто так, я отмела сразу. Конюху не положено пребывать в личных комнатах хозяина и тем более распивать в них вино. Его поведение, безупречные манеры, умение себя держать — все разом сложилось в единую картину, позволившую понять, что Виктор и лорд Баррингтон есть одно и то же лицо.

Но как такое возможно? Для чего графу в собственном доме выдавать себя за конюха, разыгрывая при этом болезнь? Если раньше его поведение виделось мне странным, то теперь я всерьез усомнилась в здравости собственного рассудка. Захотелось закрыть глаза, зажмуриться изо всех сил, а затем открыть и убедиться, что последние недели были не более чем кошмарным сном.

Меряя шагами комнату, я старалась привести всю имеющуюся информацию в какой-никакой порядок. На данный момент мне было известно следующее: восемь девушек привезли в дом лорда Баррингтона, у которого двенадцать лет назад погибла жена, чей призрак предположительно сейчас обитал в стенах поместья. Все эти годы граф жил отшельником, поручая ведение дел своему дворецкому. От горничной у него есть дочь, которую он не желает признавать. В дополнение ко всему граф является сильным магом, притворяется конюхом и заставляет всех думать, что серьезно болен. А если приплюсовать к этому призрак в музыкальном зале, убитого недавно садовника и скрытую комнату, обилие загадок может свести с ума. Ах да, еще ужасающее состояние Делоры, которое, возможно, также имеет отношение к творящейся здесь чертовщине, и безумная старуха, которую едва не растерзали цверги.

Решив, что сюрпризов на сегодня более чем достаточно, остаток дня я посвятила размышлениям. Для того чтобы лучше понять ситуацию, в строгой последовательности написала все произошедшие события на листе бумаги и попыталась установить между ними связь. В моей жизни был

период, когда помимо серьезной литературы я буквально зачитывалась популярными детективами. В них определить главного антагониста обычно не составляло труда, равно как и отследить цепочку событий. В реальной жизни, оказавшись в эпицентре чужих тайн, я чувствовала себя слепым котенком, беспомощно тыкающимся носом в окружающие его стены.

Спускаться к обеду не хотелось, поэтому я попросила Бекки принести еду в комнату. Когда горничная опускала на столик поднос с горячими блюдами, мне внезапно вспомнился разговор с Делорой, где она рассказывала о кухарке. Кажется, упоминала, что проводит в ее обществе много времени и подозревает, что та что-то знает. К тому же, со слов миссис Эртон, именно у кухарки Делора просила капли от мигрени накануне того, как слегла.

— Можешь провести меня на кухню через черный вход? — спросила я у Бекки, от пришедшей идеи напрочь лишившись аппетита.

Та в удивлении на меня посмотрела:

— Зачем?

— Просто отвечай и не задавай встречных вопросов.

Пока мы спускались по лестнице для слуг, я не переставала ощущать на себе ее недоуменный и несколько испуганный взгляд. Живя в поместье, Бекки стала еще более нервной, чем прежде, и переживала по любому поводу. Гнетущая атмосфера этого дома действовала и на нее, вынуждая вздрагивать от каждого шороха. Зная чрезмерную впечатлительность и суеверность своей горничной, я понимала, насколько тяжело ей теперь приходилось.

Кухня оказалась просторной и, вопреки моим опасениям, достаточно чистой. Разномастные кастрюли и сковороды были начищены до блеска, прочая кухонная утварь аккуратно размещалась на полках шкафов и в тумбах. Сама кухарка сидела на деревянном табурете и чистила картофель, бросая его в стоящую рядом кастрюлю. Услышав, что кто-то вошел, она отвлеклась от работы и окинула меня и Бекки быстрым взглядом. Поняв, что перед ней леди, Джина неловко поднялась с места и неумело присела.

Обычно мне была свойственна определенная мягкость в общении со слугами, но сейчас церемониться я не собиралась. Подойдя к кухарке, скользнула по ней ответным взглядом, намеренно позволив отразиться в глазах высокомерию, подчеркивающему мое положение, и потребовала:

— Мне нужны капли, которые ты дала Делоре две недели назад.

Не ожидавшая этого Джина в первое мгновение заметно растерялась и посмотрела на Бекки, как бы ища поддержки.

— Смотри на меня, — холодно велела я. — Знаю, что ты немая, но

слышать, надеюсь, умеешь? Сейчас же дай то, что прошу.

Колебалась кухарка недолго, и через несколько мгновений в моих руках оказался маленький полупустой пузырек, какой она сняла с одной из полок. Откупорив крышку, я принялась и ощутила знакомый травяной аромат. Графиня Кендол часто страдала от мигрени, не уставала об этом напоминать и нередко просила всех находящихся поблизости приносить ей капли. Содержимое флакончика пахло и выглядело так же, но, не будучи склонна верить одним лишь только глазам, я использовала зрение внутреннее. Однако и оно не выявило никакого магического вмешательства — пузырек действительно содержал самое обычное лекарство от головной боли.

— О чем вы с Делорой говорили тем вечером? — продолжила расспрашивать я и, вспомнив, что кухарка не может говорить, протянула ей захваченную из комнаты бумагу. — Напиши.

Джина подняла на меня нерешительный взгляд и виновато пожала плечами — грамоте она обучена не была. На вопрос о том, как же в таком случае она общается, кухарка сделала несколько движений руками, показывая, что использует язык жестов. Мне он был незнаком.

— Я могу перевести, — неожиданно вмешалась Бекки. — Моя бабка была глухонемой, я их понимаю.

Как оказалось, моя горничная была полна сюрпризов, и уже через минуту она продемонстрировала свои знания на практике.

Кухарка сказала, что в тот вечер обсуждала с Делорой жизнь в поместье. Девушка спрашивала, как давно та здесь работает и знала ли умершую графиню. Джина ответила, что знала, но рассказать об этом не может. Они спокойно пили чай, когда Делора внезапно пожаловалась на неважное самочувствие и спросила, нет ли у кухарки капель от головной боли. Получив их, она ушла, пообещав заглянуть утром, но на следующий день так и не появилась.

— Спроси, почему она не может рассказать о графине, — попросила я Бекки.

Та перевела, а кухарка в ответ провела пальцами по губам, как бы закрывая их на замок, после чего обхватила руками шею.

— Боишься рассказать, потому что тебе угрожают? — без помощи горничной догадалась я. — Граф, миссис Эртон, Дженкинс? Кто?

Джина снова виновато пожала плечами, давая понять, что ответа от нее ждать не стоит. Она словно закрылась в непробиваемой раковине, опустила глаза и скукожилась, при своем невысоком росте сделавшись как будто еще меньше. Я бы могла надавить, тоже прибегнуть к угрозам, но не

стала. Чем бы ни пригрозила, вряд ли бы это возымело действие, так как ее страх перед хозяином или кем-то, велевшим молчать, был сильнее. Свою роль сыграла и немота, которая невольно вызывала сочувствие.

— Джина, — попыталась я зайти с другой стороны и несколько смягчила тон, — Делора тебя любила. Говорила, что успела к тебе привязаться, а ты не хочешь ей помочь. Тебе известно, что сейчас она не выходит из комнаты, потому что прикована к постели? Вижу, что известно. Она не разговаривает, ни на что не реагирует и смотрит в одну точку. Если ты знаешь, что можно сделать, прошу, скажи.

Кухарка опустила голову, скомкала пальцами фартук и мелко затряслась. Вначале я подумала, что с ней случился припадок, но вскоре поняла, что женщина беззвучно плачет. Прошло не менее минуты, прежде чем она успокоилась и, промывав нечто невнятное, принялась активно жестикулировать.

Я переводила взгляд с нее на Бекки, замечая, как последняя все больше и больше округляет глаза. После того как руки Джинны тяжело опустились, горничная некоторое время находилась в ступоре, и мне пришлось несколько раз ее позвать, чтобы расшевелить.

— Она сказала, что в лесу живет ведьма, — дрогнувшим голосом перевела Бекки, продолжавшая пребывать в шоковом состоянии. — Какая-то старуха, способная помочь, используя магию. Еще сказала, что найти ее можно, идя прямо по ведущей через поля дороге. На первой развилке свернуть влево, и там лесная тропка приведет к старой хижине. Миледи, — без перехода произнесла окончательно побледневшая горничная, — вы ведь туда не пойдете?

В тот же миг Джина привлекла к себе внимание нечленораздельным мычанием и вновь принялась жестикулировать.

— Говорит, что все документы, в том числе и договора, касающиеся девушек, хранятся в кабинете графа, — продолжила переводить Бекки. — Ключи есть у дворецкого и миссис Эртон.

На меня обратились два выразительных взгляда, и горничная добавила:

— Большого она сказать не может.

Из кухни я выходила, мысленно рисуя план того, как можно попасть в упомянутый кухаркой кабинет. Не сомневалась, что помимо договоров там может оказаться масса интересного, но узнать это я не могла из-за отсутствия ключа. Получить его я никак не могла, поскольку знала, что экономки обычно держат связку ключей при себе, не говоря уж о дворецком, который в этом доме являлся вторым человеком после графа.

Тем не менее, если я хотела продвинуться в поисках ответов, оказаться в кабинете было необходимо.

Придя в малую гостиную, где после обеда обычно собирались девушки, я обнаружила, что все они буквально прилипли к окну и что-то шумно обсуждают. Приблизившись, выглянула на улицу и увидела стоящего под зонтом Дженкинса в компании некоего мужчины. Лица я не разглядела, поскольку он развернулся спиной к окнам, но его фигура показалась знакомой.

— Это новый садовник, — возбужденно проговорила Кэсси, не сводя с него глаз.

— Что, о Викторе уже забыла? — усмехнулась Габи. — Решила отказаться от спора?

Находящаяся рядом Виола отошла от окна и демонстративно фыркнула:

— А ее на всех хватит. Сразу видно — простолюдинка, готовая вешаться на каждого неотесанного мужика.

В ответ на свое замечание Виола удостоилась множества возмущенных взглядов, но никак на них не отреагировала. Было видно, что и Виктор, и новый садовник вызывают у нее интерес, но высокородная леди ни за что бы в этом не призналась. Вдобавок она, как и все прочие, понимала, что по отношению к конюху никак нельзя применить определение «неотесанный».

Упоминание о Викторе навеяло воспоминание об увиденной сегодня сцене, и мне снова стало не по себе. Решимость попасть в кабинет укрепилась, и в ближайшие дни я намеревалась отыскать способ, с помощью которого это можно осуществить.

Перед сном, лежа в постели, я непрестанно об этом думала, так же как и о том, что поведала Джина. Было ясно как день, что упомянутая ею ведьма и есть та самая старуха, которая не так давно приходила к воротам поместья. Теперь я знала, как ее отыскать, но легче от этого не стало. Душу буквально раздирало на части от сознания собственного бессилия. Я не представляла, каким образом можно выйти за ограждение, оставшись незамеченной не только здешними обитателями, но еще и цвергами.

Вконец измучившись, я пришла к выводу, что необходимо сосредоточиться на чем-то одном. За все сразу не ухватиться, поэтому начать следовало с кабинета — это представлялось более легким, нежели самовольная прогулка по лесу.

Закрыв глаза, я постаралась отрешиться от навязчивых мыслей и заснуть, но сделать это оказалось непросто. Дождь, звуки которого обычно успокаивали, как колыбельная, сейчас мешал, равно как и тикающие

настенные часы. В комнате повисло тяжелое напряжение, сдавливающее голову стальными обручами. В моей жизни бывали моменты, когда я ощущала приближение чего-то неотвратимого, и сегодняшней день был насыщен ими сполна. Сейчас, лежа на кровати, не могла заснуть из-за терзающего душу ощущения чьего-то приближения. Я не слышала его, не видела, но улавливала на том уровне, о котором и в наше время боялись говорить открыто.

На поместье опустилась чернильная ночь, превратившая его в царство теней. Тьма поселилась в каждом уголке, ее шепот звучал в каждом мимолетном шорохе, она как окутанная дымкой королева поднималась по старым, заросшим паутиной лестницам, приподнимала черную мантию и, взмахнув такими же черными крыльями, взмывала под потолок.

Страх пробудился внезапно, заставив меня приподняться на кровати и перевести взгляд на то место, где стояло напольное зеркало. Лучший способ бороться со своими страхами — смотреть им в глаза, и сейчас, следуя этому принципу, я знала, что увижу.

Мне снова явился призрак. Но страх вызывал вовсе не он — нечто иное, темное клубилось в самых недрах дома, но до этого крыла пока не добралось.

— Ева... — прошептала я, неотрывно смотря на зависшего в воздухе духа.

Как и в прошлую нашу встречу, она указала прозрачной рукой на дверь и прошла сквозь нее, породив во мне нестерпимое желание идти следом. Однако нечто — то, что вызывало страх, вынудило задержаться, вцепиться пальцами в белоснежное одеяло и подумать, что этой ночью лучше никуда не ходить.

Но осознание того, что призрак покажет мне что-то важное, оказалось сильнее. Заставив себя подняться, я сжала дрожащие пальцы в кулаки и бесшумными шагами вышла из комнаты. Ева ждала меня в коридоре и, как только я с ней поравнялась, медленно полетела вперед.

Мы миновали темные лабиринты коридоров, негостеприимные галереи и, преодолевая лестничные пролеты, поднимались вверх. Наше ночное путешествие казалось сном, и я изо всех сил старалась убедить себя, что это он и есть. Слишком нереальным виделось происходящее, слишком страшным для того, чтобы принять его за реальность. Должно быть, в эти мгновения я сама походила на призрак — бледная, с распущенными черными волосами и в одной ночной сорочке. С собой у меня не было даже свечи, и единственным источником света являлась луна, проникающая сквозь прорехи между занавесками и голубоватой паутиной

опутывающая наш путь.

Ева привела меня к узкой старой лестнице, ведущей на чердак. Судя по слою пыли, ею давно никто не пользовался. Наверху повисла абсолютная темнота, и даже мое внутреннее зрение не позволяло смотреть сквозь нее. Лишь поставив ногу на первую ступень, я поняла по раздавшемуся среди ночной тишины скрипу, что лестница деревянная.

Я замерла, испугавшись, что кто-то может услышать и сюда прийти, но в особняке по-прежнему не было ни звука. Переведя дух, стала медленно подниматься по лестнице, и чем выше оказывалась, тем отчетливее различала проступающую во мраке дверь. Ева зависла перед ней и, когда я оказалась на предпоследней ступени, на миг обернулась. В ее сапфировых глазах отразилось слишком много чувств для того, чтобы я смогла их разобрать.

После беглого осмотра двери обнаружилось, что на ней висит тяжелый амбарный замок.

— И что теперь? — спросила я то ли у призрака, то ли у самой себя. — Возвращаться обратно?

Не успела опомниться, как Ева коснулась двери, после чего раздался характерный щелчок и замок открылся. Наградив меня прощальным, пробирающим до дрожи взглядом, она грустно улыбнулась и в следующую секунду плавно растворилась в воздухе.

Не мешкая и лишней раз не раздумывая, я вошла внутрь. Первое, что бросилось в глаза, едва я оказалась на чердаке, — это узкая полоса лунного света, проникающая сквозь маленькое круглое оконце. Под ней, точно серебристая пыльца, вились бесчисленные крупинки пыли и трепыхались ночные мотыльки.

Я неспешно прошла вглубь помещения, отмечая стоящую здесь старую мебель и хаотично разбросанный хлам. Оказавшись под самым окошком, остановилась, не понимая, для чего Ева меня сюда привела.

Развернувшись, я решила внимательнее все осмотреть, как вдруг мой взгляд упал на стоящую в углу раму под белым покрывалом. Ткань съехала набок, открыв небольшой фрагмент картины, написанной масляными красками. Уже догадываясь, что увижу портрет, я стремительно к нему приблизилась и одним резким движением отдернула покрывало.

Лунный луч упал на женское лицо, которое в первое мгновение показалось до того живым, что я инстинктивно отшатнулась. С портрета на меня смотрела молодая светловолосая женщина с открытым взглядом и легкой полуулыбкой. В руках она держала букет алых роз, на шее ее поблескивала нить жемчуга, а в глазах светились искорки радости.

Прекрасная работа художника была изуродована несколькими длинными порезами, явно оставленными ножом. Холст повредили, оставив отметины и на красивом лице, и на кистях рук, и на искусно написанных цветах.

На то, чтобы вспомнить, где я видела женщину с портрета, мне потребовалось некоторое время. Всматриваясь в картину словно замороженная, я сравнивала написанное лицо с тем, что видела в музыкальном зале. Вне всяких сомнений, женщина с портрета сейчас обитала там в виде странного призрака.

В правом нижнем углу картины виднелась надпись, из которой я узнала, что на портрете изображена графиня Баррингтон. Имя отсутствовало, но его и не требовалось, чтобы понять главное: кем бы ни была Ева, графиней она не являлась.

Коснувшись отметины от ножа, я задумалась над тем, кто мог совершить такое варварство, а еще важнее — почему? Задерживаться здесь не хотелось, поэтому раздумья пришлось отложить до утра.

Перед тем как уйти, я внимательно осмотрела чердак, стараясь не упустить ни одной мелочи, но ничего полезного больше не обнаружила. Надежды на то, что здесь окажутся другие подсказки, не оправдались.

Закрыв за собой дверь и защелкнув замок, я спустилась вниз. До второго этажа добралась благополучно, а вот дальше возникли сложности. Идя за Евой, дорогу я не запоминала, и сейчас с ужасом поняла, что не знаю, как найти свою комнату. Луна, будто назло, спряталась за тучами, и стало совсем темно.

Стараясь не паниковать, я призвала на помощь всю свою выдержку и сосредоточилась. Мысленно воспроизведя расположение комнат в доме, примерно сориентировалась и двинулась в выбранном направлении.

Страх полз за мной по пятам извивающейся змеей, и чем сильнее я боялась, тем больше она становилась, ускорялась, поднималась на хвост и, раздувая капюшон, шипела, обнажая ядовитые клыки. Именно змею рисовало мне воображение, когда я слышала приглушенные шорохи, которые с каждым мгновением становились все ближе. Не сразу стало ясно, что реальность, а что — плод моего страха. Одно тесно переплеталось с другим, и я слишком поздно осознала, что меня действительно настигает нечто страшное.

Укорив шаг, я обернулась на ходу и едва не упала, увидев, что преследует меня позади. Густой черный туман расползлся по полу, приближаясь с невероятной быстротой. В его клубках виднелись очертания страшных вытянутых лиц, глядящих на меня провалами глаз. Если до этого

удавалось держать себя в руках, то сейчас от былой выдержки не осталось и следа. Я сорвалась на бег и помчалась по темному лабиринту, каким для меня стали неестественно длинные коридоры. Сотни мыслей сменялись в сознании бешеным калейдоскопом, отнимая способность сохранять спокойствие.

Шипение становилось все громче и, снова обернувшись, я увидела, что туман распался на несколько частей и теперь меня преследовали сотканые из тьмы фигуры. Практически бесформенные, источающие потусторонний холод темные призраки.

Стало не важно, что кто-то может меня услышать, и я хотела закричать, позвать на помощь, но голоса не было. Он пропал от затопившего меня первобытного ужаса, и самое страшное заключалось в том, что все происходило на самом деле. Это был не сон, хотя мне отчаянно, до безумия отчаянно хотелось в это верить. Лихорадочно осматриваясь по сторонам, я совсем не понимала, где нахожусь. Возможно, то были места знакомые, но до предела напуганная, находящаяся на грани отчаяния, я этого не замечала.

Наступив на край ночной рубашки, не удержала равновесия и упала на холодный пол. Тут же снова вскочила на ноги, сделала рывок, но что-то меня не пускало. С непередаваемым, всепоглощающим ужасом я посмотрела назад и обнаружила, что меня удерживает одна из туманных фигур. Длинная черная рука вцепилась в мою одежду, а в следующий миг такие же черные когти с противным громким звуком разорвали ткань. Клочок белой рубашки растворился в темном тумане, и я, снова оказавшись на полу, принялась отползать назад. Никогда прежде мне не доводилось испытывать столь сильный, граничащий с безумием ужас.

Тени надвигались медленно, но неотвратимо, и я не знала, как себя защитить. Страх парализовал, сковал движения, мешал здраво мыслить. Казалось, я попала в один из своих ночных кошмаров. В эти полные безмолвного ужаса мгновения для меня будто приоткрылась изнанка мира, обнажив свою самую страшную сторону. Исходящий от духов холод пробирался под разорванную одежду, проникал под кожу и стремился добраться до сердца, желая выдернуть из него жизнь.

Да, именно жизнь привлекала тех существей, что были давно мертвы. Это я чувствовала интуитивно, хотя не отдавала себе в этом отчета.

Человек, заслонивший меня собой, появился до того внезапно, что я не успела ничего понять. Просто замерла прямо на полу, расширившимися глазами смотря на исходящий от него легкий свет. Тихие, на грани слышимости слова пронзали воздух, вынуждая темных призраков с

шипением пятиться. Я едва верила своим глазам, наблюдая, как они, пугаясь моего неожиданного защитника, отступают назад. В какой-то момент они снова слились в бесформенную тучную массу, в которой просматривались искаженные злобными гримасами подобия лиц. Туман медленно отползал. В какой-то момент, когда мой спаситель произнес очередную фразу, облако призраков зашипело особо громко, заплакало-завыло пробирающими до дрожи голосами, взметнулось в воздух и бросилось назад по коридору, оставляя за собой въедливый запах гари.

От сковавшего меня напряжения я не могла ни подняться, ни даже моргнуть. Глаза больно резало, губы пересохли, а внутри по-прежнему стоял холод, победить который у меня не хватало сил.

Я продолжала неподвижно сидеть до тех пор, пока чьи-то сильные руки не подхватили меня и не поставили на ноги. Каким-то отстраненным восприятием я ощутила рядом спасительное тепло и всем существом потянулась к нему. Когда меня обняли, окутывая им, точно пуховым одеялом, я не сопротивлялась. Напротив, ухватилась за надежные теплые плечи как за последнее спасение в жизни, не думая ни о чем. Было все равно, кто находится рядом и кому позволяю к себе прикасаться — кто бы то ни был, он меня спас. Этой ночью мне довелось ощутить рядом дыхание смерти, после чего все прочее казалось несущественным.

ГЛАВА 10

Проснувшись утром, я подумала было, что все произошедшее ночью мне приснилось, но порванная и перепачканная сорочка говорила об обратном.

О том, как добралась до комнаты и легла в кровать, я помнила смутно. Находясь в состоянии шока, воспринимала все отстраненно и даже не сумела рассмотреть лица спасшего меня мужчины. Да и он сам, как я теперь понимала, старался держаться в тени и всячески отводить от себя мое внимание. Доведя до комнаты, тут же ушел, а у меня в тот момент даже и мысли не возникло узнать, кем он являлся.

После пережитого чувствовала я себя отвратительно. Невыносимо болела голова, во рту стоял неприятный металлический привкус, а в теле ощущалась слабость. Взглянув на себя в зеркало, утвердилась в намерении не выходить сегодня из комнаты. Отражение показывало крайне бледное, испуганное создание с потрескавшимися губами и синевой под глазами. Проведя рукой по спутанным черным волосам, подумала, что хорошо хоть их цвет не изменился. От ужаса вполне могла и поседеть.

Бросив взгляд на часы, отметила, что они показывают полдень. Так долго спать мне не доводилось очень давно, но после пережитого продолжительный сон был неудивителен. Не желая, чтобы об этом узнала Бекки, я не стала дожидаться ее прихода и переоделась сама. Порванную рубашку сунула вглубь шкафа, сама умылась и причесалась. Когда появилась горничная, попросила ее приготовить ванну, в которой потом с удовольствием провела целый час.

Лежа в горячей воде и наслаждаясь запахом фиалкового мыла, мысленно снова и снова возвращалась к событиям минувшей ночи. Собственная беспомощность и ужас перед темными призраками невероятно злили, но я и сейчас продолжала бояться. И не хотела признаваться даже себе в том, что не желаю выходить из комнаты не только из-за внешнего вида. Да, мне по-прежнему было страшно. Пусть это отвратительное чувство и притупилось, но оно не исчезло, и я понимала, что избавлюсь от него не скоро.

День, проведенный в стенах комнаты, позволил мне спокойно все обдумать. Сперва я мысленно возвратилась к портрету, увиденному на чердаке. На то, чтобы мне его показать, Ева потратила много сил, и я узнала, что графиней она не является. К тому же я предположила, она

привела меня на чердак не только за этим. Изрезанный холст наводил на очередные размышления. Кто мог это сделать? Разумеется, в первую очередь сам граф еще до смерти жены. Скажем, они поссорились, и лорд Баррингтон в порыве ярости исполосовал ее портрет, после чего велел убрать его с глаз долой. Такое предположение имело бы место быть, если бы не несколько «но». Во-первых, для такого поступка банальной ссоры недостаточно, а во-вторых, в доме больше нет ни одного портрета — ни графини, ни самого графа. Впрочем, отсутствие портретов лорда Баррингтона легко объяснялось его притворством.

Следующей пришедшей на ум версией являлась та, что портрет изрезала Оливия. Судя по возрасту Банни, у горничной была связь с графом еще при жизни его супруги. Этот вариант мне представлялся более убедительным, вот только в таком случае было непонятно, как граф допустил подобное. Да и сама Оливия казалась крайне покладистой, запуганной и не способной на такой шаг. Если порезы на портрете были ее рук делом, то в таком случае горничная являлась настоящим волком в овечьей шкуре.

Сколько бы я ни пыталась найти ответы, каждый раз заходила в тупик и все больше укреплялась в намерении попасть в кабинет лорда. После минувшей встречи с темными призраками это не казалось уже таким страшным делом. Но действовать в любом случае требовалось осторожно — попадаться на глаза псевдоконюху или кому бы то ни было еще совершенно не хотелось.

Из комнаты я вышла ближе к вечеру, когда тучи уже разошлись, очистив окрашенное закатом небо. В саду было свежо и прохладно, пахло розами и мокрой землей. В свете вечера внутренний двор выглядел сошедшим с полотна талантливого художника. Окружающая красота, вызывающая множество неясных ассоциаций и дышащая ускользающим прошлым, навевала возвышенную грусть и ассоциировалась с музыкой лучшего композитора минувшего столетия. Когда до меня, гуляющей по узким дорожкам с потрескавшимися плитами, донеслись звуки знакомого ноктюрна, я ничуть не удивилась. Напротив, в некотором смысле испытала нечто сродни облегчению, обнаружив возвращение призрачной графини. Судя по тому, что вчера Ева вскрыла замок на двери чердака, она истратила слишком много сил и теперь могла появиться лишь через несколько месяцев.

Запрокинув голову, я посмотрела на розовое небо, проглядывающее сквозь прорывы лиловых облаков. Несколько месяцев... что будет спустя это время? С поместьем, с девушками, со мной?

Носить все в себе оказалось тяжело, и едва ли не впервые в жизни мне по-настоящему захотелось иметь союзника. Того, на кого можно положиться в трудную минуту и кому можно довериться. С детства я привыкла находиться в одиночестве и никогда этим не тяготилась. Родителей моих гораздо больше занимали светские рауты, куда меня брали далеко не всегда. А если и брали, то там, в роскошных залах, окруженная нарядной толпой, я чувствовала себя еще более одинокой. Смотрела на фальшивые улыбки на красивых лицах, на блеск дорогих украшений, призванных пустить пыль в глаза таким же фальшивым друзьям, и окончательно замыкалась в себе.

Мама любила купаться в роскоши, без оглядки тратилась на лучшие туалеты и слыла одной из первых красавиц столицы. Она хотела, чтобы я была такой же, и злилась, когда ее ожидания не оправдывались.

Я никогда не винила их с отцом — ни тогда, ни теперь. Не раз меня посещали мысли, что со мной что-то не так, и лишь со временем я поняла, в чем дело. Просто, несмотря на родственные узы, мы были слишком разными и так же по-разному воспринимали окружающий мир. Тем не менее я любила их. Любила так, как любой ребенок любит своих родителей. И тяжело переживала их смерть — тоже по-своему, как умела и как чувствовала. В абсолютном одиночестве и никого к себе не подпуская.

Нынешний вечер наталкивал на воспоминания и навевал некую грусть. Находясь среди дышащего прошлым, полного призраков места, я и сама невольно окуналась в давно ушедшее, заново его переживая.

Решив зайти к Делоре, я нарезала для нее букет роз, воспользовавшись лежащими поблизости садовыми ножницами. Задумавшись, уколола шипом палец и, инстинктивно зашипев свозь зубы, смахнула выступившую алую каплю.

— Леди Кендол. — Голос Дженкинса застиг меня врасплох.

Дворецкий относился к числу тех, кого сегодня мне бы хотелось видеть меньше всего. Выглядел он как обычно невозмутимо, а на его застывшем как маска лице не отражалось никаких эмоций. При виде него я отложила ножницы, подняла срезанные розы и сделала вид, что собираюсь уходить. Возможно, такое поведение было и не совсем приличным, но меня это не заботило. К тому же, учитывая разницу положений, могла себе такое позволить.

— Куда-то спешите? — Его голос прозвучал ровно, а взгляд упал на удерживаемый мною букет. — Прекрасные творения, как и вы.

Услышать комплимент я никак не ожидала, но удивления не выказала и ответила не менее ровно:

— Благодарю.

Дженкинс тронул пышные соцветия на раскинувшемся рядом кусте и заметил:

— Все мы подобны розам. Рождаемся из крошечного семени, набираемся сил, превращаемся в закрытые бутоны, а в молодости расцветаем. Однако время — главный враг красоты — течет и заставляет ронять лепестки, чтобы затем превратить их в тлен. Время — убийца прекрасного. Время — безжалостная сила. Но даже его можно подчинить. Знаете ли вы это, леди Кендол?

Слова дворецкого показались мне не столько странными, сколько неожиданными, и тем не менее я спокойно ответила:

— Думаю, время, как и любая сила, подчиняется законам мироздания, и не нам в это вмешиваться.

— Вы слишком мало прожили. Превратившись в древнюю старуху, будете готовы пойти на все, чтобы вернуть былую силу и красоту.

Только я хотела возразить, что оно того не стоит, как за моей спиной раздались приближающиеся шаги. Дженкинс вмиг будто утратил интерес к разговору и переключился на поравнявшегося с нами мужчину:

— Вам платят не за то, чтобы вы слонялись без дела. Займитесь розами на заднем дворе и в оранжерее.

Столкнувшись с взглядом нового садовника, я на несколько мгновений оцепенела. Это был тот самый человек, который наблюдал за нашими потугами с увязшей в грязи каретой и с которым мы не так давно встретились в лесу. Все те же черты лица, золотистые длинноватые волосы. Изменилась лишь одежда: теперь он был облачен в рабочие брюки и простую рубашку.

Сохранить видимость спокойствия мне удалось лишь чудом, настолько сильно я была поражена. Казалось бы, после всего, что я узнала, такая ситуация не должна была вызвать особого удивления, но я все же его испытала вместе с всколыхнувшимся в глубине души интересом. Этот мужчина был такой же садовник, как Виктор — конюх, из чего возникал закономерный вопрос: что он здесь делает? И знает ли дворецкий или даже граф о том, кого взяли на службу?

— Леди Кендол? — позвал Дженкинс, и я поняла, что задержала взгляд на садовнике дольше положенного.

Вместе с тем отметила, что мой интерес взаимен, и в глазах нового работника поместья сквозит не меньшее внимание. Он смотрел изучающе, слегка прищурившись — взглядом, под которым хотелось сжаться и признаться во всех прегрешениях. Но я лишь удостоила садовника

короткого прощального кивка и такой же адресовала Дженкинсу со словами о том, что ухожу.

Испытывая на себе два провожающих взгляда, вошла в дом. Ужин я пропустила, но от бесконечных волнений голода совсем не чувствовала. Прежде чем отправиться к себе, я, как и собиралась, зашла к Делоре. Накануне экономка сообщила, что дубликат ключа от ее комнаты могу оставить себе, им сейчас и воспользовалась.

В состоянии девушки не было никаких видимых изменений, разве что уголки глаз стали еще более воспаленными. Я поставила розы в свободную вазу и, присев рядом с Делорой, привычно взяла ее за руку. Мне никогда не была свойственна излишняя чувствительность, а чтобы привязаться к человеку, требовался не один год. Тем удивительнее была та дружеская симпатия, какую я испытывала к Делоре. Было действительно мучительно больно и страшно видеть ее такой. Чувства по отношению к ней были сродни сестринским, в чем, должно быть, немаловажную роль играл магический дар. Встретив человека, похожего на меня, я впервые в жизни почувствовала в нем нечто знакомое и родное.

— Ты обязательно поправишься, — пообещала ей, стараясь верить в это и сама. — Не знаю как, но я ускользну из поместья и найду ту старуху. Она сумеет тебе помочь.

Пробыв в комнате еще некоторое время, я поднялась и, поправив розы, собралась уходить, как вдруг мой взгляд привлек лежащий на тумбочке блокнот, меж страниц которого находились знакомые деревянные палочки. Взяв его в руки, я открыла заложенные страницы и обнаружила, что они пусты. Хотела положить его на место, но что-то заставило меня помедлить.

Тикали часы, отпуская в бесконечность секунды, за окном снова стучал дождь, а я стояла, неотрывно всматриваясь в желтоватые страницы. Как и в музыкальном зале, зрение постепенно перестраивалось, и вскоре я смогла различить начертанную на них схему. Сперва не поняла, что на ней изображено, но вскоре догадалась, что это схематичное изображение жилого коридора. Стрелка указывала на одно из окон, расположенных в самом его конце.

Недолго думая я вырвала лист, смяла его в руке и, бросив на Делору быстрый взгляд, вышла из комнаты. Схему скрывала магия, и я не сомневалась, что это изображение было сделано специально для меня. Делора знала о моей способности видеть незримое, значит, хотела этим что-то сказать.

Следуя указанному маршруту, я дошла до конца коридора и остановилась перед тем самым окном. Жирная стрелка на схеме указывала

куда-то вниз, поэтому я наклонилась и внимательно осмотрела пол. Откинула угол ковровой дорожки, после чего осмотрела подоконник, под которым обнаружилось небольшое углубление. Сунув туда руку, я коснулась чего-то продолговатого и явно металлического. Еще не взглянув на свою находку, уже знала, что это ключ. Не спеша радоваться, я еще раз обшарила так называемый тайник и извлекла оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Развернув его слегка подрагивающими от нетерпения руками, прочитала одно-единственное слово, подчеркнутое и обведенное несколько раз: «Кабинет».

Спустя несколько секунд я обнаружила маленькую приписку внизу, из которой не разобрала ни слова. Единственное, что удалось понять, — она была написана на древнем, «мертвом» языке, который теперь изучали лишь как часть истории. Зная о том, что также его использовали маги и колдуны, я подумала, что непонятные слова могли являться чем-то вроде заклинания. Для чего именно Делора его написала, я не знала, но явно не просто так.

Вернувшись к себе, первым делом сожгла оба листка — и найденный, и вырванный из блокнота. Перед этим выучила написанные слова, хотя так и не разобралась, что они обозначают.

Не в силах успокоиться, я стала ходить по комнате, сжав при этом в руке ключ. Решиться выйти куда-то этой ночью было невероятно трудно, практически невыносимо. Днем мне казалось, что я больше никогда не решусь на такой шаг, но сейчас это было необходимо. Понимала, что если не попаду в кабинет сегодня же, то просто сойду с ума от ужаса, неизвестности и чужих тайн.

— Верить никому нельзя, — проговорила для самой себя, в этот момент думая об экономке, сообщившей о болезни Делоры.

Теперь я окончательно уверилась в мысли, что миссис Эртон либо врала, либо сама не знала о том, что происходит. Делора явно узнала нечто важное, каким-то образом сумела достать ключ и, предчувствуя неладное, сумела спрятать его, чтобы передать мне. Затем от нее попытались избавиться, но убийство живущих в поместье девушек явно не входило в планы неведомых мне лиц, поэтому они действовали, используя черную магию.

Как только я пришла к такому умозаключению, мне стало совсем плохо. С каждой минутой пребывания здесь мои личные страхи-змеи увеличивались, обвивали, сжимали тело и душу, мешая дышать. Я ненавидела страх и всю жизнь с ним боролась, но сейчас подавить не могла. Наверное, бояться в таких обстоятельствах — естественно, но и одолеть такое состояние крайне необходимо.

Глубоко вдохнув, я задержала дыхание и постаралась отрешиться от эмоций. Представила, будто настоящая я прячусь в самых глубинах сознания — там, где меня невозможно достать. Выдохнула, сконцентрировалась и стала дожидаться наступления ночи.

Когда пришла Бекки, я позволила ей подготовить постель и помочь мне переодеться, чтобы не вызывать лишних подозрений. Следуя правилу «никому не доверять», я не хотела рассказывать о предстоящей вылазке даже своей горничной.

К моей тихой радости, за окном шел лишь тихий дождь и никакой грозы не случилось. Гром бы мешал слышать, что происходит поблизости, и шансы оказаться застигнутой в кабинете в таком случае увеличивались.

Когда время перевалило за полночь, я накинула шаль и, взяв ключ, бесшумно выскользнула в коридор. Вначале собиралась переодеться в платье, но подумала, что в случае встречи с кем-либо лучше оказаться в ночной сорочке — так проще оправдаться, сказав, что не спалось, вышла пройтись и заблудилась. На сей раз я захватила с собой и свечу, но зажигать ее не спешила.

Весь путь до кабинета преодолела впотьмах, и огонь зажгла, лишь оказавшись перед нужной дверью. Вставляя ключ в замочную скважину, отстраненно подумала о том, что ночные прогулки входят у меня в привычку.

Руки дрожали, и попасть ключом в отверстие получилось не сразу. Мысленно я ругала себя за трусость и изо всех сил старалась не обращать внимания на раздающиеся в доме шорохи. Каждый стук ветки о стекло, каждая ударяющаяся о него капля и свист ветра в каминных трубах заставляли меня вздрагивать.

Как только я перешагнула порог кабинета и заперла изнутри дверь, стало немного легче. Это помещение не выглядело таким запущенным, как многие из прочих комнат особняка. Книги на полках стояли в идеальном порядке, на полу и мебели не было пыли, а у вычищенного камина стояли приготовленные на растопку дрова. Поставив свечу на стол, я выделила себе несколько минут на то, чтобы осмотреться, после чего принялась искать документы. Чувствовала себя при этом гадко — вором, пробравшимся в чужой дом и рыскающим в не принадлежащих ему вещах. Спасало лишь осознание того, что мои теперешние действия являются крайней необходимостью. О том, что будет, если сюда зайдет Виктор или кто-то из прислуги, я старалась не думать.

К своему глубочайшему удивлению, в кабинете особой магии не ощущалось — только та, что пропитала все поместье. Но защитной,

которая была наложена на комнату первого этажа и ограждала от взлома, здесь не было. Идя сюда, я не сомневалась, что отыскать необходимые бумаги будет непросто, вряд ли граф хранит их в легкодоступном месте. Мои ожидания оправдались: все ящички письменного стола были заперты, и имеющийся у меня ключ к ним не подходил.

Не спеша сдаваться, я обыскала книжные полки, зная, что иногда ценные документы прячут меж страниц фолиантов. Личная библиотека лорда Баррингтона была небольшой, но выдавала его хороший вкус. Впрочем, в настоящий момент литературные предпочтения графа меня ничуть не волновали, и, не обнаружив на полках искомого, я испытала разочарование.

Опускать руки и уходить сейчас было бы глупо, поэтому мне пришлось прибегнуть к крайней мере. Использовать полученную из записки информацию было невероятно страшно, я ведь не знала, что именно скрывала написанная на листке фраза, и оставалось надеяться на верность своего предположения. Так же, как и я, Делора должна была понимать, что просто так вскрыть ящички стола не сможет и, видимо, решила прибегнуть к магии.

Переставив свечу на пол, я присела рядом и осмотрела резьбу замков, при этом воспроизводя в памяти выученные слова.

— Триет фо тасс, — прошептала с замиранием сердца, но ничего не произошло.

Тем не менее возникло твердое ощущение, что я нахожусь на верном пути, поэтому повторила попытку. Звуки странной фразы увязали в сгустившемся, пропитанном мраком воздухе, так и не возымев никакого действия. Потребовалось не менее пяти неудачных попыток, чтобы наконец что-то получилось. Замки не открылись, но я поняла, как нужно действовать. Сосредоточившись, вперила в них немигающий взгляд и позволила каждой крупнице наполняющей меня силы проникнуть в произносимые слова. Принцип был известный — поверить, пожелать и принять это желание как самое главное на свете.

— Триет фо тасс, — повторила уже громче, после чего раздались пять последовательных щелчков.

Сперва я не поверила в то, что все получилось, что я сумела правильно применить магию, но долго радоваться себе не позволила.

Поочередно открывая ящик за ящиком, я перерыла находящиеся в них бумаги. В первых двух хранились какие-то векселя и счета, не имеющие отношения ни ко мне, ни к остальным девушкам. Несмотря на это, я просмотрела их все, не желая упустить из виду ни одной мелочи. В

остальных обнаружили бумаги куда более интересные, а именно — искомые договора. Увидев суммы, уплаченные лордом Баррингтоном семьям девушек, я испытала шок. В условиях были указаны те моменты, о которых мне уже было известно, в том числе со слов миссис Эртон. Не буквально, но, по сути, все мы действительно находились в полной власти графа. Нарушение любого из установленных им правил влекло за собой немислимо огромную неустойку, оплатить которую не сумел бы даже мой опекун, не говоря о простолюдинах, каковыми являлись родственники большинства девушек.

Обнаружив в последнем ящике еще двенадцать договоров, я сперва подумала, что это копии. И каково же было мое удивление, когда оказалось, что эти документы датированы десятью годами назад, и девушки в них упомянуты совсем другие. Судя по всему, ранее в этом поместье уже собирали девушек, но не восемь, как сейчас, а двенадцать.

— А с чего я взяла, что нас восемь? — вслух спросила саму себя. — Ведь в любой момент могут привезти и других...

Изучая документы, я задержалась на том, где значилось имя «Ева». Списать это на совпадение было нельзя, и без дополнительных доказательств стало ясно, что она та самая погибшая девушка, являющаяся мне в виде призрака. Вероятно, она же была и дочерью приходящей к воротам старухи, поводов навестить которую у меня теперь прибавилось.

Помимо прочего в договорах приводилась подробная информация о каждой девушке. Мое внимание привлекли даты рождения, в которых на первый взгляд не было ничего необычного, но, проанализировав их, я выявила интересную закономерность. Что десять лет назад, что теперь, все девушки были рождены в разные месяцы. Кроме того, число дня соответствовало номеру месяца: у той же Кэсси пятый день пятого месяца, у меня — шестой шестого, у Виолы — третьего марта...

Погрузившись в изучение бумаг, я забыла где нахожусь и перестала замечать заполонившие особняк шорохи. А меж тем неподалеку снова расплзлось тихое шипение потусторонних существ. Но теперь оно звучало гораздо менее угрожающе, нежели вчера, — так, словно темные духи присмирели и, чего-то боясь, расплзли по углам.

Просмотрев последний документ, я положила его на место и закрыла ящики — на сей раз без помощи магии. Еще раз осмотрев стол и книжный стеллаж и убедившись, что все осталось в том же виде, что и до моего вторжения, собралась уходить.

Я потушила свечу и, приблизившись к двери, уже коснулась ручки, как вдруг в коридоре послышались приближающиеся шаги. Мне выпала

прекрасная возможность прочувствовать на себе смысл фразы «сердце ушло в пятки». Окинув кабинет лихорадочным взглядом, я задержала его на тяжелых оконных занавесках и тут же бросилась к ним. Как только скрылась за вишневой бархатистой тканью, дверь бесшумно отворилась и в комнату кто-то вошел.

ГЛАВА 11

Я стояла, затаив дыхание, и отчаянно молила небеса, чтобы мое присутствие осталось незамеченным. Когда сюда шла, предполагала, что может случиться нечто подобное, но все равно оказалась не готова. При таких обстоятельствах оправдание в виде бессонницы и блуждания по дому становилось бесполезным и нелепым.

Судя по звуку шагов, вошедший остановился рядом с книжным шкафом. До боли впившись в ладони ногтями, я все же решила пошевелиться и посмотреть в узкую щелку между занавесками.

Среди темной, окутанной мраком комнаты дворецкий казался неестественно бледным, инородным пятном. Он стоял ко мне в профиль, а его сухая тонкая рука касалась гипсовой статуэтки, расположенной среди книг. Когда старческие пальцы надавили на гипсовую голову, раздался негромкий скрежет, за которым последовал короткий хлопок. Часть стоящих на полке фолиантов отъехала в сторону, явив скрытый за ними тайник. Дженкинс неспешно что-то в него положил, после чего закрыл дверцу, снова надавил на статуэтку, и книги вернулись на свои места.

В тот же миг я отвела взгляд и пожелала слиться с находящимся за спиной окном. Охвативший меня страх был не меньшим, чем минувшей ночью, когда я пыталась сбежать от следующих по пятам темных призраков. Казалось, увидь меня сейчас дворецкий, и в лучшем случае я повторю участь Делоры. В худшем — Евы.

Оттого что теперь не видела дворецкого, стало еще страшнее. Змеи довольно раздувались, смеялись человеческими голосами и были готовы поглотить меня целиком. Когда звук шагов Дженкинса приблизился к выходу и послышался хлопок закрывшейся двери, от затопившего меня облегчения я едва не осела на пол. Перед глазами все плыло, и еще некоторое время я простояла в своем укрытии, опасаясь возвращения дворецкого.

Но время шло, и все было тихо, поэтому я несмело и очень тихо вышла из-за занавески и так же тихо направилась к выходу. Перед дверью снова остановилась, привычно глубоко вдохнула и, кляня себя на чем свет стоит, вернулась к стеллажу. Положила влажную ладонь на холодный гипс и повторила недавнее действие дворецкого. Встроенный механизм отозвался нехотя, сопровождая движение сварливым скрипом, показавшимся протяжней, чем в прошлый раз. Я досадовала, что не заметила этого

тайника во время обыска книжных полок, но сейчас не время было корить себя за невнимательность.

Через несколько мгновений в моих руках оказалась увесистая книга с потертым черным переплетом. От нее пахло старой бумагой и странной неприятной горечью, вызывая ощущение чего-то темного. Едва коснувшись фолианта, захотелось тут же вернуть его обратно, немедленно оказаться в своей комнате и хорошенько вымыть руки. Но, подавив этот порыв, я открыла первую страницу и прочла сжатый рукописный текст, гласивший, что это не книга, а дневник, посвященный магии.

Во мне боролись два противоречивых желания, одно из которых велело немедленно отсюда уходить, а другое подталкивало остаться. В итоге победу одержало второе, и я решила рискнуть. Не отходя от стеллажа, опустилась в стоящее рядом кресло, вновь зажгла свечу и стала просматривать содержимое дневника. Следующая за названием надпись гласила, что он принадлежит лорду Баррингтону. Первые же страницы погрузили меня в мир сложных формул и заклинаний, из которых я мало что могла разобрать. Представшее моим глазам было большим, чем колдовство, оно составляло суть запретных знаний, из-за которых несколько веков назад и проводилась «Чистка». Даже просто читать это было страшно, а уж тем более было страшно представить, как этим можно воспользоваться.

Я не знала, который был час, но предполагала, что до утра осталось немного. Время пролетало незаметно, и в какой-то момент я поймала себя на том, что непрестанно пытаюсь подавлять зевки. Сказывались стресс, усталость и напряжение, и мне требовался отдых, но я боялась, что второй раз прийти сюда уже не смогу. Поэтому старалась концентрироваться и выискивать глазами лишь ту информацию, которая могла оказаться полезной.

Однако я не могла не признаться себе в том, что все написанное в дневнике меня привлекает ровно столько же, сколько пугает. В записях лорда говорилось об огромной силе, какую имеют магически одаренные люди, и о том, как ее использовать. Граф считал, что маги стоят выше простых людей и не только могут, но и обязаны применять свои особенности как к собственному благу, так и на пользу других людей. С некоторыми его идеями я могла бы согласиться, если бы они столь тесно не переплетались с черной магией. Сам лорд Баррингтон не делил магию на светлую и темную, говоря, что суть ее одна и та же. По его мнению, даже черная магия могла считаться оправданной, если была направлена на благие цели.

Чувствуя, как глаза против воли начинают слипаться, я пролистывала дневник, просматривая содержимое лишь мельком. Бесконечные записи, сделанные аккуратным четким почерком, постепенно сливались между собой, и смысл написанного ускользал от меня окончательно. Однако перевернув очередную страницу, я тут же вернулась назад, зацепившись взглядом за нарисованную на ней окружность.

Прямо по центру листа изображался идеально ровный круг, разделенный на двенадцать одинаковых секторов. «Круг двенадцати душ», — прочитала я подпись, ощутив, как к горлу подкатывает тошнота.

Мне сделалось дурно, дневник выпал из ослабевших рук, я обхватила шею, буквально задыхаясь от нахлынувших эмоций. Отрицательно качая головой, отказывалась верить в то, что увидела. Это не могло быть правдой, просто не могло! Преследующий с детства кошмар не мог иметь отношения к тому, что происходило в поместье Сторм-Делл!

— Это неправда, — твердила я, раскачиваясь из стороны в сторону. — Неправда...

Слишком яркими, слишком душераздирающими оказались нахлынувшие чувства. Они, подобно наводнению, затопили всю душу, оставив меня хрупкой и беззащитной перед своей стихийной мощью. Встретившись лицом к лицу со своим главным страхом, я оказалась к этому не готова. Точно маленькая девочка, я отпрянула назад с желанием спрятаться под одеяло, надеясь, что там меня не найдут.

На то чтобы собраться и немного успокоиться, мне потребовалось некоторое время. Я подняла дневник все еще дрожащими руками и заставила себя дочитать написанное до конца. Под изображением кратко излагалась суть ритуала, именуемого «Кругом двенадцати душ», главной задачей которого являлся поворот времени вспять. Цели могли быть разными — начиная с возвращения себе молодости и заканчивая воскрешением мертвого. Но магия всегда требует плату, а черная тем более, и в этом ритуале платой являлись души двенадцати девушек, перешагнувших рубеж совершеннолетия. Мои недавние выводы оказались верны, и одним из условий «Круга» были дни рождения, число которых соответствовало номеру месяца.

Следующие страницы, посвященные ритуалу, оказались вырваны, но даже будь они на месте, читать дальше я бы не смогла. На это не осталось ни физических, ни моральных сил и, кое-как поднявшись, я вернула дневник на место, закрыла тайник и на негнущихся ногах покинула кабинет.

Возвратившись в свою комнату, не разуваясь, легла на кровать,

притянула колени к подбородку и устремила взгляд на окно, за которым занимался рассвет. Думала, что сразу же засну, но напряженная, натянутая точно струна, не могла даже этого. Просто лежала, смотря в одну точку и не думая ни о чем. Разум отказывался служить и, в отличие от тела, впал в легкую дрему. Мыслей не было, и даже чувства, еще недавно бьющие ключом, неожиданно затихли.

Сон все-таки пришел — забирающий тревоги, спокойный и внезапный. Наверное, приснилась мне очередной кошмар, психика бы просто не выдержала, но, к счастью, сновидения меня не коснулись.

Спала я недолго, всего пару часов, но, как ни странно, этого оказалось достаточно. Не став дожидаться Бекки, я переоделась, выбрав платье без корсета, и сама подколола волосы, оставив их практически распущенными. Судя по кувшину горячей воды, горничная ко мне уже заходила, и я этим воспользовалась.

Умывшись, спустилась вниз, но вместо того чтобы идти в столовую, отправилась на задний двор. Этим утром я хотела побыть в привычном одиночестве и найти способ выбраться за пределы поместья. Но не для того, чтобы сбежать, а чтобы отыскать живущую в лесу старуху. Надеюсь, что она научит, как помочь Делоре, и расскажет о своей погибшей дочери. От ее ответов зависели мои дальнейшие действия: вернусь я в поместье или же попытаюсь добраться до города и обратиться к властям. Будь я простолюдинкой, вряд ли бы кто-то меня выслушал, но положение дочери погибшего графа и племянницы ныне здравствующего давало некоторые привилегии. Впрочем, думать об этом пока было рано, для начала требовалось миновать цвергов и попасть в лес.

Чувства рвались наружу подобно цепным псам, но я намеренно их заглушала. Знала, что если дам им волю, то остановиться не смогу, а слезы и истерика — не лучшие помощники.

Еще не дойдя до пруда, я заметила плавающих по нему лебедей. Их было три — два белых и один черный, чуть более крупный. Птицы плавно скользили по воде, изгибали изящные длинные шеи и изредка смотрели в сторону мостика. А на нем... На нем стояла призрачная графиня, бросала им прозрачные хлебные крошки и радостно улыбалась — так же, как на портрете.

Устав удивляться, я села на накренившуюся почерневшую деревянную скамью и принялась наблюдать за птицами. Вспомнилось, как в день приезда я подумала о прилетающих на пруд лебедях. Выходило, что интуиция и внутреннее зрение в очередной раз меня не обманули.

Прилетевший прохладный ветер принес лепестки роз и уронил их мне

на колени. Еще одно свидетельство связи ночных кошмаров с этим местом, которое я почему-то не заметила раньше. Следовало догадаться уже давно — мой приезд в Сторм-Делл был предопределен. Была ли на то воля высших сил, судьбы или Провидения, я не знала, но сумела это принять.

Задумчиво вертя в пальцах лепесток, вспомнила вчерашние слова Дженкинса о силе времени. Он явно подразумевал под этим ритуал. В настоящий момент у меня сложилось определенное видение всей ситуации. Должно быть, после смерти жены граф решил ее вернуть и спустя два года провел ритуал. Но что-то пошло не так, и «Круг двенадцати душ» не принес ожидаемого результата. Теперь лорд Баррингтон вознамерился его повторить, для чего вновь собрал в стенах своего дома подходящих девушек. Но было по-прежнему неясно, для чего он прикидывается конюхом и как при своей любви к жене позволил кому-то изуродовать ее портрет.

Стоящая на мосту призрачная леди продолжала улыбаться и бросать лебедям крошки, я — сидеть на скамье, когда к пруду подошел новый садовник. Не спрашивая разрешения и ничего не говоря, он присел рядом, вынудив меня чуть отодвинуться.

— Любите прогуливаться по ночам, леди Кендол?

Наверное, еще несколько дней назад такой вопрос меня насторожил бы, но сейчас я осталась невозмутимой.

— Не совсем корректный вопрос, не находите? Мы даже не знакомы.

— Киран, — тут же представился садовник. — Теперь могу его повторить?

Мысленно я пришла к выводу, что именно этот человек защитил меня от темных призраков. Такая версия приходила мне в голову и раньше, а его теперешние слова лишь ее подтвердили.

— Только если скажете, кто вы такой, — ответила, посмотрев ему в лицо. — Но, как бы то ни было, спасибо, что тогда вмешались. Если бы не ваше своевременное появление...

— Мы бы сейчас не разговаривали, — закончил за меня Киран. — А вопрос о том, кем я являюсь, позвольте оставить без ответа. Для вашего же спокойствия.

Несколько недель, проведенных в Сторм-Делле, слегка подорвали мое самообладание, и сейчас я не смогла сдержаться:

— Вы всерьез полагаете, что в этом треклятом месте можно сохранять спокойствие?

Как и в нашу прошлую встречу, я снова буквально физически ощущала пристальный, изучающий взгляд. От нового садовника исходили опасность

и сила, природу которой невозможно было понять. То явно не являлось знакомой мне магией, но, ведь чтобы отогнать духов, он применил именно ее. Или все же нет?

Более я не хотела находиться у пруда, не хотела разговаривать с этим человеком, сеющим в душе очередные сомнения, но уйти отчего-то не могла. Чувствовала себя так, словно действительно оказалась придавленной к месту его пронизывающим взглядом, который снова направлялся в самую душу.

Киран чуть подался вперед и, не сводя с меня глаз, задумчиво произнес:

— А вы еще интересней, чем казались вначале...

— Как вы отогнали темных призраков? — Я не могла этого не спросить.

— Знаете, кем являются те сущности? — Садовник выразительно приподнял бровь, но в его голосе не прозвучало и тени удивления. Словно он с самого начала знал о моих особенностях и сейчас сумел меня подловить.

С ответом я нашлась быстро:

— Ранее мне доводилось о них слышать, поэтому догадаться не составило труда.

— Если прислушаетесь к моим словам и не станете разгуливать по ночам, ответа вам не понадобится.

Посчитав наш разговор оконченным, я поднялась со скамьи и направилась к дому. Оборачиваться и проверять, идет ли за мной Киран, не стала, но отчетливо ощущала на себе его обжигающий взгляд. Сумасшедший водоворот, в который я оказалась втянута, и так пошатнул душевное равновесие, а новый садовник только добавил переживаний. Он не вызывал доверия, а находиться рядом с ним было все равно что стоять рядом с горящим костром — вблизи можно согреться, но стоит нарушить опасную черту, как тут же сгоришь. Киран был подобен пламени, ярко горящему в этом царстве теней и оттого невольно к себе притягивающему. Он не был похож ни на кого из тех, кого мне доводилось знать прежде. Вынужденно я признала, что ошиблась, когда в нашу первую встречу приняла его за изнеженного аристократа. Киран прибыл в поместье не случайно и явно что-то знал, но пытаться наладить с ним отношения и вызвать на откровенность я опасалась. К тому же была уверена, что, как и сегодня, отвечать на мои вопросы он не станет.

В особняк я вошла через арку в музыкальном зале. Почему-то захотелось оказаться среди этих стен, в обители призрачной музыки, что

своей возвышенной меланхолией иногда казалась звуками неба. Сейчас в зале стояла тишина, которую вскоре нарушила я сама, сев за рояль и тронув клавиши. На сей раз я играла не ноктюрн, а сонату цветов, написанную все тем же композитором. Легкая, незатейливая и оптимистичная, она была сейчас необходима мне, как глоток свежего воздуха. Растворяясь в ее звучании и рождаемой ею гармонии, я забывала о действительности и на короткие мгновения становилась счастливой.

Всегда считала, что искусство в любом своем проявлении — высшая форма самовыражения. Прикасаясь к произведениям, созданным великими людьми, ты словно становишься частью чего-то большого и получаешь возможность окунуться в возвышенное.

Музыка прогоняла терзающий душу страх, вытравляла внесенный им яд и забирала тревоги. Я играла, прикрыв глаза, а когда на секунду их открыла — увидела, что окружение стремительно меняется. Прямо на глазах, словно сшиваемые невидимыми нитями, стягиваются трещины на мраморном полу, исчезает грязь со стен, растворяется опутавшая углы паутина... Ветер несет сладкие запахи цветов, под пальцами исчезают царапины на старых клавишах, а рояль звучит еще прекрасней.

Произведение дошло до кульминации, и вокруг исчезли последние следы запустения. Мне явился образ зала в том виде, в каком он существовал больше десяти лет назад. Послышался радостный смех, и я словно взлетела над своим телом, оторвалась от пола, чтобы увидеть все с высоты. За роялем сидела уже не я, а молодая красивая графиня, рядом с которой стоял любящий супруг. Лица его мне видно не было, но я знала, что он улыбается.

Наваждение развеяли внезапно прозвучавшие аплодисменты. Я сбилась, взяв несколько фальшивых нот, и резко убрала руки с клавиш. У входа в зал, прислонившись спиной к мраморной колонне, стоял Виктор.

— Bravo, леди Кеңдол, — произнес он, когда отзвучали последние хлопки. — Я впечатлен вашим талантом.

Возражать, что мои музыкальные способности относятся к категории заурядных, не стала. Его вторжение оказалось неожиданным, и я несколько растерялась. После того как увидела Виктора в графских покоях и поняла, кем он является на самом деле, совершенно не знала, как себя с ним вести.

Оторвавшись от колонны, конюх неспешно приблизился и замер рядом с роялем, впери в меня внимательный взгляд. Сегодня я слишком часто чувствовала себя не то произведением искусства, не то музейным экспонатом, какой изучают с особым вниманием. Невольно подумалось, что между Виктором и Кираном есть что-то общее, хотя внешне они

разительно друг от друга отличались.

Стараясь ничем себя не выдать и держаться как обычно, я прохладно проронила:

— Вы что-то хотели?

— Всего лишь услышал звуки чудесной музыки и решил посмотреть, кто играет. — В голосе конюха прозвучали несколько странные, неясные мне интонации, от которых по коже пробежал мороз. — Я часто сюда прихожу. Здесь живут воспоминания, подпитываемые сильной магией, завязанной на глубокой любви.

Никогда я так много и часто не удивлялась, как в Сторм-Делле.

— И вы так спокойно говорите мне о присутствующей в поместье магии?

— Бросьте. — Усмешка Виктора не коснулась его глаз. — Вы прекрасно ее чувствуете и понимаете больше, чем следовало бы.

В его словах не было никакого намека или скрытого смысла, он говорил напрямую, и я отчетливо понимала, что этот человек действительно видит меня насквозь. Немыслимым образом он узнал о моем тщательно скрываемом даре, отчего мне стало не по себе.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — солгала я, не позволив эмоциям взять верх. — А теперь извините, мне нужно идти.

Я снова убегала от разговора, второй раз за день стремясь избавиться от навязанного общества. В душе творилась полнейшая сумятица, вереницы мыслей кружили в сознании, заставляя сердце то болезненно сжиматься, то в страхе биться быстрее. Самое ужасное заключалось в том, что мне некуда было податься и негде скрыться от своих оживших кошмаров. Здесь не было безопасного места, и, куда бы я ни пошла, они оказывались рядом. С каждым днем тучи над Сторм-Деллом сгущались и времени до главной бури оставалось все меньше. Я не могла спокойно находиться рядом с Виктором, зная, что он собирается сделать. Его намерения принести всех нас в жертву, дабы воскресить умершую жену, буквально сводили с ума. Ситуация перестала быть просто непонятной и подозрительной — теперь на кону стояли двенадцать жизней, в том числе и моя.

Мне во что бы то ни стало требовалось отсюда выбраться, и перед завтраком я отправилась к Виоле, чтобы подробнее расспросить о ее неудавшемся побеге. Их с Габи я застала в комнате, где девушки пили утренний чай. На подносе дымился красный травяной напиток, стояла пара тарелок с надкушенными пирожными и овсяным печеньем.

— Не дождались завтрака? — Из-за нервов моя улыбка вышла

несколько натянутой.

Виола предложила мне присесть и, разместившись в удобном кресле, я не стала ходить вокруг да около. Не смущаясь присутствия Габи, прямо спросила ее о давней попытке побега из поместья. Ранее мы уже говорили на эту тему, но сейчас я желала услышать подробности.

— Просто я узнала, что Дженкинс куда-то уезжает, и воспользовалась открывшимися воротами, — сообщила Виола, изящно сделав глоток. — Прежний садовник моему уходу почему-то не препятствовал, и, когда экипаж с дворецким отъехал на значительное расстояние, я вышла за ограду. Но как только там оказалась, на меня тут же набросились псы. Вскоре подоспел Виктор, но один из них все равно успел меня укусить.

— Почему тебя так заботит тема побега? — отставив чашку на столик, вмешалась в разговор Габи. — Если хочешь покинуть поместье, не впутывай в это нас.

Смысла молчать я больше не видела:

— Побег должен заботить не только меня. Послушайте, то, что я сейчас скажу, может показаться невероятным, но все мы находимся в смертельной опасности. Вам ведь тоже с самого начала было непонятно, для чего нас здесь собрали? Граф практикует черную магию и хочет воспользоваться запретным ритуалом, чтобы вернуть к жизни покойную супругу. И всем привезенным в Сторм-Делл девушкам уготована роль жертв.

На лицах обеих моих собеседниц отразились шок и неверие, и спустя напряженную паузу Габи бросила:

— Что за чушь? Чернокнижников давно истребили, и в наше время никто не осмелится применять черную магию. Это прямая дорога на костер!

— Скажешь об этом лорду Баррингтону, когда попадешь на жертвенный алтарь! — огрызнулась я, утратив всякое терпение.

Меньше всего мне хотелось спорить и убеждать девушек в своей правоте. Решив сказать правду, я даже не предполагала, что это понадобится, ведь сообщаемые мной вещи казались очевидными.

— Прошу прощения, — решила я все-таки извиниться. — Я была резка. Просто хотела предупредить, и вам решать, верить мне или нет.

— Здесь в самом деле творится что-то неладное, — кивнула леди Фейн. — Но черная магия и организация ритуала? Звучит сомнительно...

Она ненадолго замолчала, о чем-то задумавшись, после чего предложила:

— Не хочешь ли с нами позавтракать? Я велю горничной принести

приборы.

Предложение я приняла, поскольку общество девушек в настоящий момент казалось лучше одиночества. Лишившись возможности говорить с Делорой, я испытывала потребность находиться рядом хотя бы с кем-то, пусть ни Габи, ни Виола и не желали верить моим словам. Мысль о возвращении в свою комнату вызывала беспокойство, а о предстоящей ночи — страх. Я просто не представляла, как сумею ее пережить, и даже думала попросить Бекки остаться со мной.

Точно волны беспокойного моря, кошмары обрушивались на меня один за другим и словно желали проверить на прочность. Я всегда считала себя достаточно сильной и способной выдержать ниспосланные трудности, но теперь уверенность в собственной стойкости пошатнулась. Там, где дело касается магии, рушится видение не только окружающего мира, но и самого себя.

Глядя на сидящих рядом девушек, я не понимала, как им удастся сохранять спокойствие. Даже если обе не поверили моим словам, то, во всяком случае, должны были задуматься. Но Габи с Виолой продолжали завтракать как ни в чем не бывало и более того — перевели разговор на тему Кэсси и Виктора. Кажется, кто-то видел этих двоих прогуливающимися под руку по саду. Спор все еще оставался в силе, и пока Кэсси была одной из немногих, кто часто виделся с конюхом.

Это меня и волновало. Виктор, или правильнее сказать — лорд Баррингтон, являлся человеком, так или иначе желающим нашей смерти, и почему он оказывал некоторым девушкам знаки внимания, оставалось для меня загадкой.

— Пей, — указала Виола на мою наполненную чашку, когда горничная удалилась. — Не знаю, что они в него добавляют, но чай просто чудесен.

Напиток по-прежнему был мне неприятен, но я через силу сделала несколько глотков. Горьковатая, с легкой кислинкой жидкость заструилась по горлу и теплом разлилась в груди.

— Его готовят на основе лепестков ариданской розы, — заметила я, прислушавшись к вкусовым ощущениям. — Дяде время от времени привозили такой чай из-за границы, только в этот подмешано что-то еще.

Габи подошла к окну, согрела дыханием стекло и, выведя на нем тут же растекшийся цветок, бросила:

— А вот и новые гости.

Мы с Виолой мгновенно поднялись с мест, чтоб взглянуть на то, что происходило под окнами особняка. Дженкинс помогал выходить из экипажа молодой девушке, выглядевшей крайне испуганной. Не

требовалось видеть ее лица вблизи — страх и неуверенность сквозили в ее неловких, скованных движениях. Тоненькую светлую косу растрепал ветер, старое мешковатое платье на хрупкой фигуре выглядело нелепо, а на щеках даже издали были заметны следы недавних слез.

Обменявшись выразительными взглядами, мы втроем поспешили вниз, где к этому времени уже находились остальные девушки. В столовой накрыли полноценный завтрак, но до идущих оттуда аппетитных ароматов никому не было дела. Всех волновала новоприбывшая гостья графа, входящая в парадные двери. Получив возможность рассмотреть ее вблизи, я сперва не поверила, что ей двадцать лет. Даже в сравнении с Делорой, которая сохранила черты подростка, эта девушка выглядела совсем юной. Такое впечатление создавалось из-за чрезмерной худобы и маленького роста. Вряд ли ее можно было назвать красивой, но что-то заставляло задерживать на ней взгляд — во всем облике ее сквозило нечто тонкое и по-детски невинное.

В холле тут же нарисовались миссис Эртон и Оливия, проводившая девушку на второй этаж. К тому времени как мы сели завтракать, она снова спустилась к нам и, робея, заняла место за столом.

— Это Лилиана, — представила экономка нашу новую соседку и тут же обратилась к Оливии: — Покажешь ей дом и объяснишь правила.

Во время завтрака все периодически бросали на Лилиану любопытные взгляды, и я в том числе. Только мною двигало не любопытство, а легкая заинтересованность и настороженность, за последние недели ставшая постоянной спутницей. Сама новоприбывшая гостья явно смущалась столь явного внимания и не поднимала глаз от тарелки.

Когда я попыталась заговорить с ней после окончания трапезы, она и вовсе растерялась. Лилиана нервно теребила платье, щеки ее порозовели, а взгляд снова опускался в пол. Я намеренно дождалась того момента, когда все разошлись, и сейчас старалась быть мягкой и дружелюбной. Представившись, не упомянула статус, чтобы не смущать девушку еще больше, и начала аккуратно ее расспрашивать. Однако все мои вопросы остались без ответа — Лилиана молчала. Единственное, чего удалось от нее добиться, это дата рождения.

— Одиннадцатое ноября, — прозвучал ее тихий голос, лишний раз подтвердивший уже известное.

По всему выходило, что девушек в особняк привозили, не беря во внимание последовательность месяцев рождения. Вероятно, лорд Баррингтон действовал, подбирая удобные моменты и всякий раз по-разному. В связи с этим было не совсем понятно, является ли обязательным

обряд с ванной, какой проводили для каждой из нас. Но самое главное — это дата проведения самого ритуала, которая на данный момент оставалась для меня тайной.

ГЛАВА 12

Оказавшись в своей комнате, я открыла шкатулку для украшений и еще раз осмотрела подвеску с черным ограненным камнем. Исходящая от нее энергия притягивала, звала, и противиться соблазну ее примерить с каждым днем становилось все сложнее. Однако я сопротивлялась, испытывая некоторые сомнения. Но сейчас, глядя на слегка мерцающие черные грани, не могла справиться с собой. Рука сама тянулась к камню, пальцы скользили по его холодной поверхности и уже подхватывали подвеску, доставая ее из шкатулки.

Может, ничего страшного и не случится? Это ведь просто украшение...

Подвеска манила меня с того самого момента, когда я достала ее из фонтана. Было в ней нечто странное, необъяснимое, магическое, подходящее моей скрытой сути.

Я подошла к зеркалу и взглянула на свое отражение. Невольно отметила, что обсидиан выгодно оттеняет ясность голубых глаз, подходит к черным волосам и красиво контрастирует со светлой кожей. Желание повесить его себе на шею стало до того сильным, что в другой момент показалось бы мне безумным, но теперь я лишь неотрывно смотрела в зеркало и будто отстраненно наблюдала за своими действиями.

Откинув волосы назад, коснулась открытой шеи и поднесла к ней подвеску. Всего секунда — и кожи коснулась приятная прохлада, превратившаяся в легкое, пробежавшее по всему телу покалывание. Застежка закрылась, и я медленно провела пальцем по контуру камня, теперь висящего у меня на шее. Показалось, что отражение в зеркале на миг подернулось рябью и вместо меня там показался кто-то другой. Блеск черного, как самая темная ночь, камня повторял блеск моих внезапно потемневших глаз.

Где-то в глубинах сознания пронесли отчаянные мысли о том, что не стоило примерять это украшение, но снять его я уже не могла. Чем дольше на него смотрела, тем больше влюблялась в игру граней, в их сложный узор и в то, как они переливаются в полумраке комнаты.

Вскоре я даже подумала, что зря опасалась и подвеска не несет в себе ничего плохого, как вдруг ощутила стремительно приближающийся холод. Нежданным гостем он ворвался в комнату, расстелился по полу, пробрался в туфли и распространился от вмиг заледеневших ступней по всему телу.

На сей раз холод был до того сильным, что от моего дыхания в воздухе появился белый пар, а зеркальная гладь покрылась кружевными морозными узорами. Ими же оказалось затянута окно, а на мои черные волосы и ресницы лег белый кристаллообразный иней.

Я не успела даже вскрикнуть, как дверь резко распахнулась, громко стукнулась о стену и в комнату влетел черный туман. На ходу распадаясь на куски, он принимал очертания темных фигур, движущихся прямо ко мне. Пустые вытянутые лица надвигались с невероятной скоростью, как и длинные когтистые подобия рук.

Холод убивал. Вытягивал жизнь и лишал возможности отпрянуть назад. Ноги словно примерзли к полу, горло сжал спазм, и до меня словно издали донесся звук разлетающегося на осколки стекла.

Подернутое морозом зеркало задребезжало и стало покрываться мелкими трещинами. Приложив невероятное усилие, я заставила ноги повиноваться и отступила на несколько шагов назад, а уже в следующее мгновение зеркало повторило судьбу оконного стекла. Несколько острых осколков попали мне на руки, которыми я заслонила лицо, и до крови впились в кожу.

Далее события развивались стремительно. Схватив с туалетного столика тяжелый подсвечник, я запустила его в одну из приближающихся туманных фигур, но он пролетел насквозь. Принялась лихорадочно думать о том, чем могу себя защитить, и в этот же момент машинально коснулась висящего на шее камня. Сбросив оцепенение, я с силой дернула цепочку и только собралась отшвырнуть подвеску в сторону, как мою руку перехватили. Внезапно возникший свет сиял еще ярче, чем в прошлый раз, рядом слышалось спокойное биение сердца, моего запястья касалась теплая ладонь.

Шипя, темные призраки пятились назад, но делали это очень медленно. Несколько раз они порывались снова броситься вперед, но, касаясь света, пронзительно высоко вскрикивали и бесследно развеивались в воздухе.

Все длилось не дольше полуминуты, но мне показалось целой вечностью. Фигуры вновь стали единым клубом тумана, который стремглав вылетел в коридор, а на полу, только что покрытом наледью, образовались мокрые пятна.

Меня трясло и, пребывая в полубморочном состоянии, я с трудом различила вопрос:

— Откуда это у вас?

Столкнувшись с взглядом садовника, я некоторое время смотрела ему

в глаза, прежде чем до меня дошел смысл его вопроса. Киран спрашивал о подвеске, оказавшейся у него в руках. Ответить мне не дала не столько возникшая слабость, сколько шум множества шагов, послышавшихся в коридоре.

Отпустив меня в мгновение ока, Киран приблизился к разбитому окну и, обернувшись, бросил:

— Не говорите никому о том, что я здесь был.

Не успела я опомниться, как он спрыгнул вниз, чем заставил мое сердце в испуге сжаться. Выглянув на улицу, я успела заметить, как он скрылся в зарослях кустов, что раскинулись по дороге к пруду.

Буквально через несколько секунд в комнату ворвалась целая толпа во главе с миссис Эртон. Переступив порог, экономка и прибежавшие на шум девушки тут же замерли, расширившимися глазами обводя учиненный здесь погром.

— Леди Кендол? — Опомнившись первой, экономка подошла ко мне, стараясь при этом не наступать на разбросанные по полу осколки. — Бог мой, у вас кровь...

Я несколько заторможенно опустила взгляд на свои руки, и только теперь ощутила пробирающую до костей боль. Несколько осколков разного размера впились в кожу, рукава платья покрыли бордовые пятна, а по локтям стекали тонкие струйки крови.

— Пойдемте со мной, — тронув меня за плечо, мягко проговорила миссис Эртон и без перехода велела прибежавшей Оливии: — Немедленно наведи здесь порядок и займись подготовкой новых покоев для леди Кендол. А вы, девушки, немедленно расходитесь по своим комнатам! Через два часа жду всех в малой гостиной.

Под причитания подросшей Бекки меня отвели на кухню, куда тут же принесли миску чистой воды, небольшие щипцы и бинты. Удалять стекло взялся Виктор, присутствие которого я заметила, лишь когда он сел рядом и взял меня за руку.

Физическая боль от порезов была ничем в сравнении с испытанным мною ужасом, но даже он постепенно проходил. Должно быть, осталось совсем немного до того, как я совсем утрачу способность бояться. Когда живешь в постоянном страхе, терзаемая набирающими силу кошмарами, постепенно к ним привыкаешь.

— Так не может больше продолжаться, — расслышала я приглушенный голос миссис Эртон, обращающейся к вошедшему в кухню Дженкинсу. — Я сегодня же предупрежу девушек, чтобы без лишней надобности не выходили из своих комнат.

— В этом нет смысла, — бесстрастно отозвался тот. — В поместье нет места, где можно от них скрыться. С каждым днем держать их под контролем ему становится все сложнее. Что-то притягивает их и служит им подпиткой.

Я едва удержалась от замечания о том, что для нас, живущих в поместье девушек, призраки представляют не самую страшную угрозу. Смотря на обрабатывающего мои раны Виктора, чувствуя, как аккуратно он прикасается к поврежденной коже, я испытывала к нему неприязнь. Для чего он проявлял заботу и участие, если рано или поздно все равно собирался убить? Такое лицемерие поднимало волны возмущения, и я ничем не могла его оправдать. Приносить в жертву жизни двенадцати девушек во имя воскрешения давно умершей жены — больше чем просто преступление. Когда любят — отпускают или живут светлыми воспоминаниями, а если чувства толкают на совершение смертельного греха, это уже не любовь. Скорее навязчивая идея или болезнь, отравляющая сознание и душу.

Впрочем, имела ли я право его судить? О любви знала крайне мало, чтобы о ней рассуждать. Оглядываясь назад, я понимала, что в своей жизни ни разу не любила по-настоящему, и страх от этого, пожалуй, был самым сильным из всех. Даже детские чувства к родителям было сложно назвать любовью. К дяде и его семье я оставалась холодна, а о влюбленности знала лишь понаслышке.

Осознав, что уже несколько минут сижу неподвижно и смотрю в одну точку, я слегка помотала головой и тут же вздрогнула оттого, что Виктор коснулся болезненного участка раны.

— Потерпите, сейчас пройдет, — произнес он, легко подув на порез и поймав мой взгляд.

По коже отчего-то пробежала дрожь, и я вовсе не была уверена, что ее вызвал до сих пор не отпустивший меня холод. Виктор намочил чем-то ватку и приложил ее к порезу, после чего принялся аккуратно его перебинтовывать. Его пальцы были теплыми, а кожа такой мягкой, что просто не могла принадлежать человеку, зарабатывающему на жизнь физическим трудом.

— Вот и все, — произнес он, закончив перевязку. — Скоро о царапинах вы даже и не вспомните.

— О царапинах — возможно, — не отводя взгляда, согласилась я. — Но не о том, что сегодня случилось. Может, вы потрудитесь объяснить хотя бы это?

Последний вопрос я адресовала не только Виктору, но и всем

присутствующим, желая посмотреть, какие оправдания они придумают.

Незамедлительного ответа, как и ожидалось, я не получила, но миссис Эртон заверила, что вскоре все объяснит. Когда спустя оговоренное время все девушки собрались в малой гостиной, она предупредила нас о том, что не следует выходить из своих комнат по ночам, а также днем без крайней на то необходимости.

— Но почему? — тут же вскинулась Виола. — Я требую, чтобы вы сейчас же объяснили, что произошло сегодня в комнате Амины! И если не потрудитесь этого сделать, я тут же собираю вещи и отсюда уезжаю!

После ее слов в комнате повисла напряженная пауза. Все присутствующие, в том числе и сама Виола, прекрасно понимали, что выполнить угрозу она не сможет. Для нас создавалась видимость свободы и уважения, но по сути мы являлись не более чем пленницами как обстоятельств, так и лорда Баррингтона.

— Леди Фейн, успокойтесь, пожалуйста. — В ровном голосе экономки отчетливо ощущались нотки предупреждения. — Дело в том, что чуть более века назад этим особняком владел другой род. Здесь жила семья, которой пришлось столкнуться со страшной трагедией. На этом месте разразился страшный пожар, в результате которого погибло около десятка человек. С тех пор эти земли многие считают проклятыми, и они пустовали до того момента, пока поместье не выкупил лорд Баррингтон. Он заново отстроил особняк и перевез сюда свою молодую жену. Некоторое время все было спокойно, но вскоре здесь стало твориться нечто странное. По ночам слышались шорохи и необъяснимые крики, днем часто двигалась мебель и падали портреты со стен. Несколько позже нам довелось узнать, что к особняку имеют привязку темные призраки — застрявшие в нашем мире души тех, кто погиб при пожаре.

— Почему же граф не обратился к специалистам по сверхъестественным явлениям? — озвучила общий вопрос Виола.

— Он обращался, но так называемые охотники помочь ничем не смогли. Сказали, что призраков слишком много и они крайне сильны. Лорду Баррингтону предложили переехать, но он предпочел остаться здесь.

Пока все молчали, осмысливая полученную информацию, Оливия принесла в гостиную несколько подносов с бутербродами и печеньем, парой заварных чайничков и чашками. Наше импровизированное собрание незаметно превратилось во второй завтрак, но я к еде не прикоснулась. Машинально отпила чай, не почувствовав даже вкуса, и задумалась о словах экономки. Из того, что услышала, я предположила, что темных призраков граф все это время удерживал собственными силами. Кажется,

Дженкинс упомянул, что сейчас делать это ему удастся с большим трудом, поскольку в доме существует нечто, что их притягивает. Я практически не сомневалась, что этим «нечто» является найденная мною подвеска.

Сама версия о пожаре звучала довольно убедительно, но придумать ее было так же просто, как и причину теперешнего состояния Делоры. Верить сказанному я не спешила, хотя и не исключала того, что миссис Эртон могла говорить правду.

— Отчего умерла графиня Баррингтон? — неожиданно для остальных спросила я.

Растерянность экономки длилась не дольше мгновения.

— Не думаю, что я или кто-либо из слуг имеем право об этом говорить. Но можете быть спокойны, к темным призракам ее смерть не имеет никакого отношения.

Подготовка новых покоев требовала некоторого времени, поэтому пока мне предложили разделить комнату с кем-нибудь из девушек. Главной кандидатурой, естественно, являлась Виола, но я остановила выбор на другой. Вначале думала переехать в комнату Кэсси, но, как оказалось, там была всего одна узкая кровать. Поэтому уже после обеда мои вещи перенесли в комнату, куда еще этим утром заселили Лилиану. Своему вынужденному переезду я была даже рада, поскольку теперь не нужно было оставаться ночью одной.

Я шла по коридору первого этажа, когда до меня долетела считалка, напеваемая низковатым детским голосом:

Раз, два, три, птицы улетели,
Раз, два, три, голоса запели,
Раз, два, три — не проснешься утром;
Раз, два, три — умрешь в пожаре жутком.

Банни прыгала по полу, играя в воображаемые классики и не замечая моего присутствия. Сквозь мутные окна, за которыми вилась лоза винограда, проникал солнечный свет, в лучах которого была видна витающая в воздухе пыль. Лучи падали на распущенные волосы девочки, на ее лицо и синюю ткань платья. Ложились бликами на темный паркет, наполняя мрачный коридор солнечными зайчиками. Эту картину можно было бы назвать радостной, если бы не пробирающие до дрожи слова:

Раз, два, три, ты ложишься спать,

Три, четыре, пять — вот одна опять.
Шесть, семь — остался только месяц,
Всех убьют — восемь, девять, десять.

Я тихо подошла ближе и, расслышав последние строки, судорожно вздохнула.

Раз — и кровь прольется в зале.
Два — и пол там пропитает.
Три — вам лучше не встречаться,
Умрешь — часы пробьют двенадцать...

Внезапно заметив меня, Банни осеклась и, замерев на одной ноге, обратила в мою сторону испуганный взгляд. В этот момент она походила не то на зайчонка, не то на маленького беззащитного олененка, недоверчиво относящегося ко всему окружающему миру и каждую секунду ожидающего появления охотников.

— Банни, — позвала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Не бойся, я не причиню тебе вреда.

Стоило мне сделать шаг вперед, как девочка мгновенно отшатнулась и собралась броситься прочь.

— Давай играть? — предложила ей, мысленно молясь, чтобы она согласилась. — Тебе ведь грустно здесь одной? Мне тоже. Составим друг другу компанию?

Банни прищурилась и, недоверчиво склонив голову набок, указала взглядом на мою левую руку. Сперва я подумала, что она имеет в виду порезы от стекла, но через несколько мгновений стало ясно, что подразумевается оставленный ею ожог.

— Ты не можешь контролировать свой дар, так ведь? — Я сделала еще несколько шагов по направлению к ней, и на этот раз девочка осталась стоять на месте. — Не беспокойся, я не боюсь и ни с кем не стану это обсуждать.

— А ты можешь? — внезапно заговорила Банни, не сводя с меня пытливого взгляда.

— Не понимаю, о чем ты...

— Не лги мне! — крикнула она и, тут же убавив тон, слабо улыбнулась: — Я тоже никому не скажу.

Чем дольше я находилась в обществе этого странного ребенка, тем лучше ее понимала. Мне были слишком хорошо знакомы ее закрытость и холодность с окружающими. Банни, с раннего детства привыкшая к постоянному одиночеству, напоминала меня саму. Вот только ей приходилось куда труднее — по крайней мере, мой дар не был выставлен на публику, и никто не смел открыто надо мною насмехаться.

Так же, как и она, будучи маленькой девочкой, я тоже часто играла в несуществующие классики, когда меня никто не видел. Представляла, что плиты на полу являются нарисованными клетками, и прыгала по ним, стараясь не наступать на разграничительные черты. Сейчас, в этом наполненном призрачными воспоминаниями мрачном доме, я снова вернулась в то время. Банни позволила мне присоединиться к ее игре, и я — взрослая, практически достигшая полного совершеннолетия леди, окунулась в детскую забаву.

Наша игра была такой же странной, как и всё, что меня окружало. Мы не смеялись, не шутили и даже не разговаривали. Просто прыгали по придуманному рисунку, ступая туфлями на подрагивающих солнечных зайчиков. Кажется, последние тоже с нами забавлялись — стоило к ним прикоснуться, как блики исчезали и тут же появлялись в другом месте.

Боль от порезов ушла, и если бы не белые повязки на руках, я бы совершенно о ней забыла. Прыгая по коридору, одновременно думала сразу о двух вещах: во-первых, следовало осторожно расспросить Банни, а во-вторых, не откладывая, встретиться с Кираном. Образ нового садовника, уже дважды меня спасшего, не шел из головы.

— Раз, два, три, ты ложишься спать, — продолжала негромко напевать дочь графа. — Три, четыре, пять — вот одна опять. Шесть, семь — остался только месяц...

— Нас всех убьют — восемь, девять, десять, — закончила я запомнившейся строкой и остановилась. — Где ты слышала эту песню?

Банни обернулась и, глядя на меня потемневшими, с расширившимися зрачками глазами, пожала плечами:

— Приснилась.

— И часто тебе снятся такие сны?

— Часто, — спокойно кивнула девочка и, подумав, добавила: — Ты мне тоже снишься. Давно.

Я хотела расспросить подробнее, но внезапно в конце коридора появилась Оливия. Заметив нас, она спешно приблизилась, извинилась за доставленное дочкой беспокойство и, взяв ее за руку, тут же увела.

После их ухода мною завладела ожидаемая усталость, и,

прислонившись спиной к холодной стене, я прикрыла глаза. Перед ними стояла абсолютная чернота — ни единого образа, ни проблеска света. На душе было тяжело, и меня искренне удивляло, как я до сих пор не преодолела черту, за которой начинается безумие. Вопреки логике и ожиданиям, я в самом деле словно срослась с постоянным страхом, и обилие ужасных, источающих дыхание смерти тайн перестало пугать. Казалось, мне предоставили возможность наблюдать за всем со стороны, отправив в очередной ночной кошмар.

Если верить словам Банни, до ритуала оставался всего месяц. Достаточно ли такого срока, чтобы предотвратить неизбежное? Может ли один человек противостоять тьме, что сгущается с каждым вздохом и с каждой секундой подступает все ближе?

Да, страх временно отступил, но притаившееся в глубинах сознания отчаяние никуда не делось. Отогнав его, точно непрошеного гостя, я глубоко вдохнула и, решительно расправив плечи, отправилась в свою временную комнату.

Лиана сидела, с ногами забравшись на кровать, и рассеянно расчесывала жидкие, неровно обретенные волосы. При моем появлении она вздрогнула всем телом, бросила на меня испуганный взгляд и суматошно отползла назад, вжавшись в резное изголовье.

— Что с тобой? — спросила я у нее, хотя не слишком рассчитывала на правдивый ответ.

Я уже сбилась со счета, сколько раз за последнее время была вынуждена убеждать окружающих довериться мне. Раньше я не умела этого делать, но сейчас приходилось учиться.

— Не подходите. — В надломленном голосе звучал ничем не прикрытый страх. — Мне нельзя ни с кем разговаривать...

— Почему? Кто тебе это сказал?

— Они. — Лиана облила пересохшие губы и, обхватив голову руками, принялась бормотать: — Прошу, оставьте, мне нельзя... нельзя...

В следующий момент она неожиданно подняла взгляд и крикнула:

— Убирайтесь! Вон!

Показалось, что еще мгновение — и она бросится на меня, окончательно лишившись рассудка. Что-то безумное, отразившееся во взгляде этой с виду тихой, запуганной девушки, заставило меня попятиться. Стоило сделать шаг к двери, как Лиана снова уронила лицо в ладони и затряслась, давась истеричными рыданиями.

Мое сердце учащенно забилось, и платье показалось до того тесным, что захотелось немедленно ослабить шнуровку. Одна часть меня

порывалась подойти и помочь несчастной, но другая твердила, что нужно бежать без оглядки.

Бежать... Если бы это было возможно! Если бы только получилось отмотать время, вернуться на несколько недель назад и никогда, никогда сюда не приезжать! Ускользнуть по дороге, притвориться больной и молить дядю о пощаде. Всеми силами бороться за то, чтобы не оказаться в этом аду, где каждый миг наполнен следующим по пятам ужасом.

— Что здесь происхо... — Взгляд вошедшей в комнату миссис Эртон упал на Лилиану, и экономка тут же бросилась к ней, одновременно зовя горничную.

— Отпустите! — еще громче завопила девушка. — Не смейте меня трогать! Ненавижу, всех вас ненавижу!

Глядя на эту сцену, больше всего я желала уйти, но ноги отчего-то не слушались. Я словно приросла к полу и не могла двинуться с места, неотрывно наблюдая за происходящим. В голове пронеслась неуместная мысль о том, что, невзирая на теперешнее поведение, Лилиана похожа на аристократку. Утром я бы никогда не предположила подобного, но сейчас в ее голосе, требованиях и даже попытках вырваться сквозили ни с чем не сравнимые гордость и отчаянное неповиновение. В ней определенно имелся тот самый стержень, который отличает людей высшего сословия. Но под гнетом неведомых обстоятельств он истончился, став практически незаметным.

— Успокойся, девочка. — Холодный, буквально ледяной тон пришедшего с Оливией Дженкинса заставил все звуки смолкнуть.

Сбросив сковавшее меня оцепенение и не в силах находиться здесь дольше, я выскочила в коридор. Окружающее расплывалось и воспринималось отстраненно. О направлении я не задумывалась и двигалась, не различая дороги. Миновав арку с розами, остановилась лишь потому, что задела один из кустов и острые шипы вцепились в одежду. Одернув подол платья, я судорожно вдохнула свежий, пропахший цветами воздух и поймала себя на том, что готова заплакать.

Наверное, впервые в жизни захотелось дать волю эмоциям, позволить им вылиться наружу потоками слез. Но этому желанию не суждено было сбыться — вопреки всему глаза оставались сухими, и от невозможности выплакаться, хоть как-то облегчить душевные терзания стало еще больнее.

Все навалилось разом, одни эмоции сменялись другими, апатия резко вытеснялась паникой. Я чувствовала себя так, словно ходила по бесконечному кругу, имя которому «Двенадцать душ».

ГЛАВА 13

К маленькому домику, стоящему неподалеку от конюшен, я пришла одновременно и осознанно, и случайно, как бы противоречиво это ни звучало. Просто брела по саду, думая о Киране, и даже не заметила, как оказалась прямо перед старыми, но все еще прочными дверьми. Этот участок двора выглядел совсем неухоженным: декоративные кусты разрослись и сплелись с сорняками, заключив их в объятия длинных, торчащих в разные стороны ветвей. Дорожку здесь усыпал мелкий мусор и облетевшие сухие лепестки, отчего казалось, что тут наступила осень.

Небо затянули уже привычные тучи, и в его серости мне также виделась увядающая пора. Ощущение, что это поместье существует в каком-то отдельном, параллельном реальности мире, усилилось и было крайне неприятным.

Я протянула руку к двери, намереваясь постучать, и в нерешительности замерла, сомневаясь, могу ли доверять садовнику. Да, я была обязана ему своим спасением, но Киран казался не менее загадочным, чем все прочие обитатели поместья и явно имел не один скелет в шкафу.

Поколебавшись не дольше нескольких секунд, я все-таки постучала. Киран открыл практически сразу, словно стоял по ту сторону двери в ожидании моего прихода. Он был гораздо выше меня, и хотя я не отличалась низким ростом, сейчас смотрела на него снизу вверх, отчего чувствовала себя несколько беззащитной. Недолгое пребывание в Сторм-Делле значительно пошатнуло мою уверенность в себе, и сейчас приходилось прилагать определенные усилия, чтобы держаться с подобающим достоинством.

Киран молча посторонился, и я вошла внутрь. В домике было довольно темно, пахло сыростью и старым деревом. У окна стоял небольшой столик, на котором примостились подсвечник, перо с чернильницей и блокнот, вероятно принадлежащий нынешнему хозяину этого скромного жилища. Место в углу занимала односпальная кровать, застланная вылинявшим покрывалом, а напротив разместился покосившийся шкаф.

Помещение казалось слишком маленьким для двоих. Присутствие садовника ощущалось слишком явственно, исходящая от него энергия заполняла весь дом и странным образом действовала на меня. Я снова невольно подумала о том, что между ним и Виктором есть нечто схожее.

— Чем обязан вашему визиту? — спросил Киран, хотя было понятно, что ответ ему известен. — Присаживайтесь.

Предложение я проигнорировала и, посмотрев ему в лицо, попросила:

— Расскажите мне все, что знаете об этом месте. Только прошу, не нужно лгать.

Возможно, в другой ситуации я бы не стала говорить так прямо, но после разговора с Банни стало ясно, что времени в запасе практически не осталось. Сейчас каждый день был на вес золота, и мне во что бы то ни стало требовалось узнать всю правду. Хотя скорее я пришла сюда в надежде обрести союзника, понимая, что в одиночку не справлюсь.

— Должен признать, я хотел попросить вас о том же, леди Кендол, — не отводя глаз, произнес Киран. — Вам явно известно больше остальных, поэтому буду признателен, если вы поделитесь тем, что успели узнать.

Я насторожилась. Тут же родилось предположение, что он действует заодно с лордом Баррингтоном и сейчас просто пытается выяснить, какими сведениями я располагаю.

— У вас нет оснований мне доверять, — кивнул садовник, угадав ход моих мыслей, и спустя короткую паузу добавил: — Но вы ведь хотите жить?

Меня словно окатили ведром холодной воды. Ногти с силой впились в ладони, по коже пробежала нервная дрожь, а с губ сорвался короткий, практически беззвучный вздох. С самого начала я понимала, что Киран знает очень многое, но услышать от кого-то прямое подтверждение собственных умозаключений все равно оказалось страшно. До этого момента какая-то малая часть меня еще цеплялась за призрачные надежды, веря, что мои выводы ошибочны.

Смерть. Мне доводилось видеть ее совсем близко, ощущать на щеке мертвенное дыхание и наблюдать за тем, как она забирает родных людей. Как и любое существо, я любила жизнь, считая ее самым драгоценным, данным свыше даром. Нет ничего ценнее возможности находиться здесь и сейчас, видеть окружающий мир, чувствовать его и по-своему им наслаждаться. Сама мысль о том, что кто-то преждевременно может ее отнять, казалась страшной и нелепой.

Киран придвинулся на шаг и теперь стоял совсем близко. Я смотрела ему в лицо и видела твердую линию губ, легкую щетину на волевом подбородке, еще неглубокие, но уже заметные морщины и самое главное — пронзительный взгляд серых как дождь глаз. Передо мной стоял человек, явно имеющий немалый жизненный опыт, устоявшийся взгляд на мир и твердые принципы. Сколько ему? Тридцать? Тридцать пять? Было сложно

определить, да это и не являлось важным.

— Лорд Баррингтон намеревается вернуть умершую жену, прибегнув к черной магии. — Мой голос прозвучал тихо и ровно. — Ритуал, название которому «Круг двенадцати душ», унесет жизни привезенных в это поместье девушек.

Я приняла решение и, когда сказала самое главное, почувствовала облегчение. Мне никогда не приходилось рассчитывать на кого-то и делиться своими проблемами. Дядя обеспечивал меня, но никогда не поддерживал и с самого начала возвел между нами непробиваемую стену. Сейчас я решилась довериться, в сущности, незнакомцу, но на каком-то подсознательном уровне чувствовала, что поступаю правильно.

На короткий миг в глазах Кирана отразилось удивление, после чего он спокойно и вежливо, но вместе с тем требовательно уточнил:

— Что-то еще?

— Я немного знаю о ритуале, но подозреваю, что для его проведения нужна какая-то специальная комната. — В мыслях промелькнули образы из снов, которые за долгие годы я успела запомнить в самых мельчайших деталях. — Это должен быть зал, где на каменном полу есть круг, разделенный на сектора. И, кажется, мне известно, где такой зал находится в доме.

— Леди Кендол, — не отводя взгляда, Киран подался вперед, оказавшись уже совсем непозволительно близко, — вы не перестаете меня удивлять. Позвольте узнать, откуда вам известны такие подробности? Интересовались запретной магией?

В его голосе проскользнул незнакомый прежде стальной оттенок, заставивший меня тут же расправить плечи, вскинуть голову и не менее твердо спросить:

— Разве сейчас это имеет значение? Вас интересовала информация, я ее дала. Объяснять, откуда мне что-то известно и отчитываться перед вами я не обязана.

Киран мгновенно переменялся и отступил:

— Вы правы, приношу свои извинения.

— Ваша очередь, — напомнила я, сложив руки на груди. — Как вы правильно заметили, я хочу жить. Именно поэтому должна найти способ отсюда выбраться и помочь остальным.

Обойдя меня, садовник сел на кровать и, сцепив руки в замок, устремил в пространство задумчивый взгляд. Я по-прежнему чувствовала себя несколько неуютно и не знала, как себя вести. Старалась держаться уверенно, но внутри все дрожало от не отпускающего напряжения. Мне

было о чем еще рассказать — например, о лорде Баррингтоне, прикидывающемся простым конюхом, но я намеревалась дожидаться от Кирана ответной откровенности. Искренне надеялась, что он все же окажется на моей стороне и сумеет всем нам помочь.

Я не считала себя героиней, способной дать отпор чернокнижнику-графу с его приспешниками, и больше всего боялась, что, подвернись удобный случай удрать отсюда, просто уйду, испугавшись вернуться в этот дом и как-то подействовать на события.

— Амина, — произнесший мое имя голос прозвучал неожиданно, — вы просили не лгать, и я не стану этого делать. Поэтому на ваш самый первый вопрос, заданный мне у пруда, не отвечу. О том, кто я такой, вам действительно лучше не знать. Скажу лишь, что хочу помочь всем находящимся здесь девушкам, в том числе и вам.

— Думаете, сумеете? — Я даже не пыталась скрыть горькую усмешку.

— Это непросто, — не стал отрицать Киран, говоря скорее для самого себя. — Такая сильная магия ощущалась здесь лишь после давнего пожара и десять лет назад.

— Значит, пожар действительно был? — зацепилась я за случайно оброненную фразу.

Киран утвердительно кивнул и, протянув руку к столу, взял с него подвеску, которую я вначале не заметила.

— Вынужден повторить недавний вопрос: откуда она у вас?

Смена темы вышла несколько неожиданной, поэтому я ответила не сразу:

— Нашла в фонтане около двух недель назад.

— Около двух недель? — Киран вновь задумался, перебирая пальцами тонкую цепочку. — Интересно...

Внезапно на улице прогремел гром и послышался шум взбесившегося ветра. Мельком выглянув в окно, я увидела, как деревья нагибаются почти до самой земли, а небо озаряет ветвистый росчерк молнии. В следующее мгновение в оконное стекло ударилось несколько тяжелых косых капель, которые вскоре застучали чаще. Начался ливень, где-то в саду раздался визг Кэсси, судя по всему застигнутой им врасплох.

Устав стоять и понимая, что из-за дождя смогу уйти отсюда не скоро, я присела на предложенный ранее стул. Сейчас ощущение того, что эта комнатка слишком маленькая, стало еще более явственным. Мы с Кираном, отрезанные от внешнего мира стеною дождя, словно находились на необитаемом острове, вдали от посторонних глаз. Погода будто специально создала для нас условия, в которых возможен неспешный, обстоятельный

разговор, и было грех ими не воспользоваться. Единственное, чего я опасалась, — что в особняке заметят мое исчезновение. Оправдываться я бы не стала в любом случае, но вызывать лишние подозрения не хотелось.

— Вы знаете, что одна из девушек сейчас прикована к постели? — спросила я, подразумевая Делору. — А еще одна явно пребывает на грани морального истощения и как огня всех боится.

Киран перевел на меня внимательный взгляд.

— Знаю.

— Скажите... — Я на миг замялась, а затем уверенно продолжила: — Вы в самом деле хотите нас спасти? Если так, то должны помочь мне попасть в лес. Не спрашивайте, откуда, но я знаю, что там живет женщина, которая может исцелить Делору.

— Гретхен? — понятно переспросил садовник. — Она ведьма.

— И что с того? — Мои пальцы смяли ткань платья. — Если она способна оказать помощь, остальное не имеет значения.

За то время, что я провела в домике садовника, было обсуждено многое. Пускай и нехотя, но Киран откликнулся на мою просьбу, и мы условились, что он выведет меня из поместья завтра на рассвете. Каким образом это сделает, я уточнять не стала и всецело на него положились, хотя по-прежнему не до конца доверяла. Впрочем, ничего другого мне не оставалось, и это было всяко лучше, чем просто сидеть и ничего не делать. Кроме того, я все же подробно рассказала обо всем, что успела узнать. И о скрытой магии комнате, и о притворстве лорда Баррингтона, и об обнаруженном на чердаке изрезанном портрете. Умолчала лишь о являющихся мне призраках, не желая открыто признаваться Кирану в своем магическом даре.

— Почему вам просто не податься в город и не сообщить обо всем местным властям? — спросила я, когда пришло время уходить. — В отличие от меня, вы можете покинуть поместье.

— Лорд Баррингтон уважаемый человек, — ответил садовник. — Простых слов будет недостаточно, нужны более веские основания, чтобы выдвигать против него такие обвинения. Но можете быть уверены, в скором времени все изменится.

Он проводил меня до двери и, легко коснувшись руки, вынудил остановиться.

— Я вижу ваш скрытый страх, Амина, и, поверьте, вам не за что себя корить. Любой другой на вашем месте тоже бы его испытывал.

— Спасибо, — приглушенно поблагодарила я и, задержавшись еще на мгновение, выскользнула за дверь.

После дождя на улице стало сыро и прохладно, а витающие в саду запахи усилились. Сладкий аромат роз перемежался со свежестью, рождая головокружительную гармонию. Она могла бы показаться приятной, если бы не удушающая навязчивость, от которой было негде скрыться.

После разговора с Кираном я чувствовала облегчение, которое лишь немного омрачалось волнением, вызванным предстоящей завтра вылазкой. За ограждением лаяли встревоженные грозой цверги, словно нарочно напоминающие о своем присутствии.

Возвращаться в комнату Лилианы после случившегося совершенно не хотелось, но мои желания не имели никакого значения. Воодушевленная поддержкой садовника, я снова могла трезво оценивать ситуацию и здраво мыслить. Его сказанные напоследок слова только укрепили меня в намерении держать страхи под замком, и сейчас, следуя этому решению, я вошла в свои временные покои.

Вопреки опасениям, когда переступила порог, на меня никто не набросился, не накричал и не испепелил безумным взглядом. Лилиана спала, лежа на спине и слегка приоткрыв рот. Сейчас она казалась абсолютно беззащитной и невинной маленькой девочкой, которая заблудилась и заснула в слезах. Ее щеки все еще оставались мокрыми, как и слипшиеся ресницы; коса окончательно расплелась, и тусклые волосы разметались по атласным подушкам.

Подойдя ближе, я всмотрелась в ее бледное лицо, отметив пролегшие под глазами глубокие тени и едва различимую синеву вокруг губ. Кожа Лилианы казалась очень тонкой, практически прозрачной и словно выцветшей. На руке, которую девушка положила себе на грудь, были обломаны ногти и виднелись мелкие ссадины.

Лилиана сильно отличалась от всех прочих, находящихся в Сторм-Делле девушек. Ее привезли сюда позже меня, но она явно встречалась прежде с некоторыми из здешних слуг, а возможно, и с самим лордом Баррингтоном.

Несмотря на то что мне открылась одна из самых главных тайн — о предстоящем ритуале, я по-прежнему чувствовала, что знаю далеко не все. Это место не спешило раскрывать свои секреты, тщательно оберегая их от посторонних.

— Миледи, — войдя, Бекки тихо прикрыла за собой дверь, — меня попросили здесь убрать.

Только сейчас я заметила стоящий на тумбочке поднос с лекарствами, заварным чайничком и пустой чашкой. Еще не до конца понимая, что меня насторожило, задержала взгляд на изящной фарфоровой посуде.

— Вы позволите? — повторила Бекки, и, очнувшись, я отошла в сторону, позволив горничной выполнить свою работу.

О том, что именно вызвало мои подозрения, я догадалась лишь во время ужина, который сегодня проходил не так, как обычно. С первого взгляда все выглядело нормально, но я не могла не отметить отсутствие обычного оживления. Девушки переговаривались, улыбались, но делали это как-то странно, неестественно и вяло. Мне и раньше несколько раз бросалась в глаза завладевшая всеми усталость, а этим вечером она стала еще более заметна.

К десерту, каковым сегодня был рисовый пудинг, снова подали чай. Как только Дженкинс разлил его по чашкам, девушки сделали несколько глотков и скоро стали еще более вялыми, чем прежде.

Сделав вид, что пью, я окинула всех внимательным взглядом и обнаружила те же признаки, что у Лилианы: чрезмерную бледность и синеву под глазами. Тут же вспомнилась и Делора, у которой, в сущности, имелись те же симптомы, только усиленные в несколько раз.

— Сегодня я выиграю спор, — ворвался в мои размышления голос Кэсси, но, ошарашенная внезапным открытием, я не обратила на него внимания.

По всему выходило, что интуиция снова меня не обманула и чай не понравился мне не зря. С самого начала я ощущала в нем нечто странное и отталкивающее и пила лишь потому, что этому отвару редко находилась замена. Неужели в него действительно что-то подмешивают? Конечно, это ведь так удобно — поить девушек какой-то дрянью, от которой наваливаются апатия и неестественное спокойствие. А еще, похоже, этот чай вызывал своеобразное привыкание. Даже мне, догадывающейся о скрытом действии, сейчас хотелось его пригубить. Вкус, как и запах, больше не казался неприятным, а напротив — манящим и соблазнительным.

Теперь стало ясно, почему Габи и Виола так легко проигнорировали мои слова об угрожающей нам опасности. Вот почему они казались такими спокойными, хотя никто из них не отличался поверхностностью и легкомыслием.

Мои губы сами собой чуть приоткрылись навстречу терпкому, горько-пряному пару, рука дрогнула и снова потянулась к чашке...

Взяв ее и поднявшись с места, я подошла к окну, притворившись, что хочу посмотреть на улицу. Стекло запотело, и сквозь него лишь смутно просматривался окутанный туманной дымкой двор. Ветер частично разогнал тучи, очистив небо с алым закатом. Под неясным светом

заходящего солнца туман тоже казался местами багровым, местами алым, точно тот самый чай, что я незаметно вылила в стоящий рядом цветочный горшок.

В столовой я не задерживалась. Внутри меня переполняло гадостное чувство, что все мы являемся куклами — послушными марионетками, которыми руководит опытный кукловод. Неестественное спокойствие девушек, их невыразительные, подернутые поволокой дурмана глаза и мое собственное настойчивое желание выпить чай вызывали бурю негодования. Но я не могла совершить ошибку, дав понять прислуживающему нам Дженкинсу о своих догадках.

— Позвольте проводить вас до комнаты, — мягко проговорила миссис Эртон, когда я вышла из столовой. — У вас был трудный день. Но не волнуйтесь, больше такого не повторится, и Лилиана не доставит вам беспокойства. Если желаете, сейчас же распоряджусь, чтобы вас переселили в другую комнату.

Я отрицательно покачала головой:

— Не стоит. У новой гостыи графа случилась истерика из-за переезда, это неудивительно. Не сомневаюсь, впредь вы будете лучше держать ситуацию под контролем.

Уголки моих губ слегка приподнялись, а слова прозвучали двусмысленно. Сделав вид, что не поняла намека, экономка сдержанно мне улыбнулась, после чего проводила до комнаты. По пути она не забыла напомнить, что отныне выходить из своих покоев по ночам запрещено, а о любых отлучках днем нужно сообщать либо ей, либо дворецкому.

— Миссис Эртон, — позволила я легкому раздражению отразиться на лице и в голосе, — я понимаю необходимость таких правил, но тем не менее, если соберусь прогуляться по саду, не стану ни перед кем отчитываться. Вы же всегда можете спросить мою горничную о том, где находится и чем занимается ее непосредственная хозяйка. Всего доброго.

Захлопнув дверь прямо у экономки перед носом, я прислонилась спиной к косяку и тяжело вздохнула. Стало даже интересно, сколько еще у меня в запасе осталось моральных сил и как долго я сумею продержаться, ходя по лезвию ножа? Самое страшное, что могла себе представить, — это сломленная воля, и одна только мысль об этом вызывала мороз по коже.

В одном миссис Эртон была права — день выдался трудным и мне требовался отдых. Вскоре пришла Бекки, чьим умелым действиям я с удовольствием доверилась. Позволила ей помочь мне принять ванну, переодеться в ночную сорочку и расчесать спутанные после купания волосы.

— Может, мне остаться? — спросила горничная, настороженно покосившись на спящую Лилиану. — Странная она, миледи, как бы чего худого вам не сделала...

— Поверь, в списке тех, кто может причинить мне вред, она стоит далеко не на первом месте. Бекки, — я развернулась и внимательно на нее посмотрела, — ответь мне всего на один вопрос. Если бы угрожали твоей жизни или, напротив, обещали золотые горы, ты смогла бы меня предать?

— Миледи, да как вы...

— Хорошо подумай, прежде чем ответить. Но знай, что, каким бы ни был ответ, мое отношение к тебе не изменится.

Бекки на миг поджала губы, а после вскинула голову и твердо произнесла:

— Не обижайте меня, леди. Я знаю вас с самого детства и люблю вас не только как свою госпожу, но и как друга. Вы всегда были ко мне добры и справедливы, поэтому мне противна сама мысль о том, чтобы вас предать. Что бы ни случилось и какая бы участь меня ни ждала, я никогда не заставлю вас во мне разочароваться.

Слова горничной по-настоящему тронули меня своей искренностью и простотой. Бекки говорила то, что думала, безо всякого лукавства.

— Спасибо, — выдохнула я, мягко коснувшись ее руки. — Мне было важно это знать. А теперь слушай внимательно и запоминай: в этом поместье никому нельзя доверять. Ты являешься моей личной горничной, и потому, даже живя здесь, обязана подчиняться лишь мне. Если тебя попросят сделать нечто, что покажется странным и подозрительным, сразу же ссылайся на то, что должна спросить моего позволения. Старайся меньше бродить по дому одна, но рассказывай мне обо всем, что видишь. Даже если какая-то мелочь, будь то обрывок разговора или странность чьего-то поведения, покажется тебе несущественной, на деле она может оказаться важной. И последнее. — Я сделала короткую паузу. — Ни в коем случае не пей красный чай.

Перед тем как лечь спать, я некоторое время провела, сидя у окна и смотря на улицу. Бекки ушла, оставив меня наедине со своими мыслями и находящейся в забытьи Лилианой. Окна этой комнаты выходили на конюшню, за которой просматривался небольшой, теперь хорошо знакомый домик, где сейчас горел свет. Киран тоже не спал, хотя время было позднее и балом правила ночь.

Проснуться предстояло рано, грядущий день обещал быть не менее тяжелым, поэтому долго засиживаться я не стала. Поднявшись, уже собралась идти в постель, как вдруг мое внимание привлекли две фигуры у

конюшен. Пристальнее всмотревшись в темноту, я различила Виктора, буквально вжимающего в стену Кэсси. Он оторвался от ее рта, но лишь затем, чтобы после покрыть поцелуями обнаженную шею и плечи. Девушка откинула голову назад, ее припухшие губы приоткрылись в срывающемся с них стоне, а пальцы впились в плечи Виктора.

«Сегодня я выиграю спор», — как по волшебству всплыло в памяти обещание Кэсси, сказанное за ужином.

Поймав себя на том, что не могу оторваться от представшей глазам сцены, я резко задернула занавеску. Просто в голове не укладывалось, как человек, чья безумная любовь к покойной жене должна унести двенадцать жизней, развлекается с молоденькой девушкой. Хотя, с другой стороны, он ведь молодой привлекательный мужчина, не страдающий от недостатка женского внимания...

Мне все это казалось слишком сложным и запутанным, поэтому я предпочла отложить размышления на завтра. От увиденной сцены в душе остался неприятный тоскливый осадок. Закрыв глаза, я отвернулась лицом к стене и, натянув на голову одеяло, постаралась скорее заснуть.

Этой ночью меня снова посетили сны, но на сей раз образы были несколько иными, новыми, рождающими ранее неизведанные чувства.

Сперва я вновь стояла среди высеченного на полу круга, являясь частью смертельного ритуала. Дрожали огни свечей, превращаясь в разгорающееся пламя, шуршали лепестки увядших роз, и при виде происходящего все существо заполняли тысячи оттенков первобытного, глубинного страха. Меня окружали девушки, чьи лица казались пустыми, неживыми, точно у восковых фигур. Пробегающий по залу ветер леденит кожу и кровь, превращая последнюю в вязкую ртуть.

Звучали слова, били полночь часы, и детский голос напевал строки считалки, предрекающей скорую гибель. «Раз, два, три, — билось в мыслях следом за ним. — Раз, два, три...»

Образ сменился до того внезапно, что это показалось странным даже той мне, что находилась во сне. Я ощутила себя прижатой к стене, чей холод контрастировал с жаром прижимающегося ко мне тела. Чьи-то губы находились в паре миллиметров от моих и вытягивали дыхание, вызывая дрожь. Тело плавилось от умелых прикосновений, и я чувствовала себя мягкой, податливой глиной, готовой принимать ту форму, которую пожелает держащий меня в объятиях человек.

Платье сползло вниз, и прохладный ветер тут же пробрался под тонкую ткань нижней сорочки, которая вскоре повторила судьбу платья. Не сознавая, что делаю, я сама потянулась вперед, чтобы расстегнуть на

рубашке стоящего передо мной мужчины мелкие пуговицы, сорвать ее и наконец в полной мере ощутить прикосновение горячей кожи. Я прочувствовала каждый короткий, полный страстной нежности поцелуй, проложенный от ключиц до живота, и на меня снова обрушилась лишающая разума волна. Внутри словно скрутилась тугая обжигающая пружина, дарящая невероятное, неведомое доселе мучительное наслаждение, которое хотелось одновременно и прекратить, и продолжить.

Сердцебиение участилось, и с губ сорвался тихий судорожный вздох, когда сильные руки скользнули вниз...

В следующее мгновение темное, чернильное небо рухнуло, погрузило в вязкую черноту и лишило зрения. Хотелось закричать, но из груди вырвался лишь невнятный хрип, а затем я проснулась.

Резко сев на постели, вцепилась пальцами в смятую во сне простыню и машинально прикусила губу. Жар, что родился в сновидении, не покинул мое тело до сих пор, и от этого к лицу прилила краска стыда. Даже самой себе я боялась признаться в том, что желала бы продлить те мгновения, задержаться во сне дольше, чтобы еще хоть на несколько мгновений испытать те невероятные, кружащие голову ощущения.

Переведя затуманенный взгляд на окно, я обнаружила, что уже наступило утро — за ним занимался рассвет.

ГЛАВА 14

Покинуть комнату и спуститься вниз незамеченной не составило большого труда. Накануне я поделилась с Бекки тем, что собираюсь уйти, и попросила мне помочь. Горничная не подвела — пришла вовремя, помогла быстро собраться и выйти через черный ход.

С Кираном мы условились встретиться у арки с розами, куда я пришла позже него. Садовник стоял, прислонившись спиной к одной из дуг, но стоило мне появиться в поле его зрения, как тут же двинулся навстречу.

— Миледи, может, мне пойти с вами? — спросила горничная, глядя на меня большими влажными глазами. — Это ведь так опасно...

— Все будет хорошо, — пообещала я, желая убедить в первую очередь себя. — Если будут меня спрашивать, скажи, что...

— Найду что сказать, можете не беспокоиться! — забыв о приличиях, горячо перебила Бекки. — Никто и не заметит, что вас нет!

Поддавшись какому-то внезапному, мимолетному порыву, я крепко ее обняла, а когда отстранилась, велела:

— Ни за что тебя здесь не брошу. Но если вдруг что-то случится и я не вернусь до вечера, забирай мои деньги и постарайся сбежать.

Как бы ни было больно и страшно за верную Бекки, взять ее с собой я сейчас не могла. Исчезновение нас обоих не осталось бы незамеченным и вызвало бы потом множество ненужных вопросов.

Киран провел меня на задний двор, через мостик над прудом, и скоро мы оказались прямо у ограды. С недавних пор это место вызывало стойкую неприязнь, от которой было не избавиться. Слишком свежи были в памяти воспоминания, как по ту сторону забора злобные псы едва не растерзали старую женщину. К моему облегчению, тут наш маршрут не закончился, и мы преодолели еще некоторое расстояние вдоль ограды. Шли до тех пор, пока не оказались в самой закрытой части двора, надежно огражденные разросшимися кустами и стволами скрюченных сухих вязов.

— Отойдите? — Отстранив меня в сторону, Киран взялся за железные прутья и напрягся.

С десяток секунд ничего не происходило, и только я хотела спросить, чего мы ждем, как вдруг заметила нечто поистине поразительное. Железо под его пальцами шло мелкой рябью, а после плавилось, стекая на землю тяжелыми вязкими каплями.

— Медленно выходите, и как только окажетесь за забором,

постарайтесь некоторое время не дышать.

Я была поражена увиденным. И поражена не столько внешней стороной действий Кирана, сколько внутренней — той, которую я различала магическим зрением. Я отчетливо ощущала исходящую от него силу, невероятно мощную, своеобразную и незнакомую.

Быстро справившись с собой, я пролезла в образовавшийся проем и, как только оказалась снаружи, затаила дыхание. Боясь пошевелиться, осторожно осмотрелась по сторонам насколько позволяло боковое зрение, но цвергов поблизости не обнаружила.

Киран не спеша прошел вслед за мной, после чего снова в напряжении замер. Капли расплавленной ограды стали медленно подниматься с земли и вопреки силе притяжения ползти вверх, вновь превращаясь в железные прутья. Казалось, время повернулось вспять, и такая ассоциация несколько поумерила мой невольный восторг. После определенных открытий любое воздействие на время виделось в самом мрачном свете.

Приложив указательный палец к губам, Киран взял меня за руку, и мы медленно направились в сторону поля. Мне все казалось, что сейчас раздастся пробирающий низкий рык и топот тяжелых лап, но позади не было слышно ни звука. От нехватки кислорода голова начала кружиться, в глазах постепенно темнело. Я хотела спросить, позволено ли уже дышать, и исподлобья посмотрела на Кирана. Он едва заметно отрицательно покачал головой и крепче сжал мои пальцы. Отпустил их лишь в тот момент, когда мы ступили на примятую от дождей, мокрую траву раскинувшегося перед лесом поля.

— Теперь можно, — разрешил Киран.

Я глубоко вдохнула и тут же закашлялась, буквально подавившись остротой свежего воздуха. Дав мне немного времени, чтобы прийти в себя, мой спутник уверенно двинулся к лесу, и я пошла следом.

Попутно не смогла удержаться от рвущегося с языка вопроса:

— Как вы это сделали?

— Я ведь не спрашиваю, каким образом вы общаетесь с призраками, — не оборачиваясь, ответил Киран, чем заставил меня в изумлении остановиться.

Выходит, он об этом знал?

— Леди Кендол, вы ведь не думали, что во время нашей встречи в лесу мною остался незамеченным этот факт, — все так же не оборачиваясь, продолжил садовник. — До настоящего момента вы производили впечатление рассудительной и разумной особы, каковые встречаются довольно редко. Не заставляйте меня в вас разочаровываться.

Меня мало волновало, разочарую я его или нет, но куда больше встревожила суть сказанного. Прежде я не задумывалась над тем, что Киран мог находиться рядом задолго до того, как призрак Рэда исчез. Сейчас это казалось не только наиболее вероятным, но и очевидным. Единственное, что мне не было известно наверняка, это видел ли сам Киран явившегося духа или же просто догадался о его присутствии по характерным приметам. Этот момент являлся крайне важным и мог послужить ключом к разгадке того, кем в действительности являлся новый садовник.

Как бы то ни было, сейчас было не лучшее время об этом думать, а о своем решении довериться Кирану я нисколько не жалела. И очень надеялась, что пожалеть не придется.

Когда мы входили в лес, я мысленно воспроизвела указания Джины. Чтобы выйти к жилью старухи, требовалось идти прямо, а на первой же развилке свернуть влево.

— Нам сюда, — указала в нужную сторону, когда мы оказались на перепутье.

Я уже пошла вперед, когда мне в спину внезапно донеслось возражение:

— Нет. Сюда.

Обернувшись, увидела, как Киран ступил на дорогу, ведущую вправо. Мне было неизвестно, куда она в итоге приведет и почему он собирался по ней идти. Вчера я даже не рассчитывала, что он отправится меня сопровождать, и сейчас могла бы спокойно пойти одна налево, где предполагала найти хижину ведьмы, но что-то заставило меня последовать за Кираном. Должно быть, та самая разумность, похвалу которой он недавно вознес. Заблудиться я не боялась, но вот вернуться в особняк незамеченной без помощи Кирана не могла. Хотя выбранный маршрут казался несколько странным, а действия садовника подозрительными, я считала, что поступаю верно. Ведь не заведет же он меня в непроходимую чащу, чтобы убить?

В лесу было сыро, пахло древесной смолой и хвоей. Тропу развезло, и под ногами хлюпала вязкая грязь. С мокрых веток падали капли, которые тут же подхватывал и швырял в лицо ветер, создавая иллюзию начавшегося дождя. Невзирая на мои старания придерживать подол платья, он все равно испачкался, равно как и туфли. Оставалось надеяться, что по возвращении в особняк мне никто не встретится.

«Если вернусь», — мысленно поправила я себя.

Вскоре мы снова оказались на небольшой развилке, и на сей раз Киран

уверенно повел меня по тропке, убегающей влево. Я заметила, что лес здесь стал несколько реже, а землю под ногами сменил булыжник, каким обычно выкладывают дороги в городе. Вдоль тропинки раскинулись усохшие кусты, некогда бывшие ухоженными розами. Дикая природа брала свое, и здесь, в лесу, являлась полноправной хозяйкой, безжалостно уничтожающей любые следы вмешательства человека.

Возникшие догадки превратились в стойкое убеждение, когда мы вышли из леса, и все та же узкая дорожка устремила к небольшой возвышенности, на которой виднелись кресты и невысокая черная ограда.

Мы приближались к кладбищу.

Судя по тому, что лорд Баррингтон выкупил поместье относительно недавно и его предки здесь не жили, я не ожидала, что на этом месте будет похоронена его жена. Сперва подумалось, что кладбище является городским и здесь хоронят всех жителей Риджии, но вблизи стало очевидно, что для этого оно слишком мало.

Здесь было не более ста могил, а в самом центре возвышался фамильный склеп. Надпись на табличке гласила, что в нем покоятся члены рода Палмеров. Чуть ниже имелась приписка, в которой сообщалось о трагической кончине семьи виконта, владевшего этими землями около века назад.

— Это они погибли на том пожаре? — спросила я, чувствуя, как по спине пробежал озноб.

— Да, — коротко ответил Киран.

Кладбище казалось пустым и заброшенным. Ветер не летал здесь, он словно полз по земле холодным сквозняком, напоминающим дыхание смерти. Редкая, по-майски зеленая трава, пробившаяся небольшими островками, казалась неуместным отголоском жизни в этом мире тлена. Здесь не росли деревца, на которых могла бы появиться молодая листва — лишь старые высокие сосны тоскливо поскрипывали, будто оплакивали кого-то или что-то давно ушедшее.

— Должно быть где-то здесь, — негромко проговорил Киран, идя между рядами могил.

Тихо ступая следом, я отметила, что доля истины в моих первых предположениях все же была. Здесь почтили не только владельцы поместья, но и некоторые горожане, имеющие достаточно высокое положение. Видимо, быть похороненным на здешней земле являлось своего рода честью, хотя вряд ли умерших это хоть сколько-нибудь волновало.

Киран остановился у могилы с относительно новым надгробием, на которое явно не поскупились близкие покойного. Вернее сказать, покойной.

Женщину на высеченном на камне портрете я узнала сразу. Графиня Баррингтон смотрела на нас лучистыми глазами, теплый блеск которых не смог заглушить даже холод мрамора. У могилы росли кусты алых роз, которые, как я успела понять, графиня очень любила.

— «Моей неумирающей любви, драгоценной Кэтлин, подарившей мне самые счастливые мгновения и прекрасную дочь. До скорой встречи, твой Нил», — на грани слышимости прочитала я выгравированную надгробную надпись.

До скорой встречи? Кто в здравом уме такое напишет? Либо решивший от горя покончить жизнь самоубийством, либо... черный маг, намеревающийся воскресить «неумирающую любовь».

— У них была дочь? — ахнула я, когда в полной мере осознала самое главное, и вслед за этим заметила рядом еще одну небольшую могилку.

В отличие от первой, ее венчал скромный, почерневший от дождей деревянный крест. Судя по надписи на накренившейся табличке, девочка по имени Аврора прожила чуть дольше двух лет.

— Графиня умерла при родах, — подтвердил мои умозаключения Киран. — Они были преждевременными, ребенок появился на свет слабым, врачу с трудом удалось его спасти. Но усилия оказались тщетными, и через несколько лет девочка отправилась вслед за матерью.

Звучало печально. Даже вообразить было сложно, как должен чувствовать себя человек, практически разом лишившийся и любимой жены, и ребенка. А ведь подобная, но еще более страшная трагедия произошла в этом месте век назад. Пожар унес множество жизней, среди которых был и сам виконт, и его супруга, и трое детей, о чем сообщала надпись на фамильном склепе.

— Вы что-нибудь знаете о том пожаре? — спросила я, обуреваемая неясной смесью чувств. — Что послужило его причиной?

— По официальной версии служанка забыла погасить свечу, стоящую у окна, — отозвался Киран. — Ночью от сквозняка пламя перекинулось на шторы в гостиной, а затем оно быстро распространилось по всему дому.

Переведа дух, я постаралась придать голосу спокойствие, которого вовсе не ощущала:

— Вы сказали — официальной. Существует другая?

Киран некоторое время молчал, явно раздумывая над тем, стоит ли об этом говорить, но в итоге все-таки ответил:

— Как вы знаете, в то время маги и колдуны все еще преследовались законом. Поэтому те из них, кто обладал достаточными средствами и влиянием, предпочитали скрываться в отдаленных уголках королевства.

Как показала практика, даром обладают не всегда безродные, никому не известные простолюдины. Довольно часто с магическими способностями рождаются в семьях аристократов. — Он выразительно на меня посмотрел, но не стал развивать эту тему и продолжил: — Предки виконта Палмера переехали сюда еще до начала «Чистки». Несколько десятилетий, когда борьба с магией была особо ожесточенной, в Риджии, тогда представлявшей собой несколько небольших деревень, все было относительно спокойно. Но прошло время, и на этих землях стали твориться странные вещи. Скот болел и сдыхал, река высохла буквально на глазах, люди в деревнях стали пропадать.

Он на миг замолчал, чтобы сделать акцент на следующей фразе:

— Особенно часто пропавшими становились молодые девушки.

Я машинально отрицательно покачала головой и напряглась, пытаюсь уловить взаимосвязь.

— Вначале все списывали на совпадения, — продолжал Киран, — но после местные жители стали подозревать причастность магии. По их наводке прибывшие охотники на колдунов увезли женщину, жившую на отшибе. Ее признали ведьмой и приговорили к смерти через сожжение на костре. Но трагедии на этом не прекратились. Уже через пару недель в лесу было найдено тело еще одной девушки. Тогда многие задумались над тем, что произошла ошибка и, возможно, виновен кто-то другой, но очевидных доказательств не имелось. Проще было списать возобновившиеся смерти на проклятие сожженной ведьмы. Прошло еще немало времени, прежде чем в деревнях родилось единодушное мнение: настоящим черным магом является виконт. Именно с переезда его предка началась череда странных смертей. Но доказательств опять же не было. Судя по всему, человеком он был достаточно влиятельным, чтобы купить всех, кого требовалось. Существует предположение, что пожар в его доме произошел не случайно. Вероятность того, что он начался от одной непотушенной свечи и никто из недремлющих слуг вовремя не забил тревогу, крайне мала.

— Люди хотели избавиться от лорда Палмера, — кивнула я, отведя от лица выбившуюся из прически прядь. — Но при чем здесь его семья? Ведь погибли ни в чем не повинные дети...

— Вы считаете, — в голосе Кирана зазвучала холодная сталь, — погибшие девушки или их семьи были в чем-то виноваты? Толпа редко бывает справедлива, леди Кендол. Ею движет жажда мести, и когда эту жажду не может утолить закон, люди действуют сами.

Внезапно он сделал шаг ко мне и, приподняв за подбородок, посмотрел прямо в глаза:

— Что вы знаете о черной магии, Амина?

Загипнотизированная его взглядом и близким присутствием, с ответом я не нашлась, но его и не требовалось.

— Это сила, отнимающая жизнь. И что самое страшное — душу. Черные маги не принадлежат себе с того самого мгновения, как впервые ступают на темный путь. Пролитая чужую кровь во имя собственных целей, они продают душу, обрекая ее на вечные муки.

— Вы верите в загробную жизнь? — глухо спросила я, чувствуя, как мой подбородок сжали чуть крепче.

— Муки ожидают их не только на том свете, — продолжая смотреть в упор, ответил Киран. — Они преследуют их и на этом.

Нечто глубокое, полное тщательно скрываемой боли отразилось на дне находящихся напротив глаз. То был лишь миг, но его хватило, чтобы распознать оттенок неподдельной горечи и тоски по чему-то утерянному и дорогому.

Почувствовав себя так, словно увидела нечто слишком личное, я не выдержала и отвела взгляд. Киран убрал руку от моего лица, что вызвало долю облегчения вкупе со смутным сожалением.

Вновь переведя взгляд на могилу графини, я замерла, осмысливая полученную информацию. Невзирая на гнетущее впечатление, какое производило это место, я была рада тому, что сюда пришла. Некоторые вещи прояснились, некоторые стали еще запутаннее, но в любом случае был сделан значительный шаг вперед.

Невзирая на события, связанные с потерей родителей, я никогда не боялась кладбищ. Напротив, часто просила гувернантку отвести меня на могилы родных, и когда та, сочувствуя, соглашалась, испытывала своего рода удовлетворение. Эти места виделись мне в первую очередь обителью покоя. Помнится, я могла сидеть на маленькой, выкрашенной черной краской скамеечке часами — до тех пор, пока не сжаливалась над гувернанткой и не позволяла себя увести. В то время мне казалось, что именно в этом царстве тлена можно заглянуть в вечность. Я поднимала глаза к небу и благодарила его за то, что живу. Представляла, как тысячи белоснежных крылатых существ смотрят на меня сверху и тихо улыбаются, а улыбки их долетают до меня скромными солнечными лучами.

Наверное, поэтому меня и не сильно пугали встречи с призраками вроде Евы и графини. К чему бояться мертвых? Бояться следует живых.

Мой задумчивый взгляд опустился на могилу девочки.

Повинуясь какому-то странному, не до конца осознаваемому желанию, я присела на колени и положила пальцы на влажную землю. Сердце

колотилось как бешеное от смутного понимания своих действий. Стоящий за спиной Киран молчал, и в эти мгновения я не ощущала его присутствия — просто забыла о нем. Забыла обо всем, целиком и полностью подчинившись ведущей меня силе.

Перед глазами появился расплывчатый туман, ладони наполнились теплом, мгновенно отогревшим замерзшие пальцы. Я увидела ребенка. Маленькую девочку — худенькую и бледную, с короткими каштановыми волосами. Коротенькое платьишко сливалось с туманом, который размывал и почти прозрачные черты лица. Всего мгновение, и передо мной предстал силуэт обнимающей ее женщины. Сперва подумалось, что это ее мать, но цвет волос был таким же каштановым, как у ребенка, а графиня была светловолосой.

То, что я видела, не являлось призраками. Не могла понять, чем именно, но скорее то был образ воспоминаний, на короткие мгновения показавшийся мне из-за грани. Я смогла рассмотреть дорого обставленную комнату, в которой узнала одну из гостиных особняка с той же мебелью, широким темным ковром и горящим камином.

— Амина, — позвал меня голос, тут же разрушивший хрупкое видение.

С трудом поднявшись с колен, я отряхнула платье, но не стала смотреть на Кирана. Увиденное слишком меня шокировало, и рассказывать об этом не хотелось. Сколько себя помнила, меня всегда посещали лишь сны, и прежде видеть ничего подобного мне не приходилось.

ГЛАВА 15

Не прошло и часа, как мы с Кираном шли по дороге, ведущей к дому так называемой ведьмы. В душе творилась полнейшая сумятица, из которой удалось вычленить две основные цели: первая — спросить, как помочь Делоре, вторая — попытаться узнать что-нибудь о Еве.

— Думаете, события вековой давности и теперешние как-то связаны? — разрушила я повисшее между нами гнетущее молчание.

— Возможно, — уклонился от прямого ответа Киран.

— Если виконт Палмер практиковал черную магию, а жертвами становились в основном девушки, то может ли это означать, что он также проводил «Круг двенадцати душ»? — рассуждала я вслух, даже не ожидая от него ответа.

Но Киран удивил:

— Совсем необязательно. Скорее, он ставил эксперименты, пытаясь понять принцип его действия. О таком ритуале даже в наши дни известно крайне мало, он является одним из самых древних в области магии.

— Зал для ритуала не мог появиться просто так, — проследила я за ходом мыслей Кирана. — Его создавали с определенной целью. Быть может, виконт и устроил скрытую комнату, которая несколько не пострадала во время пожара? Дом стоял заброшенным долгие годы, пока Сторм-Делл не выкупил лорд Баррингтон. Обладающий магией граф обнаружил зал для проведения соответствующего ритуала, а возможно, нашел и какие-то уцелевшие записи.

Мне вспомнился дневник, который удалось прочесть в кабинете. Он принадлежал лорду Баррингтону, но не исключено, что информацию для своих записей граф черпал как раз из трудов умершего век назад виконта.

— И все-таки вы не разочаровываете, — усмехнулся Киран.

Между нами снова повисло молчание, но на сей раз оно не было напряженным. Отложив размышления до вечера, я сосредоточилась на теперешней задаче и, осмотревшись, лишний раз убедилась в том, что сплетни всегда врут. По легендам, которые люди шепотом и в страхе передавали из уст в уста, живущие в глуши ведьмы отравляли все вокруг себя. Говорили, что они намеренно сбегали из городов и жили в глуши, дабы вдали от закона творить свою страшную магию.

Однако окружающий нас лес ничем не отличался от самого обыкновенного. Он даже казался несколько светлее, нежели близ поместья,

а появившись сейчас солнце, наверняка показался бы еще дружелюбнее. Где-то стучал дятел, щебетали птицы, и звуки эти подхватывало громкое эхо.

— Дальше пойдете одна, — произнес Киран, когда невдалеке появились очертания старой хижины.

— Почему? — Я не имела ничего против, но все же захотела спросить.

— Скажем так, — он перевел на меня неизменно внимательный взгляд, — вряд ли она захочет говорить с вами в моем присутствии.

Больше ни о чем расспрашивать я не стала и, коротко кивнув, уверенно зашагала вперед. Никакого страха от предстоящей встречи со странной старухой не испытывала, и мною владело лишь желание узнать способ спасти Делору, а вместе с ней и всех нас. Разумно ли просить совета у скрывающейся в лесу ведьмы? Возможно, и нет. Вот только другого выхода все равно не было. И раз Киран, явно не испытывающий к колдунам теплых чувств, не стал меня останавливать, значит, попытаться стоило тем более.

Киран... все-таки что он за человек? Какие мотивы им движут? В настоящий момент предположение у меня имелось всего одно, и я не знала, рада буду, если оно окажется верным, или же нет. Его связанные с магией умения, особая энергия, нелюбовь к колдунам и только что сказанные слова наталкивали на мысль, что Киран является специалистом по сверхъестественным явлениям. Или, говоря проще, охотником.

За свою жизнь мне ни разу не приходилось сталкиваться с ними лично. Их центры располагались в каждой области, а самый главный, где работали высшие специалисты, — в столице. Несколько раз я видела, как их патруль обходил город в поисках сбежавшего преступника, приговоренного к пожизненному заключению за использование запретной магии. Тогда мы с кузиной были детьми, стоящими у лавки игрушек вместе с гувернанткой. До сих пор я помнила ужас, охвативший меня при виде бесстрастных, будто каменных лиц, строгой черной формы и таких же черных плащей. Отряд охотников казался непобедимой силой, которую я могла не только видеть, но и ощущать всем своим существом.

Но специалисты по сверхъестественному не всегда работали в группах. Бывали случаи, когда дело поручали одиночкам — как Кирану, если он действительно являлся тем, кем я думала.

Мои знания об охотниках большей частью были почерпнуты из учебников и книг. Впервые увидев картинку, где отряд окружает нескольких колдунов и распределяет их по деревянным клеткам, чтобы отвезти на место казни, я еще долго приходила в себя. Конечно, сейчас методы в корне изменились, равно как смягчились и законы, но среди

специалистов до сих пор оставались те, кто желал вернуть былое.

Мысли и обрывки воспоминаний проносились одно за другим до тех пор, пока я не оказалась прямо перед дверью. Она была не заперта, но просто так войти я не решилась и сперва постучала. Показалось, что все звуки моментально смолкли, и в наступившей тишине стук прозвучал особо громко.

— Входи, — донеслось из недр дома, и я повиновалась.

Старые петли скрипнули, и, как только я вошла, дверь за мной закрылась, отрезая от внешнего мира.

В хижине было всего две комнаты: та, где я оказалась, служила одновременно и прихожей, и кухней, и столовой. Под потолком болтались пучки остро пахнущих высушенных трав, в углу стоял выдавший виды комод, украшенный искусной резьбой, а над ним висело треснутое зеркало в такой же резной раме. Голый дощатый пол местами просел, кое-где на нем виднелись следы плесени, как и на стенах.

Место было не слишком приятным, но, как ни странно, отторжения не вызывало. Если бы мне пришлось выбирать между особняком лорда Баррингтона и этим неказистым домом, я бы без раздумий отдала предпочтение второму. И прежде всего потому, что в нем не ощущалось того темного, что заполнило все поместье Сторм-Делл.

Старуха сгорбившись сидела за столом и перебирала какие-то бобы. Удостоив меня беглого косога взгляда, она снова погрузилась в свое занятие, а я как-то неловко замялась на пороге.

— Пришла все-таки, — наконец проговорила она, так и не подняв глаз. — Не побоялась сунуться в самое логово безумной ведьмы?

Невольно поежившись, я тут же взяла себя в руки и уверенно к ней приблизилась.

— Можно? — спросила, кивнув на соседний стул и, получив молчаливое позволение, присела. — Мне нужна ваша помощь. Вернее, не совсем мне, а одному... человеку.

Старуха усмехнулась:

— Девчонке из друидов? Так опоздала ты, ей уже ничем не поможешь. Тело-то можно исцелить, а сознание ее заснуло.

Я невольно отшатнулась, как от удара, но, не позволяя отчаянию взять верх раньше времени, уточнила:

— А душа?

— А что — душа? — Несколько очищенных бобов с глухим стуком упали в глиняную миску. — Бьется она внутри, но сделать ничего не может. Знаешь, что в сущности являет собой человек? Не оболочку, которую мы

видим, а скрытую суть — вездесущий дух, сознание и ту самую душу. Так вот тело Делоры сейчас ее же клеткой стало, и выбраться на свободу она не может.

Неожиданно старуха стукнула кулаком по столу и надтреснутым голосом прокричала:

— Чтоб им всем в пекле гореть! Столько жизней сломали, столько девушек загубили! Но Ева-то не по зубам вышла, все им спутала доченька моя милая. Да только и ее сгубили, проклятые...

Услышав знакомое имя, я чуть подалась вперед. Сейчас передо мной сидела несчастная, убитая горем женщина, которая к тому же была ужасно одинокой. Она явно не была ведьмой в том понимании слова, каким его наделяли суеверные люди. Если она и озлобилась, а рассудок ее помутился, то лишь от пережитых страданий.

Что же это за места такие? Куда ни посмотри — везде поломанные судьбы и земля, не просыхающая от проливаемых слез.

Не зная, как отреагирует моя собеседница, я все же решилась сказать:

— Я видела вашу дочь.

И, заметив, как во внезапно поднятых глазах отражается гремучая смесь чувств, добавила:

— Она являлась мне в виде призрака. Хотела предупредить и показать некоторые вещи. Сначала я приняла ее за покойную графиню, но потом убедилась, что ошибаюсь.

Сухие крючковатые пальцы с силой вцепились в мою руку, и, жадно вглядываясь мне в лицо, старуха спросила:

— Что? Что именно она делала?

— Указала на спрятанную магией комнату и дверь, ведущую на чердак, — не стала скрывать я и без перехода спросила: — Что вы имели в виду, когда говорили, что Ева им все спутала? И кому — им?

Посмотрев в глаза еще несколько долгих секунд, старуха отпустила мою руку и ответила неожиданно ровным голосом:

— Лорду с его верным помощником, кому же еще. Я знаю, что ты нашла его — кулон с черным обсидианом. В отличие от многих Еву забрали в поместье насильно и, пока она сопротивлялась, держали взаперти. Только когда она сделала вид, что покорилась, ей позволили выходить из комнаты. Поняв, что должно случиться, она решила этому помешать. Но даже я не могла ничего сделать. — Челюсти старухи сжались, ногти прочертили по крышке стола, оставляя на ней кривые царапины. — У проклятого лорда было все — и власть, и сила, и деньги, поэтому его было не одолеть. Но Ева сумела всех провести. Сама ступила

на темный путь, лишь бы им помешать. Душу свою разорвала, чтобы заключить ее часть в обсидиане. И когда пришло время ритуала, он завершиться не смог, потому что одна из двенадцати душ являлась неполной. Да... все не так пошло. И одиннадцать оставшихся душ тоже на части разорвало, а некоторые из них так и застряли в нашем мире, не уйдя за грань...

Всех тонкостей я не понимала, но суть была ясна как белый день. Не требовалось дополнительных пояснений, чтобы понять: оставшиеся части одиннадцати душ сейчас обитали в особняке в виде темных призраков. А пока существовал камень, существовала в этом мире и часть души Евы. Мертвое всегда стремится к живому, потому темных призраков и притягивала подвеска с заключенной в ней жизненной силой.

— Когда это все случилось? — сглотнув, глухо спросила я. — В какой день проводили ритуал?

— «Круг двенадцати душ» проводят в день смерти того, кого хотят вернуть, — ответила старуха. — Графиня скончалась тринадцатого июня.

Старуха поднялась с места и, взяв миску, вывалила содержимое в кипящий на огне котел. Затем захватила пальцами щепотку соли, выдернула из пучка несколько сушеных трав и отправила туда же.

Я сидела, думая о том, что Банни была права — остался всего месяц до того, как все находящиеся в особняке девушки окажутся в жутком зале. Это случится через неделю после моего дня рождения. Я никогда его не любила и не почитала за праздник, а теперь и вовсе желала пролистнуть, как страницу книги. Неужели придется ложиться в наполненную ванну, слушать произносимые надо мною слова и смотреть в пустые лица окружающих? Нет! Этому не бывать. Разве что в нее меня засунут насильно, связав перед этим руки и ноги.

Пока я была поглощена далеко не радужными мыслями, старуха вернулась за стол и сгребла шелуху от бобов, придвинув ее ближе к себе.

— А ты ведь тоже непроста, — неожиданно произнесла она, и я буквально физически прочувствовала на себе ее взгляд. — Как жаль, что такой дар пропадет... Да и тяжело как — себе подобных убивать... Но ничего, мою душу уже все равно ничто не спасет, а хуже уже и быть не может...

Пока я пыталась вникнуть в ее нелепое бормотание, в ушах стоял предупреждающий об опасности звон. Всей своей сущностью, каждой клеточкой тела я чувствовала приближение чего-то неотвратимо ужасного, но прежде чем успела как-то отреагировать, старуха размяла в пальцах шелуху и одним резким движением швырнула мне в лицо.

Перед глазами мгновенно помутилось, я закашлялась и обхватила шею холодными руками. Показалось, что мир пошатнулся, и теперь все воспринималось смазанными, медленно движущимися картинками. Я словно приросла к стулу и не могла ни заговорить, ни пошевелиться, а когда немного пришла в чувство, обнаружила и себя, и все вокруг опутанным тонкими нитями паутины. Они покрывали стол, комод, пустую миску, висели в воздухе, слегка переливаясь под робким лучом дневного света, проникающего сквозь маленькое оконце.

— Прости. — В скрипучем голосе не было ни капли сожаления. — Не будет одной из вас, не будет и ритуала, замену найти не успеют...

Старуха по-прежнему сидела на соседнем стуле, но паутина ее не касалась. Маленькие черные глаза блестели в полумраке комнаты и были направлены на меня.

От абсурдности происходящего захотелось истерически расхохотаться, но из сжатого спазмом горла не вырвалось ни звука. Неужели мне действительно суждено умереть здесь? Вот так просто и глупо, придя прямо в расставленную смертельную сеть?

С каждой секундой паутины становилось все больше, и я чувствовала, как она вытягивает из меня силы. По полу был рассыпан черный порошок, в который превратилась брошенная в меня шелуха. Я видела себя в отражении разбитого зеркала — бледную, потерянную, похожую на бабочку, угодившую в лапы к старому пауку.

— А ты похожа на Еву, — с какой-то безумной нежностью проговорила старуха, шершавой ладонью проведя по моей щеке. — Не внешне, конечно, внутренне... Не зря обе шестого июня родились. Хочешь, я расскажу тебе одну сказку?

«Нет!» — хотелось крикнуть, но я продолжала сидеть неподвижно.

— Слушай, милая, и засыпай, — ласково произнес скрипучий голос. — Это история о людях, погубивших целую семью, и о девочке, которой удалось сбежать. Однажды поздним вечером дочь виконта шла по коридору особняка и увидела служанку, выходящую из гостиной. Та была до того чем-то напугана, что даже не заметила ее присутствия. Когда служанка ушла, девочка приблизилась к гостиной и увидела, что комната охвачена огнем. Горели занавески, пламя ползло по полу, пожирая мебель и дорогие ковры. Девочка испугалась и выбежала в сад. Она прижимала к себе куклу и смотрела, как огонь распространяется по всему дому. Ей было так страшно, что она не могла даже кричать. Хотела вернуться в дом, чтобы разбудить родителей и братьев, но тут у ворот послышалось множество голосов. Девочка обернулась и увидела толпу людей. У них были горящие

факелы. Люди разбили стекла и побросали факелы внутрь. Девочка побежала к двери, но та оказалась заперта. Тогда дочь виконта бросилась на задний двор, где находился вход в подвал. Она спустилась вниз по каменной лестнице и спряталась там. Сидела, закрыв руками уши, только бы не слышать холодящих кровь криков...

Голос старухи звучал негромко и обволакивал, подобно спокойной ночной колыбельной. И я засыпала.

В детстве мне не рассказывали сказок, и пускай эта была страшной, слушать ее все равно было приятно. Тело охватила истома, руки и ноги налились теплым свинцом, а веки медленно закрывались...

— Девочка выжила, — продолжала рассказчица. — Она выбралась из своего укрытия и оказалась среди едкой удушливой гари, наполнившей воздух. На месте дома остались черные руины, а там, где когда-то рос прекрасный сад, лежал лишь пепел, который подхватывал ветер. Дочь виконта убежала, взяв только куклу и деньги из папиного тайника, который никто не сумел найти. Она скрылась в лесу, и больше ее никто не видел... Такая вот история.

Я все глубже и глубже погружалась в окутавшее меня марево. Слова звучали все дальше, и мне казалось, что я плыву, подхватываемая невидимыми волнами. Какая-то часть меня пыталась сопротивляться, сбросить навязанный смертельный сон, но попытки эти были до того жалкими, что не могли привести к какому-то результату.

Внезапно хлопнула входная дверь и в комнату ворвался поток свежего ветра. Он подхватил рассыпанную черную труху, всколыхнул опутавшую меня паутину, и я вздрогнула. Приоткрыв веки, с трудом различила фигуру, стремительно надвигающуюся на старуху, которая в этот миг издала какой-то невнятный гортанный вопль.

Не прошло и секунды, как я очнулась и, включившись в ситуацию, тут же начала выпутываться из тонких липких нитей. Они лезли в глаза, цеплялись за волосы, и мне, едва не впадающей в панику, удалось избавиться от них далеко не сразу.

— Я бы убил тебя, — послышался голос Кирана, в этот момент прижавшего к шее ведьмы острый кинжал, — но предпочту вверить твою судьбу справедливому суду.

До этого испуганная старуха хрипло засмеялась:

— Справедливому? Людской суд не бывает справедливым. Вы только и можете бояться того, чего не в силах понять. Бояться и ненавидеть. Посмотри, до чего довели тех, кто подобен мне? Мы живем в нищете и как крысы прячемся по норам.

— Та магия, что не является запретной, уже давно не преследуется законом, — возразил Киран, не отнимая кинжала. — Рожденные с даром могут жить спокойно и не бояться преследований. А таким, как ты, место на виселицах и в тюрьмах. Хотя нет, твое место в лечебнице для душевнобольных.

Мне наконец удалось избавиться от паутины, и, подскочив с места, я замерла в шаге от Кирана со старухой. Сознание прояснилось не полностью, горло саднило, а голова раскалывалась на части.

— Могут не бояться преследований? — переспросила хозяйка хижины, оставив без внимания все остальное. Она медленно подняла руку и, глядя Кирану в глаза, указала на меня. — Если это так, то почему даже она скрывает свою магию?

С моих губ сорвался сдавленный вздох, а Киран промолчал, продолжая неподвижно стоять в той же позе.

— Даже аристократы боятся осуждения, что уж говорить о простолюдинах. И этого не изменить. Люди жестоки, они хотели и будут хотеть уничтожить все то, чего не в силах понять.

— Скажи спасибо, — голос Кирана прозвучал угрожающе тихо, — что ты больна. Твои сегодняшние действия продиктованы внутренней тьмой. И незачем прикрываться другими, пытаюсь себя оправдать.

Резко убрав кинжал, он обернулся и, мягко тронув меня за плечо, подтолкнул к выходу. Ноги словно одеревенели и не слушались, и я едва могла ими передвигать.

— А как же она? — хрипло спросила, когда мы вышли на улицу.

— Никуда не денется, — мрачно бросил Киран. — Трогать ее пока нельзя.

Я очень старалась держаться и не показывать свою слабость, но пережитое в доме у ведьмы отняло много сил, и, ослабев, я опустилась на поваленное дерево. Уронила голову на руки и тяжело дышала, слушая сумасшедшее биение собственного пульса.

Киран присел рядом. Он не делал попыток как-то меня утешить, но одно его молчаливое присутствие служило мне поддержкой. Было так важно знать, что среди всего этого безумия существует хотя бы один человек, которому я могу доверять. Пускай не полностью и с опаской, но все-таки могу.

— Вы охотник? — Вопрос вырвался неожиданно легко.

Я не подняла на Кирана глаз, продолжая смотреть в землю, и потому не знала, что отразилось на его лице в тот момент. Возможно, удивление, раздражение или злость, а быть может, оно и вовсе осталось бесстрастным.

— А вы обладаете магией, — последовало за недолгой паузой.

— Вы не ответили.

— Предпочитаю называться специалистом по сверхъестественному. —
Голос Кирана остался ровным.

Пользуясь его внезапной откровенностью, я решила узнать больше.

— Почему вы появились в Сторм-Делле? Преследуете какие-то личные цели или вас послали выяснить, что здесь происходит?

— Я не стану отвечать, — отрезал он и, мгновенно смягчившись, вкрадчиво добавил: — Но вы можете догадаться сами.

Я не понимала, к чему все усложнять, когда и без этого хватает проблем, но приняла его условия. У меня имелись кое-какие мысли по этому поводу.

— Вы как-то упоминали, что сейчас в Сторм-Делле ощущается такая же магическая активность, какая была после пожара и в тот год, когда сюда привезли первых двенадцать девушек. Возможно, это и привлекло внимание центра специалистов. Но лорд Баррингтон знатный человек, имеющий достаточное влияние в обществе, и вторгнуться на его земли без его согласия нельзя. Когда-то он сам обратился к специалистам по сверхъестественному, сообщив о присутствии в особняке темных призраков. Когда те прибыли и провели обыск, то из-за большого скопления темной энергии могли лишь посоветовать лорду переехать. Нейтрализовать ее было им не по силам. Сейчас ситуация повторяется, но, поскольку ранее обыск уже проводился, мое первое предположение отпадает. Даже если ваш центр обеспокоен из-за скопления в Сторм-Делле темной энергии, руководство понимает, что сделать ничего не сможет. Граф переезжать отказывается, а посылать вас, чтобы его переубедить, по меньшей мере, глупо.

Я на мгновение замолчала и, посмотрев на Кирана, закончила:

— Соответственно можно сделать вывод, что вы прибыли сюда и нанялись садовником по личным причинам.

Уголки его губ чуть приподнялись, а в глазах отразилось нечто, отдаленно напоминающее восхищение.

— Вы не перестаете меня удивлять.

Ни подтверждать мои слова, ни опровергать их Киран не стал, но его реакция красноречиво свидетельствовала о том, что в своих умозаключениях я оказалась права.

— И что теперь делать? Может, мне все же стоило уйти? — спросила с изрядной долей сомнения. — В одном старуха права: не будет хотя бы одной девушки, и ритуал не состоится.

— Ритуал состоится, — возразил Киран. — Слишком много сил потрачено на то, чтобы его подготовить. Не думайте, что вам не сумеют найти замену. Что бы ни случилось, его попытаются провести, и девушки пострадают в любом случае. Уверены, что сумеете спокойно жить, зная, что бросили остальных умирать?

Он надавил на больное. Я не могла уйти, оставив на произвол судьбы не только подруг по несчастью, но и Бекки, которой обещала непременно вернуться.

— Что же делать? — едва не застонав, повторила я свой вопрос. — Как это остановить? Если не могу уйти я, должны уйти вы! Отправляйтесь в город, берите остальных специалистов и возвращайтесь с ними. Доказательств — полный дом, уверена, они поверят и послушают...

— Не могу, — глухо ответил Киран. — И вы, даже несмотря на свое положение, ничего не сумеете добиться. Вас тут же отправят к опекуну, откуда снова переправят в Сторм-Делл. Просто поверьте мне на слово, не так просто убедить в своей правоте тех, кому долгие годы исправно платили.

Я невольно нахмурилась, осмысливая сказанное.

— Хотите сказать, что... Боже, специалисты и стражи правопорядка куплены?

— В Риджии — да. В прошлый раз все было точно так же, и никто не стал даже слушать.

— В прошлый раз? — не поверив, переспросила я. — Вы были здесь и в прошлый раз?

Киран поднялся и, оставив вопрос без ответа, бросил:

— Пора идти. Впрочем, если хотите, я прямо сейчас выведу вас из леса, дам денег и отправлю в близлежащий город. Дальше сопровождать не смогу, но подскажу, где можно остановиться, пока здесь все не уляжется.

Предложение было крайне заманчивым. Передо мной предстала возможность выбора, которая так страшила прежде. Это ведь так просто — согласиться, уехать и не возвращаться в дом своих оживших кошмаров. Бежать без оглядки, исчезнуть и забыть обо всем, как об ужасном сне...

— Вы правы, пора идти. — Я обогнала Кирана и пошла вперед, чувствуя, как ноги все еще дрожат. — Нужно вернуться в особняк как можно скорее.

Я не видела лица своего сопровождающего, но могла бы поклясться, что его губы тронула мимолетная улыбка.

ГЛАВА 16

После времени, проведенного за пределами поместья, стены особняка давили еще сильнее. Будто сам воздух здесь был тучным, вязким, мешающим дышать. Казалось, теней стало еще больше — они выползли из углов и заполнили все комнаты, облепив стены, полы и потолки.

Оказавшись в своей комнате, я шумно выдохнула, чувствуя несказанное облегчение от того, что все прошло гладко. Киран проводил меня до черного хода, откуда я уже сама никем не замеченной добралась до нужных покоев.

Как раз наступило время обеда, и Лилианы в комнате не было. Бекки тоже отсутствовала, поэтому мне пришлось приводить себя в порядок самой. Очень хотелось принять ванну, но ее горничная не подготовила, так что я ограничилась переодеванием.

В столовой стояла непривычная давящая тишина. Девушки сидели, опустив глаза в тарелки, и единственным звуком являлся стук вилок и ножей о фарфоровые тарелки.

— Леди Кендол, уже вернулись? — встретил меня вопросом Дженкинс, подающий второе блюдо.

Я едва удержалась от того, чтобы чем-нибудь себя не выдать, и как можно спокойнее ответила:

— Да.

— Надеюсь, вы приятно провели время за чтением? — Дворецкий поймал мой взгляд и вежливо добавил: — Осмелюсь полюбопытствовать: какую книгу вы нашли столь интересной, что пропустили завтрак?

— «Перекресток» Тридона Байра, — не моргнув глазом соврала я, вспомнив, что видела свое любимое произведение в здешней библиотеке.

Такой ответ Дженкинса удовлетворил, и он несколько расслабился, незамедлительно предложив мне присесть за стол. Я была голодна, и потому поставленное передо мною блюдо из бараньих ребрышек вызвало острое желание тут же на него наброситься... как и чай, налитый дворецким в мою чашку.

Сосредоточившись на еде, я не сразу поняла, что смущает меня в царящей за столом атмосфере, помимо неестественной тишины.

— Передайте, пожалуйста, соль, — на грани слышимости прозвучал голос, и, подняв глаза, я увидела незнакомую девушку.

Новоприбывших было две, и выглядели они ненамного лучше

остальных. Ранее появление новых лиц в поместье вызывало всеобщий гвалт и оживление, но сегодня казалось, что никто не замечает их присутствия. Даже Габи на прозвучавшую просьбу откликнулась далеко не сразу и действовала несколько заторможенно. Прочие и вовсе пропустили слова новенькой мимо ушей, уставившись в свои тарелки.

Находиться здесь было невыносимо, но я понимала, что должна вести себя примерно так же, иначе подозрений не избежать. Дженкинс и так держался по отношению ко мне с заметной настороженностью — словно цверг, готовый вцепиться при малейшем проблеске неповиновения.

До проведения ритуала остался всего месяц, и шутки закончились. Киран прав: сейчас, когда цель так близка, лорд Баррингтон ни за что не отступится. В прошлый раз ему сумела помешать Ева, и больше он не намерен совершать ошибок.

— Леди Кендол, — забирая пустую тарелку, обратился ко мне дворецкий, задержавшись взглядом на полной чашке, — вы не выпили чай.

Я не нашла ничего другого, кроме как так же вежливо улыбнуться.

— Должна признаться, я предпочитаю кофе.

За обедом у меня не было возможности его куда-нибудь вылить, и теперь я прекрасно сознавала, что лишь укрепила подозрения Дженкинса. Но лицо дворецкого, как всегда, оставалось бесстрастным, и было невозможно понять, что он испытывает в этот момент. На какие-то жалкие доли секунды показалось, что от него исходит легкое довольство — но это ощущение лишь слегка коснулось меня и тут же исчезло.

Возвращаясь в комнату, я надеялась застать там Бекки, но горничная по-прежнему отсутствовала. Сопровождающая меня экономка тоже ничего не знала и сообщила, что в последний раз видела ее еще утром. Помимо этого миссис Эртон сказала, что для меня подготовили новые покои, в которые можно переезжать прямо сейчас. Эта новость произвела на меня двойственное впечатление: с одной стороны, я была рада избавиться от общества Лилианы, а с другой — не хотела снова оставаться одна. Как бы то ни было, моим мнением поинтересовались лишь из вежливости, и желала я того или нет, пришлось переселяться в подготовленную комнату. Она мало чем отличалась от той, где я жила прежде, так что пребывание здесь обещало быть комфортным, насколько это вообще было возможно. Отметив, что окна выходят на конюшни и домик садовника, я осталась вполне довольной.

Вещи сюда попросили перенести Кирана, при виде которого мне с трудом удалось сохранить равнодушие. Утренняя вылазка была свежа в памяти, и я чувствовала, что она нас в некотором смысле сблизила.

Оставшись в одиночестве, я прилегла на кровать и сама не заметила, как задремала. Сказался ранний подъем и очередной пережитой стресс, так что глаза помимо воли слипались, а сознание постепенно затягивалось убаюкивающей туманной дымкой. Мне стало непривычно спокойно, и все страхи канули в небытие. Безмятежная легкость наполнила меня изнутри, вытеснив тревоги и печали, заставив поверить в то, что я в безопасности. Я помнила о проблемах, как и о том, что нужно что-то делать, но это стало неважным.

Меня разбудил тихий щелчок двери, за которым послышались такие же тихие шаги. Смутно сознавая, что это может быть Бекки, я открыла глаза и приподнялась на кровати, но вместо своей горничной увидела приближающуюся Габи. Девушка выглядела взволнованной и совсем не походила на ту, какой я видела ее сегодня за обедом. В ее движениях больше не было медлительности и заторможенности, а глаза казались ясными.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я у нее, отгоняя остатки сна.

Габи присела рядом и вместо ответа горячо зашептала:

— Ты была права, во всем права! Я еще тогда поверила, просто не подала виду. И я знаю, что нельзя пить чай, поэтому уже давно стала незаметно его выливать. Здесь все будто чокнулись — ходят, ничего не видя перед собой, и ни на что не реагируют... даже Виола! Это жуткое место. Все платья и подарки — одна мишура, чтобы заглушить бдительность. Слуги здесь тоже странные, все как один. Сегодня, когда ты не спустилась к завтраку, Дженкинс и миссис Эртон о чем-то спорили. Экономка говорила, что это всего лишь совпадение, а дворецкий настаивал, что пора положить этому конец. Кажется, потом к ним подошел Виктор, но я не уверена — голоса смолкли, и я совершенно не поняла, о чем речь, но есть вероятность, что говорили о тебе.

От обрушивающегося на меня потока информации голова шла кругом, но уловить главное мне все же удалось: Габи такая же, какой была прежде, и она не пьет лишаящий воли чай.

— Я еще вот что думала, — продолжала она. — Со мной-то все понятно, в Сторм-Делл приехала по своей воле, а вот с семьями тех, кого отправляли насильно, не все чисто. До того, как впасть в это жуткое безразличие, Виола говорила, что ее родителям стали поставлять дорогой красный чай, на котором те буквально помешались. Возможно, свойства у него несколько отличались от того, что дают нам, но в него однозначно что-то подмешивали!

От изумления сон слетел окончательно, и я поняла, что Габи права. В

отличие от меня она сумела додуматься до элементарной вещи, которая почему-то даже не пришла мне в голову. Дяде ведь тоже присылали этот чай — кажется, он упоминал, что покупает его у уважаемого заезжего торговца, но кто знает, кем тот являлся на самом деле? Чай из ариданской розы появился в доме лорда Кендола несколько месяцев назад, и этого срока вполне доставало для того, чтобы пошатнуть волю такого уверенного и проницательного человека. Тем, кто находится под влиянием дурмана, гораздо легче манипулировать. Ничто не стоит внушить ему мысль поступить так, как нужно. Вероятно, такой же чай пили и родители остальных девушек перед тем, как отправить их в поместье Сторм-Делл.

— И еще кое-что, — выдернул меня из вихря мыслей голос Габи. — Дженкинс заметил, что ты не пьешь чай, и сегодня добавил его порошок в панировку баранины.

— Что? — невольно вскрикнула я и, спохватившись, уже тише добавила: — Откуда ты знаешь?

Габи покачала головой.

— Не знаю наверняка, но практически уверена. Цвет панировки на твоей тарелке несколько отличался от остальных порций. К тому же видела бы ты себя после того, как все съела — даже блеск глаз потух. Я сперва подумала, что ты притворяешься, но сейчас лишний раз убедилась, что на тебя действительно подействовала еда.

После нескольких секунд раздумья я признала правоту Габи. Внезапно навалившаяся сонливость и тупое спокойствие являлись лучшим подтверждением ее слов.

— Ты не видела Бекки? — спросила я, чувствуя неожиданное облегчение оттого, что еще один человек в этом доме оказался вменяемым.

— После того, как за завтраком она сказала, что ты читаешь, — нет, — разочаровала меня девушка, но тут же предложила: — Если хочешь, могу помочь в поисках.

— Но нам запрещено выходить из комнат без веских причин. Вдобавок обо мне они знают, но ты привлечешь к себе ненужное внимание.

Габи криво усмехнулась:

— Брось. Девчонки вроде меня, выращенные улицей, лучше всего умеют держаться в тени и не попадаться на глаза. К тому же правила создаются, чтобы их нарушать, верно?

С последним утверждением можно было поспорить, но сейчас оно имело смысл. Сложившаяся ситуация с Бекки слишком напоминала ту, в которую попала Делора, и тревога за нее усилилась.

Невольно вспомнив о Делоре, я ощутила, как болезненно сжалось

сердце. Слова ведьмы о том, что ее сознание заснуло, стали настоящим мучением, и я корила себя за то, что не могу ничем помочь. В памяти всплывал образ длинноволосой девушки с ветвистыми оленьими рогами, меж которыми протянуты тончайшие кружева паутинок с поблескивающими в них каплями. Свежая, тихая красота Делоры являлась отражением ее чистого внутреннего мира, и принадлежность к древнему, обладающему магией народу не могла этого изменить.

Должно быть, нет ничего хуже, чем смотреть на дорогого тебе человека и понимать, что он и здесь, и одновременно далеко. Видеть смотрящие в пустоту глаза и сознавать, что не в твоей власти что-то исправить...

Не позволив себе задержаться на печальных мыслях, я решительно поднялась, и мы с Габи бесшумно вышли из комнаты. Коридоры утопали во мраке, и даже несмелый дневной свет, пробивающийся через оконные стекла, не мог разогнать заполнившую особняк тьму.

В то время как Габи отправилась исследовать второй этаж, я спустилась вниз. В какой-то момент поймала себя на том, что устала чего-то опасаться, и страх быть кем-то замеченной исчез окончательно. Я леди Кендол, знающая себе цену и никогда не отступающая перед трудностями. В каких бы обстоятельствах ни находилась, ничто не заставит меня трястись от каждого шороха и терять чувство собственного достоинства!

Сперва я обошла те комнаты, в каких Бекки иногда прибиралась, помогая Оливии. Несколько гостиных, оранжерея и холл оказались пусты, и тогда я пошла на кухню. Помимо того, что надеялась обнаружить там горничную, мне требовалось поговорить с Джиной. Ей я доверяла ровно настолько, насколько всем прочим обитателям поместья, но проблему с едой требовалось как-то решать. Морить себя голодом было бы неразумно, а принимать с пищей ломающее волю снадобье — тем более.

Кухарку я застала за приготовлением ужина: она отбивала мясо, одновременно помешивая томящееся на огне овощное рагу. Заметив меня, Джина замешкалась и стукнула кухонным молотком себе по пальцу, отчего тут же сдавленно замычала. Справившись с болью, вытерла руки о передник и присела в неумелом книксене. Было в ее поведении нечто жалкое, а во взгляде затравленность пойманного зверька — бесконечная усталость и такой же бесконечный страх, который в моем присутствии только усилился. Идя сюда, я намеревалась быть твердой, но сейчас, глядя на Джину и вспоминая наш последний разговор, резко поменяла планы.

— Это ведь ты готовишь тот чай. — В моем голосе звучало скорее утверждение, нежели вопрос.

Кухарка вздрогнула всем телом, машинально сделала один короткий шаг назад и, словно опомнившись, отрицательно замотала головой.

— Ты, — кивнула я, только убедившись в своей правоте. — Но не по своей воле. Знаешь, один человек не так давно сказал мне, что бояться — это нормально. Все чего-то бояться. Но я твердо уверена в одном: чем чаще мы позволяем страху брать верх, тем слабее становимся и раз за разом теряем себя. Человеку дана свобода выбора, и мы сами решаем, как поступать — в этом и есть наша сила. Можешь продолжать и дальше плясать под дудку тех, кого боишься, и подавлять зов совести, а можешь рискнуть. Что бы ты ни думала, от тебя, Джина, зависит очень многое.

В глазах кухарки, точно льдинки, застыли непролитые слезы, а дыхание ее участилось. Отдавшись во власть интуиции, я приблизилась и, взяв Джину за руки, посмотрела ей в лицо.

— Ты ведь знаешь, что произошло десять лет назад, и понимаешь, что происходит сейчас. Уверена, в прошлый раз ты делала то же самое — так же опаивала несчастных девушек, поэтому в их смертях есть и твоя вина. Долгие годы ты жила с этим грузом, и он давил не меньше, чем вечный страх. Но сейчас у тебя есть шанс хоть как-то искупить содеянное, так используй его. Прошу, помоги и себе, и всем нам!

Я никогда не пыталась взывать к чьей-то совести, давить на больное место и уж тем более брать на себя роль проповедника, но сейчас это было необходимо. Не только для меня, но и для остальных содействие Джины стало бы неоценимым подарком, и я отчаянно надеялась, что сумею до нее достучаться.

Кухарка смотрела прямо перед собой и не мигала, а ее мучительные переживания стекали по щекам солеными каплями. Она словно застыла и не пыталась ничего отвечать, руки отпустили измятый передник и сейчас безвольно висели, плечи поникли, отчего и без того невысокая Джина стала казаться еще меньше.

Внезапно мое внимание привлекло мелькнувшее за окном светлое пятно. Картинка была смазанной, но показалось, что это пролетела какая-то большая птица.

В то время как я отвлеклась, кухарка отошла в сторону и, достав с полки муку, высыпала ее на стол.

— Он не тот... — прочитала я, следя за движением ее пальца по столешнице, — за кого себя выдает.

Джина замерла и подняла на меня взгляд.

Выходит, писать она все-таки умеет?

— Он не тот, за кого себя выдает, — медленно повторила я и, поняв о

ком речь, кивнула. — Да, мне известно, что Виктор не просто конюх, он...

Договорить мне не дал снова промелькнувший за окном силуэт, и на сей раз я была уверена, что это была крупная птица. Меня озарила догадка. Элуна, сова Делоры, исчезла в тот же день, когда ее хозяйка оказалась прикована к постели, и сейчас наверняка это была она.

Посмотрев на Джину и убедившись, что больше она ничего не сообщит, я покинула кухню. Все, что от меня зависело, было сделано, и дальше оставалось уповать лишь на то, что женщина сделает правильный выбор.

На улицу я выходила, уже не таясь, и в случае чего намеревалась прямо ответить, что разыскиваю свою запропастившуюся горничную. Оказавшись с той стороны особняка, куда выходили окна кухни, я осмотрелась по сторонам, задержавшись на ветвях растущих здесь кленов. Совы нигде не было, но она мне явно не померещилась.

Как бы то ни было, это могло подождать, и я вновь сосредоточилась на поисках Бекки. Служанки не было и в саду, и чем дальше, тем сильнее ее исчезновение начинало меня тревожить. Я сомневалась, стоит ли спросить о ней у кого-то из слуг или все же лучше этого не делать.

Мои метания прекратила встреча, которую вряд ли можно было назвать случайной. Я шла по коридору первого этажа, направляясь в столовую, где в этот час обычно находилась Оливия. Надежды на то, что Бекки сейчас там, практически не было, но все равно требовалось проверить.

Виктор появился словно из ниоткуда и оказался рядом настолько внезапно, что мне едва удалось подавить инстинктивный вскрик. Клубящаяся в особняке тьма, которую я различала внутренним зрением, стала еще гуще и нависла надо мной, действуя заодно с конюхом.

Все произошло до того быстро, что я не успела среагировать и оказалась прижата спиной к стене с заведенными кверху руками. Виктор крепко удерживал меня за запястья, глаза его горели ярким, незнакомым блеском, а губы практически касались моих. В памяти моментально всплыл недавний сон, а еще — увиденная прошлым вечером сцена.

— Что вы себе позволяете? — прошипела я, справившись с первым шоком. — Немедленно отпустите!

Хотела, чтобы в голосе слышались резкость и злость, но он прозвучал непривычно глухо.

— Амина, — выдохнул Виктор, буквально обжигая дыханием мои губы. — Я с самого начала знал, что в тебе есть нечто особое, но ты превосходишь все ожидания. Даже не понимаешь, насколько уникален твой

дар и чего с его помощью можно добиться. Такая притягательная, сильная... Не сдерживай свою магию, позволь ей руководить твоими желаниями.

— Что вы несете...

— Ты видишь суть вещей, — продолжал Виктор, сверля меня взглядом. — Видишь то, что не всегда различают самые одаренные маги. Но способна на большее. Просто задумайся над тем, что сопротивляться можно, прибегнув к дару. Стоит лишь по-настоящему захотеть, и ты вырвешься из этой клетки, окажешься на свободе и сумеешь спасти тех, кто слабее... Конечно, если пожелаешь им помогать.

Поведение Виктора и его слова казались просто безумными, и я не желала этого слушать. Резко дернулась, пытаясь вывернуться, но его захват стал только крепче.

— Мы похожи, Амина. — Его губы сложились в усмешку. — Ты просто этого не осознаешь. Не существует черного и белого, есть только сила, которой обладают все одаренные, и слабость, на какую обречены остальные. Ты смелая, но в тебе есть страх, который ты не можешь победить. Он живет в тебе с первого сказанного слова, с первой осознанной мысли... Ты знаешь, что это за страх, но запрещаешь себе о нем думать.

Виктор отвел упавшую мне на лоб прядь, в то время как я затаила дыхание. Его неожиданная близость, пронзающие душу глаза будто выворачивали меня наизнанку, и я не могла отвести взгляд, не могла оградиться от его слов, потому что теперь в них звучала правда.

Я знала, о чем он говорил, и он видел, что я это понимаю. Самый главный страх, самый сильный враг, который есть у каждого обладающего магией...

— Ты боишься себя, — все с той же усмешкой прошептал Виктор, и сказанное вонзилось в меня, точно острый кинжал. — Я знаю, ты читала тот дневник и, читая, испытывала соблазн проверить, на что способна. Ты пытаешься выбраться из клетки, в которую попала, но еще ты борешься с собой. А бороться не нужно, Амина... просто прими эту часть себя. Одно твое слово — и я избавлю тебя от участи умереть в «Круге».

Мне с трудом удавалось цепляться за реальность, ибо казалось, что все происходящее — лишь дурной сон. Сон, в котором явился мой личный демон-искуситель, знающий обо всех моих страхах и потаенных желаниях. Я не понимала, чего он от меня добивается и чего ждет, но слова его гипнотизировали, притягивали... и манили, как ни стыдно было это признавать.

Вспоминая свои ощущения, когда читала посвященный магии

дневник, я не могла себе лгать — запретные знания, возвышающие над другими, были невероятно притягательны.

Все-таки не зря обычные люди испокон веков боятся тех, кто обладает магией. Мы — другие. И жить нам сложнее.

— Чего ты хочешь? — хрипло спросила я, незаметно для себя перейдя на неформальное обращение. — Зачем все это говоришь?

— Я ведь уже сказал, — отозвался Виктор. — Я не желаю твоей смерти. Твой дар очень ценен, Амина, и делает тебя еще привлекательнее. Будь со мной по своей воле, и я научу, как им воспользоваться, помогу развить способности. Тебе больше не потребуется скрывать свою магию, и ты не будешь чувствовать себя одинокой. Я давно искал кого-то похожего и наконец нашел.

Голова шла кругом. Невзирая на все принципы и жизненные убеждения, отказаться от столь заманчивого предложения было сложно. Я словно стояла на высоком обрыве, балансируя на самом его краю и рискуя в любой момент упасть вниз. Вот только полечу или упаду вниз — неизвестно.

— А как же Кэтлин? — задала я вопрос, который почему-то занимал меня больше прочих. — Не понимаю. Ты ведь любишь ее.

— Кэтлин... — как эхо повторил Виктор, на короткое мгновение отдалившись, а затем уверенно проговорил: — Не думай о ней. Это совсем другое.

Соблазн поддаться искушению и согласиться был более чем велик, но меня остановило чувство, к сожалению имеющее мало общего с чистотой души: недоверие. После всего пережитого я просто не могла поверить человеку, который прежде намеревался меня убить. Хотя, пожалуй, нравственное начало тоже присутствовало: мне претило принять условия того, кто повинен во множестве смертей.

— Отпусти, — произнесла я, уверенно глядя в потемневшие глаза, и мой голос обрел недостающую ранее твердость. — Нам никогда не бывать на одной стороне.

На лице Виктора промелькнуло нечто похожее на удовлетворение.

— Не сомневался, что ты так скажешь. Но можешь поверить, время все изменит, даже твое мнение и мысли. Знаешь, — его улыбка сделалась лукавой, — так даже интереснее.

В его глазах отразилось нечто такое, что мне совсем не понравилось, и вместе с тем пальцы на моих запястьях сжались сильнее.

Только я собралась повторить попытку вырваться, как откуда-то справа донесся рассекающий воздух шум. Мы оба не успели опомниться, как

большая рябая сова вцепилась ему в плечи, раздирая когтями рубашку и вонзая их в плоть. Отвлекшись на нее, Виктор отстранился и, воспользовавшись этим, я вывернулась, после чего бросилась вперед по коридору.

В тот момент я мало что понимала и бежала так, словно меня снова преследовало скопище темных призраков.

— От себя не убежишь, — донеслось мне вслед, но оборачиваться я и не подумала.

ГЛАВА 17

Как попала в оранжерею, я помнила смутно. Рухнув на мраморную скамью и тяжело дыша, попыталась успокоиться, но утихомирить бешено колотящееся сердце и сосредоточиться никак не удавалось.

Почему Виктор так поступал? Почему, испытывая столь сильную привязанность к умершей жене, проводил время с Кэсси и оказывал знаки внимания мне? Хотя какие знаки? Он предлагал свободу, намеревался пробудить во мне скрытые темные желания и посеять сомнения в, казалось бы, непоколебимых убеждениях.

Поведение Виктора снова спутало все карты, увело мысли в сторону. Но единственное, с чего меня уже было не сбить, — ритуал состоится через месяц и этому необходимо помешать.

Мне было по-настоящему плохо, в голове творилась полнейшая неразбериха, и я чувствовала себя как никогда разбитой. Аромат пышно цветущих роз дурманил и действовал на воспаленные нервы, лишний раз напоминая о том, где я нахожусь и что должно случиться. В том, что прекрасные цветы вдруг стали ассоциироваться с кошмарами и смертью, существовала определенная доля иронии.

«Все мы подобны розам, — всплыли в памяти слова Дженкинса. — А время — главный враг красоты».

В тот наш разговор дворецкий сказал, что однажды я задумаюсь над тем, как продлить молодость, и захочу вернуть ушедшее. Тогда мне казалось, что такого не случится никогда, но теперь я понимала, что в какой-то степени он был прав.

Магия — это сила, с помощью которой можно добиться много. Черная магия — сила, дающая еще больше возможностей, но требующая неизмеримо высокой платы, равняющейся погибели души.

Соблазн воспользоваться даром, данным от рождения, крайне велик. Он преследует неустанно на протяжении всей жизни, раз за разом склоняя поддаться искушению. Я умела видеть незримые вещи и зажигать пламя свечи, но где-то глубоко внутри всегда желала большего. Мне отчетливо помнилось то ощущение восторга, что затопило меня, когда удалось вскрыть замок на ящике в кабинете лорда. Осознание собственных возможностей пьянило, и хотя я понимала, что упиваться ими — плохо, сдерживать внутреннюю тьму удавалось с трудом.

В следующие мгновения перед глазами одна за другой пронеслись

сцены, так или иначе связанные с магией: компания детей, травящая Банни, страх на лице Бекки, когда она слышала о колдунах, везущие кого-то на казнь охотники... Какая-то часть меня хотела возвыситься над всеми ними, показать, насколько они не правы, наказать, и это пугало. Я не хотела становиться тем монстром, которого все видели в одаренных магией людях — и, к счастью, это во мне побеждало.

Услышав рядом какой-то шорох, я резко вскинула голову и обнаружила, что в оранжерею вошла Оливия. В руках она сжимала лейку и переминалась с ноги на ногу, явно не зная, приступить к своим обязанностям или же уйти из-за того, что здесь нахожусь я.

Мной завладела какая-то отчаянная смелость и решимость. Надоело действовать осторожно, и, резко поднявшись со скамьи, я стремительно сократила между нами расстояние.

— Где Бекки? — спросила у горничной, понимая, что вид сейчас имею угрожающий. — Отвечай!

— Я... я не знаю, — испуганно пробормотала Оливия, пытаюсь отступить.

Вцепившись ей в плечи, я с силой ее потрянула и снова потребовала:

— Отвечай или живой отсюда не выйдешь!

У меня не было ни ножа, ни чего-либо другого, напоминающего оружие, но, видимо, в голосе прозвучало нечто такое, что заставило горничную поверить в серьезность угрозы. Она побледнела и мелко задрожала, лейка выпала из непослушных пальцев, и вода растеклась по полу.

— Отвечай! — Я не знала, откуда только взялись силы сжать ее горло и пресечь попытки вырваться.

— Не знаю, — задыхаясь, прохрипела горничная. — Клянусь, я не знаю! Слышала только, что ее позвал господин Дженкинс. Он... он недоволен, что вы... лезете, куда не следует. Так он сказал миссис Эртон.

— Что еще знаешь? Говори!

— Ничего... Леди, пощадите. — Оливия широко распахнула глаза и пыталась вдохнуть. — Я ни в чем не виновата...

— Ты изрезала портрет графини? — спросила я, подавляя желание ее отпустить. — Только попробуй солгать!

— Не я... — на грани слышимости выдохнула горничная.

Мои пальцы разжались, и я отступила в сторону. Оливия тут же осела на землю и, обхватив руками горло, принялась жадно ловить ртом воздух. Она не врала — это я видела предельно ясно, но так же ясно понимала и то, что горничная знает гораздо больше, чем говорит. Продержись я дольше,

надави посильней, и возможно, она бы рассказала, но мне не хватило сил.

Из оранжереи я вышла полностью опустошенная. День выдался до того долгим и насыщенным, что мне хотелось упасть на пол, закрыть глаза и заснуть прямо здесь, не доходя до комнаты. Казалось, я находилась за пределами собственных возможностей и была морально истощена. Посещение кладбища, нападение безумной ведьмы, разговор с Джиной, Оливией и Виктором, побудившим к невероятным душевным метаниям, — для меня это было слишком.

Тем не менее до покоев я все же добрела и в постель легла, не раздеваясь. Бекки все еще не было, но даже это перестало волновать. Разум словно отключился, и я мгновенно погрузилась в забытие.

Всю ночь меня мучили кошмары, но не те, что приходили прежде, а нескончаемая вереница картинок, так или иначе связанных со Сторм-Деллом. Я снова и снова переживала минувший день, оказываясь на старом кладбище, где увидела образы прошлого. Женщина, лицо которой оставалось для меня закрытым, держала на руках девочку двух лет и что-то негромко ей говорила. В лесной хижине ветер скрипел открытой настежь дверью, а старая ведьма перебирала черные бобы. В длинных, подобных лабиринту коридорах клубилась тьма, которую со свистом рассекали крылья рябой совы...

Под утро кошмар стал еще более реалистичным. В нем я шла к комнате лорда. Занавески колыхались под влетающим в распахнутые окна ветром, на стенах дрожали скрюченные тени ветвей, а под ногами шелестели сухие лепестки. Войдя в покой графа, я уверенно двинулась к кровати, а дойдя, повернулась лицом к комоду, точно знала, куда смотреть. Стрелки часов показывали восемь утра, и во мне поселилось абсолютное убеждение, что в этот час сюда никто не войдет.

Впервые я пожалела, что проснулась, не досмотрев сон до конца. Пробуждение вышло тяжелым, сон не желал меня отпускать. Голова раскалывалась, и даже не требовалось смотреть в зеркало, чтобы понять, насколько скверно я выгляжу.

— С добрым утром, леди, — произнесла присевшая в книксене девушка, которую я сразу не заметила. — Меня зовут Фиона, и я буду вам прислуживать. Ванна уже готова.

Фиона прибыла в Сторм-Делл вместе с Виолой и являлась ее личной горничной. Прежде мне часто доводилось ее видеть, и я знала, что они с Бекки хорошо ладят.

— Ты знаешь, где она? — спросила я о том, что по-прежнему волновало в первую очередь.

Горничная явно поняла, о ком идет речь, и ее доброжелательная улыбка стала натянутой.

— Как и многие, я не видела Бекки со вчерашнего утра. Но...

— Но? — тут же переспросила я.

— Но, кажется, она исчезла после того, как ее позвал господин Дженкинс, — с долей робости сообщила Фиона, подтвердив тем самым слова Оливии.

Это не стало сюрпризом, но меня все равно охватила злость, и прежде всего на себя самое. Я не могла отделаться от чувства вины за то, что не сумела уберечь Бекки и, взяв ее сюда, пускай и неосознанно подвергла опасности. Но разрастись этому чувству я не позволила, понимая, что оно станет лишь мешать. Чем корить себя, лучше направить злость на тех, кто на самом деле повинен в происходящем, и действовать. Немедленно действовать.

Приняв ванну и сменив одежду, я бросила взгляд на часы. Они показывали без десяти минут восемь, и это лишь убедило меня в правильности шага, который я намеревалась сделать. Скажи мне кто-нибудь минувшим вечером, что я снова пойду в покои Виктора — посчитала бы умалишенным. Тем не менее именно это я сейчас собиралась сделать.

Мне всегда удавалось точно различать, какие из снов были связаны с моей магией, и сегодняшний относился к их числу. Я с предельной ясностью ощущала, что необходимо пойти в комнату лорда Баррингтона и взглянуть на то, что находится над комодом.

— Леди, а куда вы собра...

— Тш-ш-ш, — не дала я Фионе договорить и, приложив указательный палец к губам, тихо вышла из комнаты.

Невольно подумалось, что я постепенно становлюсь похожей на охотника — скольжу словно тень, ступаю бесшумно и остаюсь никем не замеченной. Такая мысль вызвала мимолетную усмешку и почему-то придала уверенности.

Как и в прошлый раз, путь до покоев Виктора — или, правильнее сказать, Нила Баррингтона — занял целую вечность. И чем ближе к ним я подходила, тем сильнее сгущалась тьма. Густыми клубами она висела в воздухе, липла на потолки и устилала дубовый паркет, по которому даже ступать было неприятно. Дыхание перехватывало из-за невидимой обычному зрению магии, которая забивалась в легкие. Обитающая здесь тьма не желала видеть гостей и, все более сгущаясь, сковывала движения, мешала идти и пыталась оттеснить нежеланную гостью.

Но отступить я не собиралась.

Перед самой дверью меня кольнуло сомнение: может, пока не поздно, повернуть назад? Но, доверившись себе, я надавила на ручку, и та легко поддалась.

Все было так же, как во сне: тот же царящий в комнате полумрак, темные занавески, практически не пропускающие свет, заправленная кровать, бокал с недопитым вином на столе...

Судорожно сглотнув, я медленно, на негнущихся ногах подошла к кровати и, остановившись, затаила дыхание. Затем так же медленно обернулась в сторону комода и наткнулась на пронизательный взгляд серых глаз.

На стене висел портрет, где изображались двое: граф и графиня.

Кэтлин сидела за роялем и улыбалась, на ее плече покоилась рука стоящего позади супруга. Задним фоном служил один из уголков музыкального зала, где можно было заметить алые розы, одна из которых лежала на белых клавишах.

Запечатленный момент отражал счастье и гармонию, царящую между двумя любящими людьми. Художнику удалось передать ту бесконечную нежность, которую испытывал лорд по отношению к жене — она сквозила в том, как мягко, но вместе с тем бережно он касался ее плеча.

Я смотрела на Виктора и не могла поверить, что изображенный на портрете мужчина и тот, кого я знала сейчас, — один и тот же человек. Подумалось, что сейчас в нем прежней осталась лишь внешняя оболочка, а содержимое полностью изменилось. Что же послужило тому причиной? А самое главное — остались ли прежними чувства, что он испытывал к своей жене?

У меня был всего один ответ на эти вопросы: черная магия. Вероятно, десять лет назад лордом действительно двигало желание вернуть горячо любимую Кэтлин, но теперь все было иначе. Смерть стольких девушек не могла пройти бесследно, она оставила в душе Виктора несмываемый отпечаток и постепенно его меняла, отравляя существование.

Но я не понимала, почему сон привел меня к этому портрету. Что я должна была увидеть? Возможно, он должен был натолкнуть на мысли о мотивах, движущих лордом. Я не была уверена в правильности своих выводов, но предполагала, что, скорее всего, права.

Его любовь со временем переродилась в навязчивую идею — этим и объясняются его последние поступки. Судя по нашему последнему разговору и поведению Виктора, на безутешного и убитого горем мужа он явно не походил. Что уж говорить о его времяпровождении с Кэсси...

Пора было уходить, но я отчего-то медлила. Снова и снова рассматривая портрет, не могла отделаться от ощущения, что упускаю из виду какую-то небольшую, но очень важную деталь. Казалось, стоит протянуть руку — и тут же ее ухватишь, но она ускользала.

К завтраку я спустилась первой и, не дожидаясь остальных, присела за стол. На улице начался дождь. Он гулко барабанил в оконное стекло и стекал по нему тоскливыми каплями. Сегодня растопили камин, и сейчас в нем горело жаркое пламя, жадно поедающее обуглившиеся дрова.

Оливия раскладывала столовые приборы, боясь лишней раз взглянуть в мою сторону. Ее движения были дергаными и суетливыми — горничная явно хотела скорее закончить работу и уйти. Я заметила, что на ее шее виднеются красные пятна, которые она тщетно пыталась прикрыть приподнятым воротничком, но сожаления по поводу вчерашнего не испытывала. По крайней мере, удалось выяснить, что портрет графини Баррингтон Оливия не резала.

Зато теперь вопрос о том, кто же это сделал, стал особенно актуальным, ведь ответ на него мог послужить ключом ко многим разгадкам. Человек, совершивший такое, должен был сильно ненавидеть Кэтлин, и вряд ли причиной тому могла послужить какая-то мелочь.

В настоящий момент у меня имелось немало разрозненных картинок, которые требовалось собрать воедино. Их было так много, что я не знала, с какой начать. Кто мог изуродовать портрет? Дженкинс? Миссис Эртон? Сам лорд Баррингтон? А может, некто, на кого я не могу даже подумать?

Неожиданно рядом раздалось негромкое покашливание. Оторвав взгляд от окна, я обнаружила рядом Фиону, сжимающую в руках сложенный в несколько раз бумажный листок. Только хотела спросить, что это такое, как она наклонилась и, ставя передо мной чашку, положила его под фарфоровое блюдце. Затем развернулась и спокойно принялась расставлять остальную посуду, помогая Оливии.

Осмотревшись по сторонам, я осторожно переложила бумагу на колени и, развернув, прочла строку, написанную ровным красивым почерком:

«После завтрака на заднем дворе у пруда. Киран».

Дождавшись, пока горничные удалятся, я подошла к камину и бросила записку в огонь, который с удовольствием поглотил предоставленное ему угощение. Как раз в тот момент, когда я снова заняла место за столом, за моей спиной раздался голос дворецкого:

— Леди Кендол, вы сегодня рано.

— Леди не приходят рано, это слуги опаздывают, — ответила

машинально, успешно скрыв испуг от его внезапного появления. Мне не были слышны приближающиеся шаги, я не ощутила его присутствия — кажется, вот кто был в этом особняке настоящей тенью.

— Некоторые леди, — дворецкий сделал акцент на обращении, — ходят не там, где нужно, и вмешиваются в то, во что не следует.

Дженкинс оставался бесстрастным, но это не мешало ощутить скрытую в его словах угрозу. К такому обращению с собой я не привыкла, но прекрасно понимала, что нахожусь не в том положении, где ко мне будут относиться соответственно статусу.

Не желая смотреть на дворецкого снизу вверх, я поднялась и, по неизменной привычке расправив плечи, прямо спросила:

— Где Бекки? Только не нужно лжи.

— Леди Кендол, — Дженкинс говорил подчеркнуто вежливо, — боюсь, вы не совсем сознаете, в каком положении находитесь. Вынужден повторить, что ваши действия могут иметь неприятные последствия. С вашей горничной все в порядке, но это может измениться, если продолжите свои бесполезные попытки что-то узнать.

Такого стерпеть я уже не могла:

— Вы смеете мне угрожать?

— Посмотрите на этот дом, — словно не услышав моего вопроса, дворецкий возвел глаза к потолку. — Видите узоры кракелюра, вьещуюся в стены грязь и углы, опутанные кружевом паутины? Чувствуете запахи сырости и увядания? Слышите, как завывает в каминных трубах ветер, а старые лестницы скрипят под гнетом поднимающихся по ним призраков? Поместье умирает, леди. Медленно и неотвратимо оно превращается в прах. Это место и есть главный призрак — призрак далекого счастья, со временем обратившегося в скорбь.

Дженкинс на секунду замолк и посмотрел мне в глаза.

— Отсюда нет выхода, и ваши надежды на спасение такие же бесплотные, как воспоминание, обитающее в музыкальном зале. Вы прекрасная роза, леди Кендол. Но даже самые прекрасные розы, увы, цветут недолго.

Я не находила слов. Да и что можно было на это ответить? Что он не прав и я во что бы то ни стало сумею вырваться из Сторм-Делла? Сказать подобное — все равно что заключенному убеждать надзирателя в своем скором побеге.

— И к слову, — добавил Дженкинс, — не пытайтесь больше воздействовать на Джину. У бедной женщины в Риджии есть дочь, жизнь которой для нее очень дорога. Зов совести не может перевесить любовь к

единственному ребенку, поэтому не добавляйте несчастной новых страданий.

— Вы... — впервые я не могла сдержать клокочущую внутри злость. — Ничтожество...

В глазах Дженкинса отразился проблеск эмоций, который можно было принять за усмешку:

— Зачем же так грубо? Подобные изъяснения совершенно не красят леди.

Наш разговор прервали вошедшие в столовую девушки, и их появление поразило меня настолько, что я снова медленно осела на стул, на некоторое время забыв о собственной злости.

Конечно, мне было известно об их состоянии, но я никак не ожидала, что оно настолько ухудшится всего за одну ночь. На Виоле буквально не было лица, ее глаза казались стеклянными, как и у идущей рядом Ины. То же касалось и Габи — играла она превосходно. Вошедшая следом Лилиана и вовсе походила на бледное подобие человека, прозрачные глаза которого отражали пустоту.

— Приятного аппетита, леди Кендол, — тихо проговорил склонившийся ко мне Дженкинс, после чего принялся выполнять свои обязанности.

Наблюдая за тем, как дворецкий отодвигает стулья для безучастных гостей графа, а те машинально занимают свои места, я ощущала себя так, словно попала на трапезу мертвых. Мороз пробегал по коже, полз по позвоночнику тонкой змеей и вытаскивал из души глубинный страх. Даже ощущение близости темных призраков не могло сравниться с ужасом от вида знакомых людей, которые утратили часть себя.

Холод страха сковал меня ненадолго, вскоре его растопила горячая злость, которая теперь была направлена на Дженкинса, лорда Баррингтона, миссис Эртон и прочих, кто так или иначе был повинен в происходящем.

Заметив в омлете красные крупинки, к еде я снова не прикоснулась. Вероятно, Дженкинс рассчитывал, что рано или поздно голод возьмет надо мною верх, но я намеревалась держаться до последнего. Лучше умру голодной смертью, чем стану похожа на тех, с кем сидела за одним столом. Безумно хотелось подорваться с места, подбежать к каждой из девушек, встряхнуть их, накричать, чтобы вызвать хоть какие-то эмоции, а затем разбить дорогую посуду, скинуть на пол кружевную скатерть и наброситься на бездушного дворецкого. Бесплезность таких действий была очевидна, и это только подливало масла в горящий внутри огонь. Никогда мне не приходилось испытывать столь сильной ярости.

Я знала о действиях графа и дворецкого, они знали, что я об этом знаю, но все мы продолжали играть по странным правилам. Миссис Эртон вела себя так, словно ничего не происходит, и после завтрака, как обычно, вызвалась проводить меня и Виолу до комнат. Остальных девушек в покои сопровождал Дженкинс, который, прежде чем уйти, бросил на меня предостерегающий взгляд.

— Хочу подышать свежим воздухом, — сообщила я экономке, с трудом сдерживаясь, чтобы не сорваться.

Миссис Эртон несколько смешалась:

— Леди Кендол, боюсь, выходить в сад — не лучшая идея...

— Меня не интересует ваше мнение, — отрезала я, теряя остатки показного терпения. — Всего лишь ставлю вас в известность.

Казалось, если я сию же минуту не окажусь за пределами давящих стен, то просто взорвусь от долго копившихся внутри эмоций. Мне всегда удавалось сдерживать себя и не терять холодной рассудительности, но всему в этом мире есть предел, и моя выдержка не являлась исключением.

В то время как я выходила из гостиной, позади слышался стук каблучков миссис Эртон. Судя по всему, проводить до комнаты Виолу она поручила Оливии, а сама пошла следом за мной. Это ужасно нервировало, поскольку я понимала, что теперь не смогу нормально поговорить с Кираном. Возможно, мне следовало послушно отправиться в комнату, а уже после выходить в сад, но я была слишком раздражена для того, чтобы мыслить трезво.

— Леди Кендол, — позвала экономка, когда мы вышли на улицу.

Дождь почти прекратился, но в воздухе все равно чувствовалась зябкая сырость. Она как нельзя лучше подходила моему теперешнему настроению и совпадала с состоянием души.

— Если не можете избавиться меня от своего присутствия, то хотя бы просто помолчите, — остановившись, проронила я и тут же глубоко вдохнула, стараясь восстановить душевное равновесие.

— Леди Кендол, — повторила миссис Эртон, подходя ближе, — поверьте, мне бы хотелось что-то изменить, но это не в моей власти. Возьмите.

Обернувшись, я наткнулась на протягиваемый мне сверток и интуитивно поняла, что там находится нечто съестное. Внимательно всмотревшись в лицо экономки, не увидела ничего, что могло бы выдать ее дурные намерения, но тем не менее предлагаемое не взяла.

— Не отказывайтесь, — настояла она. — Еда не отравлена. Джина отложила специально для вас, и я сильно рискую, выполняя ее просьбу.

Поколебавшись, я все же приняла сверток, тут же ощутив приступ острого голода. Даже сквозь ткань просачивался запах душистой свежей выпечки, в буквальном смысле кружащий голову.

Благодарить экономку я не сочла нужным и, развернувшись, направилась к пруду. Судя по ощущениям, она шла за мной, но это меня больше не волновало. Даже если миссис Эртон увидит рядом со мной Кирана, хуже уже не будет. Во всяком случае, нашу встречу можно списать на мое желание находиться в обществе нормального человека.

Присев на деревянную скамью, стоящую на берегу пруда, я развернула сверток и приступила к своему скромному завтраку. Еще никогда еда не казалась мне настолько вкусной, и никогда я так не радовалась самой возможности поесть. Экономка не соврала, и свежеиспеченная булочка, как и пара яблок, имела совершенно нормальный вкус и цвет.

Отломав кусочек выпечки и отправив его в рот, я испытала искреннюю признательность к Джине. Теперь, после того как узнала, почему она выполняет приказы Дженкинса, мое отношение к ней поменялось. Мне думалось, что сама я все равно поступила бы по-другому, даже если бы угрожали дорогому мне человеку, но тем не менее кухарку я понимала. И то, что она все же решилась рискнуть и помочь хотя бы мне, действительно дорогого стоило.

ГЛАВА 18

Кирана я заметила лишь после того, как утолила голод, съев все до последней крошки. Он находился неподалеку и, орудуя большими садовыми ножницами, приводил в порядок заросшие кусты, не знавшие человеческого внимания как минимум десяток лет.

Из-за миссис Эртон он не делал попыток ко мне приблизиться, и разговор на некоторое время откладывался. Я предполагала, что Киран намеревается проникнуть в скрытую магией комнату и попытается это сделать как можно скорее, ведь времени до ритуала осталось совсем мало.

Экономка не собиралась выпускать меня из поля зрения, поэтому смысла задерживаться в саду не было. В ее же сопровождении я вернулась в комнату и, как только вошла внутрь, услышала звук поворачивающегося ключа.

Меня заперли.

Это стало последней каплей, перевесившей чашу моего терпения и, заколотив в дверь, что есть силы, я крикнула:

— Немедленно откройте!

Ответом мне была тишина, в которой очередные стуки прозвучали словно раскаты грома. Совсем некстати вспомнились руки Лилианы — в ссадинах и с обломанными ногтями. Негодование, испуг и отчаяние захлестнули меня настолько, что я была готова царапать тяжелую дверь, биться в нее, как трепыхающаяся птица, тщетно надеющаяся вырваться.

— Откройте! — продолжала кричать я, охваченная невыносимой паникой. — Выпустите меня!

Время исчезло, застыло точно ртуть, и я увязла в нем, полностью выпав из реальности. Осталась наедине со своими страхами, и впервые одиночество не радовало, а обратилось против меня. Как никогда отчетливо я ощутила, что осталась совсем одна, что нет никого, кто мог бы мне помочь. Что во всем огромном мире нет ни единого человека, который бы переживал за меня и по-настоящему любил. Что, умри я здесь, никто не станет скорбеть, разве что делать вид, как это было в случае с моими родителями.

— Откройте, — прошептала я, обессиленно опустившись на пол.

Глаза оставались сухими, хотя все внутри дрожало от невыносимого напряжения.

«Бездушная» — так называли меня те, кто ожидал, что стану плакать,

потеряв близких людей.

Что, если они были правы? Что, если у таких, как я, нет души?

«Бороться не нужно, Амина, — прозвучали в голове слова, сказанные Виктором. — Просто прими эту часть себя. Одно твое слово — и я избавлю тебя от участи умереть в „Круге“».

Боже, ну почему я должна проходить через это? За какие грехи? Уж лучше бы с начала и до самого конца пребывала в блаженном неведении, не имея возможности сделать неправильный выбор.

Поднявшись с пола, я добрела до стоящего у окна кресла и, опустившись в него, устремила взгляд на хмурое, затянутое тучами небо. Тяжелое и беспросветное, оно, казалось, вот-вот обрушится на землю, погребя под собой все существующее.

Я не знала, сколько так просидела, но, когда ощутила позади себя чье-то присутствие, обернулась мгновенно. Киран вошел бесшумно, и, не обладая я повышенной чувствительностью, вызванной магическим даром, ни за что бы не почувствовала его.

Увидев нежданного гостя, я на несколько секунд опешила, не понимая, как он сумел войти. Но уже в следующий миг бросилась навстречу и, не задумываясь о том, что делаю, крепко обняла его. Вцепилась так, словно этот мужчина остался последним надежным якорем в бушующем море. И он не отстранился, не удивился, просто молча обнял в ответ — спокойно и уверенно, как мне было нужно. Я так хотела почувствовать рядом живое тепло, хотя бы на миг разрушить свое одиночество, что забыла и о приличиях, и об этикете, и о том, что знаю этого человека считанные дни.

Удивительно, но мне в самом деле стало легче.

Отстранившись, я испытала запоздалое смущение из-за своего порывистого поступка и нерешительно посмотрела в лицо Кирану. Его взгляд был мягким и не выдавал ничего, из-за чего я могла бы смутиться еще больше.

— Простите, — все-таки произнесла я, почему-то не в силах оторваться от его глаз.

Киран едва заметно усмехнулся и сделал то, к чему я оказалась совершенно не готова. Подавшись вперед, снова привлек к себе и коснулся уголка губ легким поцелуем.

— Мы квиты, — выдохнул он, смотря в глаза и не спеша отпустить.

Ощущая его близость, горячее дыхание и прикосновение рук, я снова вспоминала недавний сон. Представить Кирана в роли того мужчины, что целовал меня, прижав к стене, оказалось до смешного легко. Сердце бешено забилося, что-то внутри вспыхнуло жарким пламенем, и я

растерялась перед наплывом незнакомых чувств.

— Вот так гораздо лучше, — произнес Киран, безошибочно угадав мое состояние. — И теперь, когда безнадежность в ваших прекрасных глазах исчезла, можно поговорить.

В отличие от меня он прекрасно сумел сделать вид, что ничего не было. Спокойно устроился в кресле и сразу перешел к сути:

— Есть несколько путей, чтобы предотвратить ритуал и обличить графа. Для осуществления одного из них необходимо попасть в потайной зал. И вы мне в этом поможете.

В очередной раз справившись с собой, я заставила голос прозвучать ровно:

— Каким образом?

— Я сумею открыть дверь, но мне необходимо точно знать ее расположение, поэтому вы покажете, где именно она находится.

Разумеется, я была согласна оказать любую помощь, однако существовало несколько «но», способных этому помешать.

— Полагаете, мне удастся покинуть комнату? Судя по всему, меня намереваются держать взаперти, не упускать из виду и контролировать каждое действие.

— Но я ведь здесь? — Киран выразительно приподнял бровь. — Я охотник, Амина, и оказываться на шаг впереди магов — моя работа. Вы единственная, кто понимает, что происходит, и граф об этом знает. Но, если бы лорд хотя бы на минуту сомневался, что не может вас контролировать, его действия были бы куда более жесткими. Мне известно о том, что ваша горничная пропала, но если вас станут ею шантажировать, постарайтесь не поддаваться. Едой я вас обеспечу, поэтому голодать не придется.

Это обнадеживало, но пока я слышала лишь слова, не подкрепленные делом, и поверить в благополучный исход было сложно.

— Когда вы намереваетесь проникнуть в комнату? — спросила, присев в стоящее напротив кресло. — И что собираетесь сделать, чтобы помешать ритуалу?

«И зачем вам это нужно?» — хотелось добавить еще один вопрос, но он так и остался неозвученным.

— Через неделю, — последовал ответ на первый из вопросов. — Хотел сегодня, но ввиду понятных обстоятельств это слишком рискованно. Частью ритуала, без которой его успешное проведение станет невозможным, является сама комната. Я просто кое-что в ней подправлю. Помимо этого необходимо вывести всех находящихся здесь девушек до тринадцатого июня. В силу некоторых обстоятельств я не могу

рассчитывать на поддержку своего центра, в связи с чем придется обходиться своими силами. — Он на несколько мгновений замолчал и, посмотрев мне в глаза, добавил: — Поэтому мне нужна ваша помощь. Понимаю, насколько вам сейчас тяжело, и пойму, если вы откажетесь лишний раз рисковать. Если покажете дверь, этого будет вполне достаточно, я не стану на вас давить.

В свою очередь я тоже выдержала недолгую паузу и, осмыслив сказанное, ответила:

— Если в моих силах оказать помощь в спасении девушек, я сделаю все, что потребуется. Мне тяжело не больше, чем остальным. Не больше, чем тем, кто умер в этих стенах десять лет назад. Не больше, чем...

Мой голос дрогнул и, не выдержав, я закрыла лицо руками. Сегодня я не сломалась, но была к этому близка. Просто не могла примириться с мыслью, что весь этот ужас происходит на самом деле.

Происходит со мной.

Я услышала тихий шорох, прежде чем ощутила прикосновение к тыльной стороне ладоней. Присев передо мной, Киран отвел мои руки от лица и, сжав пальцы, твердо произнес:

— Ты не умрешь, Амина. Не сейчас и не здесь, не в этом доме, наполненном тьмой, болью и призраками. Поверь. Однажды я не смог спасти дорогого мне человека, но с тобой все будет по-другому. Как и с остальными.

— Среди тех девушек... — хрипло высказала я посетившую меня догадку, — что погибли во время прошлого ритуала, была та, кто вам дорога? Это из-за нее вы оказались здесь в прошлый раз?

Киран напрягся. Я подумала, что он не ответит, но ошиблась.

— Это была моя сестра.

— Сейчас вы хотите спасти нас, чтобы погасить чувство вины за то, что не сумели спасти ее тогда? — Понимала, что, возможно, лезу не в свое дело, но мне хотелось об этом говорить.

В этот момент передо мной был не один из охотников, которых я до ужаса боялась в детстве и опасалась сейчас, а человек, в котором видела нечто близкое. Мне казалось, он способен меня понять, и точно так же я хотела понять его. Узнать, что им двигало и почему он находился в Сторм-Делле.

Снова подумала, что Киран не ответит, и снова ошиблась.

— Когда сестра пропала, я сам начал ее поиски, которые в итоге привели в это поместье. Мои попытки привлечь к происходящему внимание центра оказались бесплодными. Поместье уже осматривалось

ранее, и никто не хотел верить, что уважаемый лорд Баррингтон является черным магом. Заявлений о пропаже дочерей никто не подавал, и мое — о похищении сестры — было единственным. Я докопался до правды слишком поздно и начал действовать всего за день до назначенного дня ритуала. Погибли все, а я долгие годы жил с жуткой тяжестью на сердце. Хотел изучить всю подноготную Баррингтона и вывести его на чистую воду, но это ни к чему не привело. Он переехал в наше королевство в семнадцатилетнем возрасте, и все это время его репутация была безупречной. О его семье известно немного, как и о детстве. В сущности, о его жизни до переезда не известно вообще ничего.

— Целых десять лет, — прошептала я. — Никто ничего не делал целых десять лет, и все это время граф находился на свободе, собирая силы для нового ритуала. Киран... — назвав его по имени, я замялась, но лишь на мгновение. — Я сочувствую вашему горю. И повторю: сделаю все, что в моих силах, чтобы на этот раз исход был иным.

Теперь окончательно стало понятно, почему он действовал в одиночку и не мог рассчитывать на поддержку своего центра. Так же, как и тогда, сейчас специалисты по сверхъестественному отказывались реагировать на происходящее. Повлияли ли на них весомые взятки, именитость графа или что-либо еще, в сущности, было не важным и положения вещей не меняло.

— Это я сделаю все, что в моих силах, — поправил меня Киран и, прищурившись, бросил долгий взгляд куда-то за мою спину. — В этот раз Баррингтон за все ответит.

Перед тем как Киран ушел, я рассказала ему о Габи, а точнее, о ее вменяемости. Приняв информацию к сведению, он ободряюще улыбнулся напоследок и покинул комнату, снова оставив меня одну.

Следующая неделя мучительно медленно тянулась в томительном ожидании. Как я и предполагала, из комнаты меня выпускали только в столовую, которая превратилась в самое кошмарное место в доме. Девушки окончательно стали походить на бездушных кукол, и смотреть на это было невыносимо. После трапезы миссис Эртон провожала меня до покоев, избегая при этом смотреть в глаза, и запирала на ключ.

Так повторялось изо дня в день, и я была готова лезть на стены. От бессилия что-то изменить, от страха и злости, которая все разрасталась. И я приняла ее, даже радовалась ей, потому что злиться в моем случае значило бороться, выражать протест обстоятельствам и не сдаваться.

Я думала о Бекки, которая так и не появилась, о несчастной Делоре и о Киране. Думала и о Викторе. У меня вообще появилось много времени, чтобы думать и анализировать, чем я и пользовалась.

Сопоставив некоторые факты, пришла к выводу, что живущая в лесу ведьма являлась прямым потомком дочери виконта Палмера, выжившей во время пожара. Если верить приблизительным подсчетам — внучкой, а возможно, и дочкой. Кроме того, я все чаще мысленно возвращалась к образу женщины с девочкой на руках, увиденной на старом кладбище, и висящему в комнате графа портрету. Но чем больше пыталась понять, что за ними кроется, тем дальше становилась от разгадки.

Киран, как и обещал, приходил примерно раз в два дня, чтобы принести еду. Фиону ко мне больше не пускали, вместо нее приставив совершенно потерянную Оливию. После того случая, когда я требовала от нее ответов, горничная стала меня опасаться и походила на побитого, запуганного зверька.

В один из вечеров в мою комнату кто-то постучал. Я встрепелась, поняв, что это не миссис Эртон, которая сразу отпирала дверь ключом. Вслед за стуком послышался тихий щелчок вскрытого замка, и через несколько мгновений вошла Банни.

— Ты что здесь делаешь? — удивленно спросила я. — Как вошла?

Девочка приложила указательный палец к губам, а другую руку вытянула вперед, демонстрируя лежащий на ладони ключ.

— Взяла у мамы, — тихо произнесла она. — Мне Габриэлла помогла.

Банни подошла ближе и посмотрела мне в глаза сосредоточенным, совсем не детским взглядом и нараспев произнесла:

Этой ночью я видела сон,
Там снова была твоя смерть.
Кто в душу умершей влюблен,
Не может в пожаре сгореть.

Ты взгляду не верь — он врет,
Но верь глазам, что не лгут,
Сам он тебе под сказку дает,
Родная кровь, соперник и друг.

Девочка замолчала, но пробирающего до дрожи взгляда не отвела и смотрела так, словно ждала от меня ответа. Я же стояла, не в силах шелохнуться и не зная, что на это ответить. Уже завтра нам с Кираном предстояло идти в скрытую магией комнату, и весь вечер я морально на это настраивалась. Слова Банни всколыхнули в душе нечто большее, чем

простое беспокойство, и это было совсем некстати.

Заметив, что с ответом я не тороплюсь, она снова заговорила:

— Я не чувствую Оливии... никогда не чувствовала. Она любит меня, но как-то не так. Помоги мне узнать правду, завтра у тебя будет такой шанс.

Больше не дожидаясь от меня каких-либо слов, Банни бесшумно выскользнула за дверь, в замочной скважине повернулся ключ, а я так и осталась стоять в центре комнаты — ошарашенная и растерянная.

Промучившись кошмарами всю ночь, утром я проснулась абсолютно разбитой. Послушно позволила Оливии сделать все необходимое, а после так же послушно проследовала за ней в столовую. Невзирая на плохое самочувствие, я была спокойна и уверена. Окончательно осознав простую истину, что бояться бесполезно, я отогнала отчаяние и приняла реальность как факт.

Даже на девушек за столом смотрела по-другому, тоже воспринимая их состояние как факт. Главное, убрать чувства и не позволять им брать верх. Стать такой бездушной, какой меня долгое время считали, и не показывать слабости, что бы ни происходило. Хватит. Больше принижать себя не позволю.

Когда-то в далеком детстве я читала сказку, где принцессу взяли в плен, держали в темнице и кормили лишь хлебом да водой. Ее хотели сломать, унижить, но она держала себя так, словно стояла гораздо выше удерживающих ее людей. Благодаря этому и выжила. Я решила поступать так же. Ведь недаром говорят, что в простых сказках кроется великая мудрость.

Поймав взгляд Габи, я едва заметно улыбнулась одними уголками губ, и она ответила тем же. Это послужило дополнительной поддержкой, и я преисполнилась решимости попасть в скрытую комнату.

Такая возможность представилась через пару часов после завтрака, когда в мою ставшую темницей комнату вошел Киран.

— Готова? — спросил он, внимательно всмотревшись в мое лицо.

— Готова, — подтвердила я, спокойно встретив его взгляд.

Мы вышли в коридор и стали медленно спускаться вниз по черной лестнице. Когда я услышала впереди негромкие шаги, сердце ухнуло куда-то вниз, но Киран тут же обернулся и покачал головой. Я не сразу поняла, как расценивать этот жест, и, лишь когда увидела Фиону, поняла, что горничная нам помогает.

Оказавшись на первом этаже, мы свернули в нужный коридор, и в этот же момент совсем рядом снова раздался звук шагов. На сей раз Киран не показал, что все в порядке, и напрягся. Взяв меня за руку, одним рывком

оттащил за угол и вынудил вжаться в стену.

— Снова бродишь по особняку? — спросил дворецкий, в голосе которого отразилась тень недовольства.

— Простите, господин Дженкинс, — проговорила Фиона. — Я шла на кухню.

— Не испытывай моего терпения, девочка. Будь рядом со своей леди, большего от тебя не требуется.

Я замерла, забыв дышать. Второй раз я находилась в подобной ситуации. В прошлый раз в кабинете все обошлось, но сейчас я вовсе не была уверена, что Дженкинс нас не заметит.

К счастью, обошлось и сейчас.

Когда дворецкий скрылся из виду, Киран снова взял меня за руку, только теперь его вела я. Мы миновали длинные коридоры, которые за прошедшее время будто стали еще мрачнее, проходили по пустым галереям и скользили мимо множества темных дверей.

Оказавшись перед нужной комнатой, я указала Кирану место, где находилась массивная, украшенная ковкой дверь, невидимая обычным зрением.

— Покажи, где тут замочная скважина, — попросил он, бросив быстрый взгляд в конец коридора. — Чтобы отпереть, мне нужно знать точно.

Я ткнула пальцем туда, где находилось отверстие для ключа. Киран сосредоточился и положил ладонь на то место, где находилась дверная ручка. К моему изумлению, ладонь прошла сквозь нее. Но охотника это не остановило: прикрыв глаза, он замер и словно превратился в каменное изваяние. Как и в случае с оградой, потребовалось несколько минут на то, чтобы появились какие-то заметные изменения.

Воздух завибрировал, дверь подернулась рябью, и пальцы Кирана обхватили материализовавшуюся ручку. Еще через несколько мгновений темно-вишневое деревянное полотно проявилось полностью, но замок поддаваться не спешил. Киран действовал осторожно и предельно аккуратно. Хотя я не понимала его манипуляций, но предполагала, что он старается не оставлять следов. Магия сокрытия — тонкая материя, подобная завесе. Можно приподнять резко и одним рывком, а можно плавно и практически незаметно.

Щелчка не было, но я сразу поняла, что у Кирана получилось.

Бесшумно отворив дверь, он пропустил меня вперед, и в следующую секунду мы оказались по другую ее сторону.

Стоило нам войти, как на стенах сами собой загорелись свечи в

изящных кованых подсвечниках, но их не хватало, чтобы в полной мере разогнать мрак. Окон в помещении не было вовсе.

— Черт возьми, — выдохнул Киран, устало привалившись к дверному косяку.

Нас обоих постигло глубокое разочарование. За таинственной дверью скрывалась заваленная старыми вещами комната, вовсе не походившая на ритуальный зал.

Тем не менее Киран все же принялся проверять ее на предмет еще одной двери. И она действительно отыскалась — вот только за ней обнаружилось совсем небольшое помещение с тремя односпальными кроватями. Там же стояли покрытые давней пылью тумбочки и стол с несколькими фарфоровыми чашками.

— Они держали их здесь, — сказал Киран, обращаясь не то ко мне, не то к самому себе.

— Кого — их?

— Лилиану и еще двух девушек. Их привезли сюда первыми.

— Но почему здесь? — Я не смогла сдержать удивления. — Почему не вместе с остальными?

Продолжая осматривать помещение, Киран ответил:

— Лилиана — родная сестра Кэтлин Баррингтон, родившаяся девятого сентября. Их мать скончалась вслед за графиней, и после девушка переехала сюда. Граф в какой-то мере испытывал к ней теплые родственные чувства, поэтому позволил жить рядом с собой. Тогда она была слишком мала, но сейчас ее возраст как раз подходит для ритуала, да и граф, вероятно, сильно изменился, утратив остатки сентиментальности. Кроме того, Лилиана была свидетельницей происходящего здесь десять лет назад. Будучи фактически ребенком, она могла всего не понимать, но с возрастом, вероятно, стала о чем-то догадываться.

Я слушала и изо всех сил старалась сохранять присутствие духа, потому что это было слишком страшно. Только теперь я в полной мере понимала и видела на наглядном примере, насколько несовершенен наш мир и власть. Как такие преступления, столько загубленных жизней все это время могли оставаться незамеченными? Как?

В столице и областях дела наверняка обстояли иначе, но здесь, в окрестностях маленького провинциального городка, все творили что хотели.

— А почему граф ждал целых десять лет? — спросила я и тут же сама ответила: — Требовалось время, чтобы все улеглось. Должно быть, желал все продумать и не допустить прежней ошибки. Вот только в таком случае

нужно было тщательнее отбирать жертвы. И не останавливать выбор на тех, кто обладает магией.

К последней категории я относила и себя, и Делору. Впрочем, девушке-лани ее дар не очень-то и помог.

Киран вернулся в смежную комнату, где принялся осматривать старые вещи, и я занялась тем же. В первую очередь мое внимание привлекла левая от двери стена, увешанная портретами-миниатюрами. Я бы не удивилась изображению на них графа и графини, но на всех был нарисован один и тот же молодой человек. Светловолосый, с правильными и выразительными чертами лица, кого-то смутно напоминающий. На этой же стене под стеклом висели разноцветные бабочки: синие с крупными кружочками на крыльях, желтые и черные, белые капустницы и прекрасные адмиралы.

Мне стало не по себе. Никогда не понимала людей, их коллекционирующих. Такие бабочки — красота, за которой скрывается смерть.

— Черт возьми, — второй раз выругался Киран, чем привлек мое внимание.

Приблизившись, я увидела, что он держит в руках два абсолютно одинаковых детских платьишка. Внутри каждого имелись вышитые надписи: Б. Баррингтон на одном и С. Баррингтон — на другом.

Перед моими глазами в очередной раз пронесся образ, явившийся на кладбище — женщина с ребенком на руках... Но это была не графиня. Глядя на детские платья, я отчетливо сознавала, что и ребенок — не тот.

«Я не чувствую Оливии... никогда не чувствовала, — прозвучали в мыслях слова Банни. — Она любит меня, но как-то не так. Помогите мне узнать правду, завтра у тебя будет такой шанс».

— Девочка, похороненная рядом с графиней, — не ее дочь, — потрясенно прошептала я, переводя на Кирана немигающий взгляд. — Она жива... Это Банни.

Судя по выражению лица, Киран тоже это понял.

— Не понимаю, — задумчиво проговорил он, — для чего графу выдавать одну дочь за другую? Какой смысл говорить, что законный ребенок умер и выдавать его за ребенка любовницы?

— Может, чтобы у девочки была мать? — неуверенно предположила я. — Банни выжила, а дочь Оливии умерла, как и законная супруга графа. Они обе нашли друг друга.

— Насколько мне удалось узнать, у графини начались преждевременные роды именно из-за того, что она узнала об измене

мужа, — неожиданно поделился Киран. — До этого считалось, что служанка беременна от садовника, но, когда правда вскрылась, Кэтлин этого не вынесла. У Баррингтона со служанкой была незначительная интрижка, о которой он вскоре пожалел, но для графини это стало роковым ударом. Он чувствовал вину за смерть жены, поэтому и помешался, решив любым способом ее вернуть.

— Человек не имеет права решать, кому жить, а кому умирать, — тяжело дыша от всего открывшегося, проговорила я. — Не нам воскрешать мертвых. Поэтому иначе как помешательством действия лорда действительно назвать нельзя.

Мы некоторое время помолчали, думая об одном и том же, а после я негромко спросила:

— Если не эта комната является залом для ритуала, то какая?

Ответа не было ни у кого из нас, и мы оба испытывали тягостное разочарование.

Киран с силой стукнул кулаком о стену, выпуская наружу досаду и злость, и опустил голову. Ему, как и мне, было по-настоящему плохо. Времени на поиски практически не оставалось.

— Киран... — несмело приблизившись, я подняла руку, чтобы коснуться его плеча, но так и не решилась. — Не все еще кончено, мы можем...

— Ни черта мы не можем! — резко развернувшись, зло отрезал тот. Но уже в следующую секунду устало выдохнул: — Прости.

Повторяя мой так и не случившийся жест, он мягко провел рукой по моей щеке. Его глаза в этот момент отражали такую муку, что впервые в жизни мне по-настоящему захотелось заплакать.

— Прости Амина, — тихо повторил он. — Это моя вина. Узнав о подготовке нового ритуала, я поклялся, что не допущу этого — и я не допущу. — К Кирану вновь вернулась привычная уверенность, и он решительно добавил: — Ты права, это не конец. У нас в запасе три недели, и я вывезу вас отсюда. Чего бы мне это ни стоило.

В следующий момент нас двоих одновременно захлестнуло огромной волной. Отчаяние, страх, надежда, жажда жизни и справедливости — все слилось воедино. Притянув к себе, Киран властно впился в мои губы, вынуждая подчиниться и податься навстречу. Я устремилась к нему, обняла за шею и ощутила, как вскипает кровь.

Все было в сотни раз ярче, чем во сне. Холодная стена за спиной и горячее, прижимающее меня к ней мужское тело. Играющий внутри адреналин и понимание того, где мы находимся, только добавляли остроты

и без того кружащим голову ощущениям. Я не думала ни о правильности или неправильности, ни о запретах — ни о чем, полностью отдавшись во власть естественных чувств. Я нуждалась в этом, нуждалась до потери пульса. Жаркие поцелуи, покрывающие лицо и шею, вместе с фейерверком ощущений приносили неожиданный покой и защищенность, веру в то, что я больше не одна. Что вот он — человек, понимающий меня и поддерживающий. Пусть даже на время...

Волна схлынула так же внезапно, как накатила. Киран на мгновение отстранился, всмотрелся в мои глаза и, глубоко вдохнув, медленно отступил.

— Я не стану приносить извинения, леди, — глухо произнес он, едва заметно улыбнувшись.

— Если бы вы принесли извинения, — так же глухо и с вымученной улыбкой ответила я, — я бы вас убила.

Он негромко засмеялся и посмотрел на меня как-то по-новому — тепло и с неуловимой нежностью, которой я никак от него не ожидала.

А в следующую секунду меня потрясло очередное открытие. Неотрывно глядя на Кирана и воспроизводя в памяти не так давно услышанные слова, я уже знала, где находится ритуальный зал.

ГЛАВА 19

— Гретхен, живущая в лесу старуха, — она ведь потомок лорда Палмера?

Смена темы вышла неожиданной, но Киран незамедлительно кивнул.

Сердце учащенно забилось и, прежде чем сообщить о своей догадке, я еще раз мысленно вернулась к нашему последнему разговору с ведьмой. В те жуткие мгновения, когда пыталась меня убить, она рассказывала историю своей матери, избежавшей страшной участи сгореть в пожаре.

— Подвал... — выдохнула я, продолжая смотреть на Кирана. — Она говорила о находящемся на заднем дворе подвале. Именно там спряталась выжившая дочь виконта. Думаю... нет, я уверена, что именно там и расположен ритуальный зал!

Киран переменялся в лице и, осмыслив мною сказанное, выдохнул:

— Ты умница. Настоящая умница, Амина!

Он решил сегодня же внимательно осмотреть задний двор. Раньше я не видела там ничего, напоминающего крышку люка, но ведь никогда и не ставила такой задачи.

— Если его, так же, как и эту комнату, скрывает магия, мне снова понадобится твоя помощь, — сказал Киран, когда мы собрались уходить. — В таком случае я выведу тебя на улицу завтра вечером.

Из комнаты Киран выходил первым, и я заметила, как он бросил на увешанную миниатюрами стену быстрый взгляд. Показалось, что в этот короткий миг он понял для себя нечто важное, но я не стала заострять на этом внимания.

Закрыв за нами дверь, Киран потратил еще несколько минут на то, чтобы восстановить запечатывающее ее заклинание. Он не жаловался, но я видела, сколько ему потребовалось для этого сил.

До отведенных мне покоев мы добирались под печальные звуки ноктюрна. Он снова звучал в музыкальном зале, и его плачущие ноты доходили до глубины души. То было лишь зыбкое воспоминание, при помощи магии обращенное в некую форму, но музыка все равно казалась по-настоящему живой.

По пути нам никто не встретился. Ощущение, что лорд Баррингтон знает о каждом моем шаге, временно исчезло, и я подозревала, что и тут не обошлось без Кирана. Нам в самом деле удалось все сделать незаметно.

— Все будет хорошо, — напоследок произнес он, взяв мое лицо в

ладони и заставив посмотреть ему в глаза. — Я хочу, чтобы ты пообещала мне одну вещь, Амина: всегда верить и никогда не сдаваться. Слышишь? Что бы ни случилось, не сдавайся. Пока человек не сломлен, пока верит, у него есть шанс.

Я молчала, не в силах оторвать от него взгляд, и Киран требовательно повторил:

— Обещай.

— Обещаю, — выдохнула, чтобы в следующую секунду снова ощутить мимолетный поцелуй.

Я лежала на кровати и смотрела в потолок, касаясь пальцами до сих пор горящих губ. Никогда не могла представить, что смогу испытывать нечто подобное. Я всегда считала себя достаточно рассудительной и уравновешенной, и небеспочвенно. Сейчас же, в окружении сплошных кошмаров и загадок, все мои мысли занимал мужчина.

Этот вечер стал особенным. Я выбросила из головы все, чем мучилась последние недели, и позволила себе раствориться в волнующе-приятном мареве. Снова и снова переживала наш поцелуй в скрытой комнате, слышала сказанные Кираном слова. Я не могла назвать свои чувства влюбленностью — скорее это была потребность в ней. Хотя, возможно, я просто боялась признаться себе в том, что за такой короткий промежуток времени успела привязаться к практически незнакомому человеку.

Сон, явившийся мне ночью, не был кошмарным. Пребывая в нем, я не чувствовала страха, лишь приближение скорой развязки. Я стояла среди серого тумана и не знала, в какую сторону идти. Вместе с тем понимала, что, если выберу нужное направление, увижу то, что так долго ищу...

Туман был мягким, обволакивающим и немного сонливым. Он расстилался и надо мной, и подо мной, и со всех сторон. Выбрав путь, я шла вперед, зная, что не упаду. Оступись я, и он тут же подхватит, ласково подтолкнет вперед.

Вскоре я оказалась перед большим, в мой рост, зеркалом, висящим в этом тумане. Подойдя к нему, заглянула в чарующую мутно-серую глубину и замерла, затаив дыхание.

Из него на меня смотрел Виктор.

С самого утра я терпеливо ждала наступления вечера. Киран мог и не прийти, если бы справился сам, но мною владела уверенность: моя помощь ему непременно понадобится.

Пока время позволяло, я вновь вернулась к анализу недавних событий и дольше всего задержалась на Банни. Мне не давали покоя ее пророческие

слова, часть из которых уже сбылась.

Ты взгляду не верь — он врет,
Но верь глазам, что не лгут,
Сам он тебе подсказку дает,
Родная кровь, соперник и друг.

Чьим глазам стоит верить? Как понять фразу, что «сам он подсказку дает»? Я предполагала, что под этим таинственным «он» следует понимать лорда Баррингтона. Но при чем здесь кровь, соперник и друг?

Вспомнив последний сон, я задумалась. Сперва я не придавала ему значения, но что-то меня в нем зацепило. Казалось, что зеркало, Виктор и сказанные Банни строки были как-то связаны. Однако сколько ни пыталась, уловить эту связь не могла.

Киран все-таки пришел — после ужина, когда небо потемнело и на дворе сгустились сумерки. На этот раз Фиона нас не сопровождала, и по черной лестнице мы спустились одни. Меня не отпускало чувство, что нас непременно заметят, но присутствие рядом Кирана придавало уверенности. Он явно знал, что делал, и я полностью ему доверилась.

На заднем дворе было еще темнее. Казалось, именно здесь концентрировалась ночь, каждый раз приходя в Сторм-Делл с запада. Я боялась, что поиски займут слишком много времени, но Киран в очередной раз удивил. Сказав, что примерно знает, где находится вход в подвал, он привел меня к старым, накренившимся к пруду ивам.

— Смотри внимательно, — произнес он. — Это где-то здесь.

И я принялась осматриваться вокруг — внимательно, пристально, подмечая незаметные с первого взгляда детали. Постепенно зрение перестраивалось на магическое, но искомого я по-прежнему не видела. Тогда, доверившись зову интуиции, пригнулась и прошла немного вперед. Остановившись у одной из ив, я замерла и чутко прислушалась к собственным ощущениям.

— Здесь, — произнесла абсолютно уверенно, хотя все еще не видела входа.

Последовав моему примеру, Киран внимательно осмотрел землю и, заметив, что в одном месте прошлогодние листья лежат как-то неестественно, сгреб их в сторону. Моему взгляду открылась квадратная каменная плита с тяжелым металлическим кольцом. Киран же все еще ее не видел. Как и в случае с дверью скрытой комнаты, я указала точное

расположение плиты, и он начал убирать скрывающую ее завесу.

Но как вскоре оказалось, преодолеть магию — всего лишь полдела. Сдвинуть тяжелый камень оказалось не легче, но Киран справился и с этим. Стиснув зубы, он надавил на плиту, и та медленно поддалась, открывая крутую лестницу, ведущую вниз.

— Тебе необязательно туда идти, — сообщил Киран, подняв на меня глаза.

Спускаться в холодную темноту мне в самом деле не хотелось, но оставаться одной у пруда было еще страшнее.

— Я могу отвести тебя обратно в комнату, — правильно истолковал он выражение моего лица. — Так будет лучше.

Поразмыслив не дольше нескольких секунд, я отрицательно покачала головой и протянула ему руку. Спорить Киран не стал и, спустившись еще на несколько ступеней, помог спуститься мне.

Лестница была очень узкой, и даже мне, никогда не страдающей боязнью замкнутого пространства, стало неудобно. Коридор, в котором мы оказались, был таким же, и, идя по нему, я чувствовала себя все более некомфортно. Это место целиком и полностью пропитывала темная магия, она чувствовалась настолько явственно, что у меня начала болеть голова. О том, что творилось здесь десять лет назад, я старалась не думать, иначе можно было сойти с ума.

Коридор казался бесконечным, и к тому времени как мы подошли к двери, нервозность достигла предела. Перед тем как открыть, Киран пристально ее изучил и, лишь убедившись, что нас не ожидает неприятного сюрприза, тронул ручку.

Я даже вообразить боялась, что увижу там, но предполагала, что это будет, как в являющихся мне кошмарах.

На деле все оказалось куда страшнее.

Я действительно словно попала в свой кошмар, только на этот раз — в реальности. В выложенном камнем зале не было ни единого окна, и темноту разгоняли лишь горящие на стенах факелы. Пламя не могло соперничать с царящим здесь холодом — жутким, потусторонним, мертвым. Пол устлала сухие багровые лепестки, которые подхватывал ползущий по полу сквозняк. В центре помещения находился знакомый круг, разбитый на двенадцать секторов, а в центре круга — никого, лишь... зеркало.

В глазах помутилось, и, тяжело дыша, я оперлась о стену, но стало только хуже. Напитавший это место негатив проник в тело от этого прикосновения, и я стала задыхаться. Страх и боль, ненависть и отчаяние,

безумное желание жить и пустота — вот что наполняло это место.

На меня накатила паника, захотелось броситься прочь, немедленно оказаться на поверхности и полной грудью вдохнуть свежий воздух. Я умру здесь, умру!

— Амина!

Резко прозвучавший голос и пальцы, сжавшие мои запястья, выдернули меня из панического состояния. Оказавшийся рядом, Киран притянул меня к себе и вынудил посмотреть ему в лицо.

— Успокойся! Да, здесь произошло жуткое убийство, да, я тоже это чувствую, но не позволяй страху управлять тобой!

С минуту я пребывала на грани срыва, но присутствие рядом Кирана спасло меня. Обняв, он мягко провел пальцами по моим волосам, успокаивая и внушая чувство защищенности.

— Все хорошо, — ласково проговорил он. — Это всего лишь зал.

«Подземный зал! Ритуальный зал!» — бились в сознании отголоски панических мыслей, но постепенно они затихали.

Когда я справилась с охватившим меня ужасом, Киран отстранился и прошел в центр круга. Смотреть на сектора было выше моих сил, а когда я увидела стоящего ко мне спиной мужчину, контролировать себя стало еще сложнее. Умом понимала, что это Киран, но душа трепетала, а в жилах стыла кровь.

Каждое дуновение неестественного ветра, каждый мимолетный шорох делал ладони влажными, а горло — сухим. С какой-то отстраненностью я наблюдала за тем, как Киран прикладывает ладони к зеркалу, замирает и чуть слышно произносит какие-то слова. Шла минута за минутой, и ничего не менялось, но я знала, что ему требуется время.

— Миледи... — внезапно прозвучало на грани слышимости.

Сердце словно полоснуло ножом. Резко повернувшись на голос, я увидела то, чего не заметила сразу, — еще одну неприметную дверь в другом конце зала.

— Бекки, — прошептала я, сомневаясь, не мерещится ли мне.

— Миледи, это вы?

— Бекки! — повторила уже увереннее и, отмерев, бросилась к двери.

Сосредоточившись на мысли о заточенной здесь горничной, я забыла даже про страх и, не задумываясь, ступила на сектора. Преодолев круг, положила ладони на темное дерево и взволнованно спросила:

— Бекки, как ты?! Кто тебя здесь запер?

— Дженкинс, — последовал ответ.

Голос горничной звучал очень тихо, и причиной тому явно была не

только разделяющая нас дверь. Девушка ослабла, и я даже представлять не хотела, в каком она сейчас состоянии. Одна, запертая в жутком подzemелье — да по сравнению с тем, что ей довелось пережить в эти дни, мои собственные страхи ничего не стоили!

Отпереть дверь самостоятельно я не могла, поэтому оставалось дожидаться, пока Киран закончит с зеркалом. Что бы он ни делал, это стоило ему огромных трудов, о чем говорили и напряженная поза, и вздувшиеся на руках вены, и влажный лоб. В очередной раз умение видеть незримое помогло мне заметить потоки энергии, идущие от его рук и переливающиеся в зеркало. Магии, которой было наполнено это место, они явно не нравились. Она шипела, как раскаленные угли от водных капель, скалилась и пыталась воспрепятствовать, но Киран не сдавался. Медленно, но верно что-то в зеркале перестраивалось, и росла надежда, что мы сможем сорвать проведение ужасного ритуала.

— Миледи, мне так страшно, — проговорила находящаяся по ту сторону двери Бекки. — Дженкинс позвал меня в сад, а потом... Потом я даже не помню, как здесь оказалась. Кажется, здесь был Виктор... Дворецкий, он... Он приходит, чтобы принести еду. Здесь есть одеяло, но мне все равно холодно... Так холодно, будто мерзнет душа...

Каждое сумбурно произнесенное Бекки слово отзывалось в сердце ноющей болью. Не в силах бездействовать, я навалилась на дверь, дернула за ручку, но та ожидаемо не поддавалась. В отчаянии стукнула по дереву изо всей силы, но также безрезультатно.

Раздался тихий треск. Обернувшись к Кирану, я увидела, что он держится за раму зеркала и тяжело дышит.

— Все в порядке, — на выдохе успокоил он. — Получилось.

Мечась взглядом между запертой дверью и изможденным Кираном, я все же решилась спросить:

— Ты можешь ее открыть?

Слегка пошатываясь, он приблизился, и я без слов поняла ответ. К тому же, как ни хотелось этого признать, если бы мы освободили Бекки именно сейчас, это бы вызвало подозрения, и все наши усилия стали бы напрасными.

— Мы вернемся за ней в день, когда я буду выводить остальных, — все так же тяжело дыша, заверил меня Киран. — Раз она до сих пор жива, ее не станут убивать и впредь. По крайней мере, до дня ритуала.

Я, как могла, попыталась успокоить горничную, и мои слова она восприняла на удивление спокойно. Да, в ее голосе звучали отчаяние и безграничный страх, но, похоже, за проведенное здесь время она успела

примириться с обстоятельствами.

Бекки, бедная Бекки, до дрожи боящаяся колдунов и всего, что с ними связано. Моя несчастная суеверная горничная... Мне так же сильно хотелось остаться и поддержать ее хотя бы на словах, как и поскорее выбраться отсюда. Господи, как же ей должно было жутко находиться здесь одной! Я догадывалась, что в этой комнате проводили последние часы своей жизни выбранные жертвы, но надеялась, что Бекки об этом неизвестно. Возможно, хотя бы незнание всей правды хоть сколько-нибудь облегчало ее страдания.

Из зала мы с Кираном выходили полностью измотанными: я — морально, он — морально и физически. Говорить не хотелось, и узкий, давящий подземный коридор казался бесконечным. Само это место словно вытягивало жизненные силы, отбирало все светлое в человеке, а взамен давало лишь холод и пустоту.

Оказавшись на поверхности, мы позволили себе отдохнуть и, присев, тяжело привалились к толстому стволу ивы. Над Сторм-Деллом повисла беспроглядная ночь, накрапывал мелкий дождь, а стоящая на мосту графиня бросала крошки таким же призрачным лебедям. Я смотрела на это материализовавшееся воспоминание, и оно не виделось мне чем-то ужасным. То не было черной магией — всего лишь желанием человека вернуть ушедшее. Видеть ту, кого любил, хотя бы в форме зыбкого призрака.

Графиня безмятежно улыбалась, а иногда и беззвучно смеялась, глядя на плавающих по воде прекрасных птиц. Такая зыбкая красота — мимолетная, как полет живущей несколько дней бабочки.

Сколько всего видело это поместье, сколько его стены впитали в себя разных чувств! Ведь помимо боли и страха наверняка было и что-то хорошее, чистое. Возможно, Кэтлин любила мужа, поддерживала его, была его лучом света. Ушла она, угас и свет, оставив лорда в сводящей с ума темноте.

— Думаете, любовь этого стоит? — как-то отстраненно спросила я. — Стоит потери души?

Ветер всколыхнул укрывающие нас ивовые ветви, и Киран ответил:

— Если требует потери души — это не любовь. Безумие, страсть, одержимость. Но не любовь.

На следующий день Киран снова меня навестил и рассказал, что намеревается делать дальше. Через несколько дней у него был выходной, и он собирался отправиться в город, чтобы встретиться с верными людьми.

Те должны были приехать в назначенный срок и забрать девушек, которых мы в это время выведем из особняка.

— Но как? — удивилась я, когда он дошел до этой части. — Каким образом мы выведем их, когда они находятся в таком состоянии?

— Сейчас они слышат и понимают все, что происходит, но не могут на это реагировать, — отозвался Киран. — Еще месяц назад я попросил одного аптекаря приготовить нейтрализатор яда, который по приказу графа добавляют в чай. Мы дождемся последнего дня рождения, по случаю которого будет устроен обед. Они никогда не изменяют этой традиции, исполняют ее и в последний раз. Я поговорил с Габи, она готова помочь. Она проникнет в кухню и добавит нейтрализатор в одно из блюд. Если все получится, он подействует уже через пару часов.

— Но ведь... — Я напряглась, осознав, что это означает. — Последний день рождения — мой. Мне придется...

— Пройти обряд? — закончил за меня Киран, и его руки сжали подлокотники кресла. — Да.

Я была растеряна и напугана. До сих пор при воспоминании о том, через что прошла Кэсси, меня била дрожь.

— В нем нет ничего страшного, — заверил меня Киран. — По сути, это действительно не больше чем пережитки суеверий прошлого. Сам по себе обряд безвреден, но является обязательным условием «Круга двенадцати душ». Амина... — Он на миг замолчал. — Я не могу и не хочу тебя заставлять. Одно твое слово, и ты уедешь уже послезавтра.

На этот раз соблазн согласиться не был столь велик, как прежде. После всего, что мне уже довелось увидеть и пережить, я не могла сбежать. Требовалось довести начатое до конца и сделать так, чтобы лорд Баррингтон за все ответил.

— Когда девушки придут в город, они дадут соответствующие показания, и им поверят, — проигнорировала я предложение Кирана. — Просто не смогут проигнорировать показаний стольких свидетелей и жертв. Те люди, о которых вы говорили, это ведь охотники, верно?

Он кивнул:

— Мы работаем вместе, и я им доверяю. Они единственные, кто на протяжении долгих лет продолжали мне верить и пытались копать под Баррингтона. Мы бы могли вывезти девушек уже в ближайшие дни, но из нас троих только я могу отвести глаза цвергам. Сейчас, после вмешательства в магию зала, у меня попросту не хватит на это сил.

Мне оставалось только с этим согласиться и всецело положиться на Кирана.

Следующим вечером я сидела за туалетным столиком и расчесывала волосы. Время было позднее, Оливия, расстелив постель, помогла мне переодеться и ушла. В камине догорали дрова, но в комнате все равно было холодно. Мне начинало казаться, что май — полный жизни и тепла май — слишком чужд этому вечно сырому краю. Даже скорое наступление лета не обещало радости, не сулило облегчения, а несло лишь очередное мучительное ожидание.

В последний раз я праздновала день рождения, когда мне было семь лет. И в последний год, проведенный в кругу семьи. Мне подарили большую фарфоровую куклу, одежду для которой заказали в лучшей швейной мастерской. Даже в то время, когда отец погряз в долгах, мать продолжала тратить деньги на бесполезный шик.

Я запомнила прием, устроенный в мою честь. Подарки и вежливые улыбки тех, кому, в сущности, было на меня плевать. К середине вечера мне позволили уйти в детскую, где общество дорогой подаренной куклы показалось лучше общества таких же дорогих гостей.

Невольно вспоминая о том дне, я хотела вернуться туда. Только теперь понимала, что во многом была не права. Потому что какой бы она ни являлась, но это была моя семья. И тот мир тоже принадлежал мне.

Я все больше убеждалась, что все познается в сравнении. И теперь, когда двадцать первый год своей жизни мне предстояло встретить в Сторм-Делле, я многое бы отдала, чтобы все сложилось иначе.

Отложив щетку для волос, я откинула назад волосы, а в следующий миг увидела в отражении зеркала, как медленно открывается дверь. Меня окатило волной дрожи, и стало страшно настолько, что я не смела обернуться. Но и оторваться от отражения не могла.

Стало еще холоднее, а на гладкой поверхности зеркала с тихим хрустом появлялись морозные узоры. Когда в комнату вошел человек, я подумала, что лучше бы вместо него сюда ворвались темные призраки.

Виктор не походил на самого себя. Он был чрезвычайно бледен, на осунувшемся лице резко выделялись скулы и неестественно черные глаза; его рубашка была полурасстегнута, темные волосы небрежно падали на лоб.

Я чувствовала, что это он принес холод. И еще чувствовала, что ему чрезвычайно плохо.

По-прежнему не в силах обернуться, я видела в зеркальном отражении, как он медленно приближается ко мне. Лишь когда Виктор подошел слишком близко, я очнулась и резко поднялась. Но он не дал мне

развернуться, неожиданно крепко обхватив за плечи и притянув к себе.

— Справляться с ними все сложнее, — тяжело выдохнул он, почти касаясь губами моей шеи. — Они истощают меня. Мне так плохо...

Напрягшиеся пальцы на моих плечах и тихое:

— Согрей меня, Амина.

И прохладные губы все же коснулись моей кожи, руки скользнули вниз, очертив линию предплечий и остановившись на локтях. Я порывалась вырваться из нежеланных объятий, но тело словно онемело. Зеркальное отражение приковывало взгляд, и я не могла даже моргнуть, чтобы скинуть охватившее меня оцепенение.

Казалось, я вижу все происходящее со стороны. Это не я стою в одной ночной полупрозрачной рубашке, это не меня обнимает стоящий за спиной мужчина. Не я — та, в чьих застывших глазах отражается страх.

Внезапно развернув, Виктор впился в меня болезненным поцелуем, и, находясь столь близко, я слышала замедленное биение его сердца. Мысли смешались, по телу разлился губительный холод, проникающий через соприкосновение наших губ. Буквально физически я ощущала, как из меня вытекает живительное тепло. Энергия, магия — называй как угодно, но она покидала меня, чтобы попасть к тому, кто так нуждался в ней в этот момент.

Сжав еще крепче, Виктор увлек меня к кровати и навис сверху. Всего мгновение, и его губы снова накрыли мои, не давая ничего, кроме холода. Мне думалось, я умираю, прямо здесь и сейчас медленно превращаюсь в лед.

Чужие руки огладили обнаженные плечи, затем коснулись ног и, сминая шелк сорочки, поднялись до колен. Лишь на мгновение замерев, двинулись выше, и именно в эту секунду меня пронзило воспоминание.

Знакомое, успевшее стать родным лицо. Другие губы, которые вместо холода дарили тепло. Слова, что позволяли чувствовать себя защищенной, руки, что нежно гладили по волосам и успокаивали... Киран.

Я словно проснулась.

С ужасом осознав, в каком положении нахожусь, попыталась вырваться и успела заметить в глазах Виктора удивление, прежде чем он еще сильнее вжал меня в кровать. Зная, что на мой крик никто не придет, я устремила взгляд на прикроватную тумбочку, где на подсвечнике горели три свечи.

Я испытывала страх, негодование, отчаяние, и все это выливалось в одно сильнейшее желание — остановить происходящее и не допустить непоправимого.

— Не прикасайся ко мне, — процедила я, не сводя глаз со свеч.

Виктор словно не слышал меня, но зато меня услышал огонь. Я выпустила наружу то, чего так долго опасалась, позволила дремлющей внутри силе выйти наружу, и пламя свечей разгорелось. Взметнувшись, оно ринулось прямо на удерживающего меня мужчину, и он, почувствовав это в последнюю долю секунды, резко отпрянул.

Я тут же подскочила с постели и схватила подсвечник. Тяжело дыша, выставила его перед собой, точно оружие, и со смесью страха и ярости посмотрела на Виктора. Подчинившийся мне огонь угас, едва коснувшись смятых простыней, и оставил на них практически незаметную черную отметину.

Только сейчас я смогла заметить, что Виктор изменился. Он больше не выглядел бледным и изможденным: его лицо приобрело здоровый оттенок, глаза стали ясными и блестели.

— Видела бы ты себя сейчас, — хрипло проговорил он, не отрывая от меня взгляда, в котором неожиданно промелькнуло удовлетворение. — Настоящая ведьма.

— Убирайся, — выдавила я, безрезультатно пытаюсь справиться с налетевшим вихрем чувств. — Не подходи ко мне!

Рука дрожала, и огоньки свечей один за другим потухли.

— Я уйду, — с внезапным спокойствием произнес Виктор. — Но уже скоро ты сама придешь ко мне.

Он развернулся и, почти выйдя из комнаты, добавил:

— Спасибо за магию, Амина.

Дверь за ним тихо закрылась, мерно тикали стрелки напольных часов, а я все продолжала стоять, дрожа и удерживая перед собой подсвечник. В какой-то момент пальцы сами собой разжались, и он с глухим стуком упал на ковер.

Опустившись следом, я притянула колени к подбородку и обхватила себя руками. Меня душили не находящие выхода рыдания, я давилась ими и захлебывалась. Мне открылась новая грань страха. И страшно было не только из-за того, что могло произойти, не останови я Виктора, не только оттого, что он буквально пил мою магию, чтобы восстановить силы после контакта с темными призраками. Страх рождался из того, что я впервые по-настоящему использовала магический дар, почувствовала свою силу... и мне понравилось.

ГЛАВА 20

День моего полного совершеннолетия выдался на диво солнечным. Кажется, лето все-таки вспомнило о своих обязанностях и порадовало по-настоящему июньским теплом. Ожидания оправдались, и, не отходя от традиции, мне решили устроить такой же праздник, как и прежде остальным. Хотя само слово «праздник», как и предстоящий торжественный обед, казалось самой настоящей издевкой.

С утра в мои покои пришла Оливия, принеся новое платье оттенка ариданской розы — слишком яркое и вычурное для молодой леди, но мне было все равно. На столе появились свежие цветы, радующие тем, что их для меня срезал Киран.

Эта ночь была беспокойной из-за не отпускающего меня волнения. Наступил тот момент, которого я так ждала, и сегодня все должно было решиться. Все прошедшее время меня сковывало невыносимое напряжение. Киран стал заходить реже, вероятно опасаясь быть замеченным, но всякий раз приносил еды в два раза больше прежнего. Помимо него ею меня снабжала и миссис Эртон, чья неожиданная помощь не могла не удивлять.

После того памятного вечера, когда ко мне пришел Виктор, мы с ним больше не виделись. Каждый раз, ложась в постель, я боялась закрывать глаза, а за туалетный столик не садилась вовсе. Я и сама не знала, как держалась все это время, находясь на грани нервного срыва.

Когда часы пробили три, в комнату вошла экономка, сопроводившая меня в столовую. Прислуга сегодня постаралась, и сервировка стола превосходила все ожидания. Привычная посуда была заменена дорогим и явно старинным фарфором, в небольших вазах стояло несколько букетов роз, белая кружевная скатерть также исчезла, уступив место бордовой.

Мне отвели место во главе стола, по обе стороны которого сидели словно неживые девушки. Если еще некоторое время назад они изредка говорили хоть что-то, то теперь молчали, и эта повисшая за столом тишина была самым тяжелым испытанием. Как ни старалась, я не могла отделаться от ощущения, что праздничный обед проходит в могильном склепе.

В целом к этому я уже привыкла, но что меня действительно изумило — это присутствие за столом Делоры. Я просто не поверила себе, когда увидела ее по правую руку от меня. Девушка выглядела ужасно, но все же лучше, чем в то время, когда бесчувственно лежала в своей комнате. Она

была такой же бледной и безучастной ко всему, как и прочие, но само ее присутствие послужило мне огромной поддержкой.

Вероятно, дело было в приближающемся ритуале, до которого осталось всего пять дней. Кругу не был нужен живой труп, и Делору, насколько это требовалось, привели в чувство, сравнив со всеми остальными. Угрозы она больше не представляла, и держать ее взаперти было ни к чему.

Но самое главное, что поддерживало меня и не давало сорваться, — это осознание того, что сегодня произойдет. Обменявшись со мной взглядом, Габи едва заметно кивнула, и я мысленно с облегчением выдохнула, понимая, что ей удалось добавить переданный Кираном нейтрализатор в одно из блюд.

Дженкинс был предельно услужлив, подавая к столу искусно приготовленную Джиной еду. Сегодня нас угощали сырным суфле, запеченной с яблоками свининой и рагу из крольчатины. Чечевичный суп с бараньими ребрышками и колбаски с пюре также входили в праздничное меню, а на десерт каждой девушке подали порционные шоколадные тортики.

Насколько я могла судить, нейтрализатор Габи добавила в рагу, потому что именно с ним проделать это было проще всего. Внимательно наблюдая за девушками, я отметила, что каждая из них съела свою порцию до конца. Теперь даже выпитый за десертом чай не мог на них воздействовать.

Не могло не радовать и отсутствие Виктора. Прислуги на этот раз за столом тоже не было, как и Кирана.

Однако чем ближе становился вечер, тем больше я нервничала. Мне казалось, я сумела морально подготовиться к обряду, но все мое естество до сих пор этому противилось. Я чувствовала, что его суть — такая же тьма, как и многие другие пережитки колдовского прошлого.

Когда праздничный ужин был закончен, началась подготовка к традиционному обряду с купанием. Оливия и Фиона под руководством миссис Эртон вынесли на улицу ту же ванну, в которой месяц назад лежала Кэсси. Оставив горничных дальше управляться самим, экономка отвела меня в одну из гостиных первого этажа, где я должна была переодеться.

Медленно расстегивая крючки на моем платье, она произнесла:

— Мне жаль, но уже ничего не изменить. Боюсь, это ваш последний день рождения, леди Кендол.

Я сжала кулаки, до боли впившись ногтями в ладони, и сделала вид, что не слышала. Спокойно стояла, позволяя экономке переодевать меня, и сосредотачивалась на мыслях о предстоящем побеге. Минувшим вечером

Киран посетил каждую из девушек и рассказал, что им следует делать. Ответить они, естественно, не могли, но его слова должны были услышать и понять.

Словно обуреваемая недобрым предчувствием, погода переменилась. За окном резко потемнело, усилился ветер, а отдаленные раскаты грома предвещали скорую грозу.

Никогда переодевание не вызывало у меня никаких особенных чувств и воспринималось как нечто привычное. Но сейчас, оказавшись обнаженной среди этой темной, покрытой налетом времени комнаты, перед глазами экономки, я чувствовала себя как никогда беззащитной. Тем не менее виду не подала и продолжала стоять, подняв голову и расправив плечи, пока миссис Эртон не надела на меня свободную белую сорочку.

Неспешно, одну за другой, она достала из моих волос шпильки, и черные пряди свободно заструились по спине. Босые ступни замерзли от прикосновения к холодному полу, и пока мы шли на улицу, я едва сдерживала желание поежиться и обхватить себя руками.

Снова вспоминая детскую сказку о принцессе, сохраняла лицо и не позволяла ни единой эмоции на нем отразиться. Никто не узнает, что мне страшно и холодно, никто не поймет, как трепещет душа и как болезненно сжимается сердце.

Белая ванна на изящных, немного поцарапанных ножках стояла рядом с кустами роз. Алые лепестки покоились на поверхности воды, душисто пахнувшей ароматными маслами. Пламя свечей, что окружали эту импровизированную купальню, подрагивало от порывов усиливающегося ветра, но не гасло.

— Прошу, леди Кендол, — произнесла экономка, указав на ванну.

Помедлив не дольше пары секунд, я встала на лежащий около нее деревянный брусок, а после шагнула в горячую воду. Немного постояла и плавно опустила все тело, оставив на поверхности лишь голову.

«Только не думать... — отчаянно крутилась в сознании одна и та же мысль. — Не думать о том, что происходит. Я всего лишь принимаю ванну...»

Тучи сгущались, гром гремел уже ближе, словно природа в самом деле реагировала на совершаемый обряд. Стоящие поблизости девушки были привычно молчаливы, их глаза — пусты, и я старалась отрешиться от их присутствия. Воспринимать все так, словно нахожусь здесь одна.

Собираясь закрыть глаза, я внезапно наткнулась на пристальный, прожигающий насквозь взгляд. Неподалеку, прямо напротив меня стоял Виктор, мрачно взирающий на разворачивающееся действие.

— Боже, — беззвучно прошептала я и смежила веки, оказавшись в полной темноте.

Слова экономки, что зазвучали через несколько мгновений, вызвали по коже мелкую дрожь, которой не могла воспрепятствовать даже горячая вода. Подобно тяжелым камням, они падали на меня, придавливали и мешали размеренно дышать.

Неужели кто-то действительно считал такой обряд благим? Неужели никто и никогда не чувствовал, насколько он напуган губительной, лишаящей воли тьмой?

Страх и отчаяние, преследовавшие меня больше месяца, желали захватить полную власть. Мои личные змеи вернулись — они шипели и надувались, с каждым произнесенным миссис Эртон словом становясь все больше.

В какой-то миг звучащие отрывистые фразы разбавил стук капель — начался дождь. Я не знала, сколько времени прошло и как долго еще предстояло находиться в воде, но чувствовала, что еще немного — и просто не выдержу.

Должно быть, каждому отмерено вынести ровно столько, сколько он способен вынести. Потому что в самый отчаянный момент, когда я была готова кричать от ужаса и бессилия, все прекратилось.

Голос экономки затих, и я медленно, точно во сне, открыла глаза.

С облегчением, какое вообще могла теперь испытать, увидела, что Виктора в саду нет. Дождь усилился, пламя свечей погасло, экономка велела Оливии отвести девушек в дом. Скованная ужасом, будто лишенная всяких сил, я продолжала лежать в остывающей воде и смотреть на темное грозное небо. Говорят, вода притягивает молнии — может, одна из них сейчас ударит в меня? Лучше умереть от бушующей стихии, чем отдать свою душу в жертву черной магии...

— Осторожно, леди Кендол, — проговорила экономка, помогая мне подняться. — Вот так, не спешите.

Меня укутали в теплое одеяло и отвели в особняк. Но прежде чем в него войти, я увидела наблюдающего за нами Кирана. Глаза его смотрели решительно, а уголки губ были приподняты в почти незаметной, ободряющей улыбке. Его присутствие позволило мне собраться и вспомнить, что уже сегодня весь этот кошмар должен закончиться. Нельзя позволять отчаянию брать верх, тем более сейчас, когда мне довелось пережить один из самых худших моментов в жизни.

К этому времени в моей комнате растопили камин. Некоторое время я провела, сидя перед ним и грея руки о горячую кружку. Смотрела на

красный чай и видела в нем отражение своего лица, которого не узнавала. Почему-то именно теперь вспомнилась себе такой, какой была всего полтора месяца назад. Никогда я даже помыслить не могла, что жизнь способна перевернуться за столь короткий срок. Сейчас мне думалось, что все мое прошлое было лишь подготовкой к настоящему.

Ведь почти каждую ночь я видела совершаемый ритуал. Он снился именно мне, а не кому-то другому. Это не могло быть случайностью, значит, мне предназначено здесь оказаться и что-то изменить. Как, вероятно, и Кирану. Он — сила, отпирающая двери и способная противостоять черной магии. Я — та, кто помогает ему видеть незримое.

Прежде я не задумывалась над тем, что каждый человек имеет предназначение, но теперь была твердо в этом убеждена. Мы приходим в этот мир для какой-то цели, и очень важно ее отыскать. Понять, что ты можешь совершить, чтобы сделать мир чуточку лучше, предотвратить какое-то событие или же, напротив, ему способствовать.

Когда пришло время, я начала собираться. Выбрала самое простое из платьев, обула удобные туфли и подколола волосы. Вещей мне было не жаль, и я взяла лишь несколько дорогих украшений, надев их на себя.

Ожидание тянулось как никогда долго. Я мерила шагами комнату от окна до кровати бесчисленное множество раз. В голове проносились сотни мыслей, основанных на возможных исходах этого вечера.

Поддействует ли нейтрализатор на девушек? Старая ведьма говорила, что Делоре уже не помочь, но ведь сегодня ей стало лучше. Это вселяло надежду.

Удастся ли Кирану освободить Бекки? Придут ли вовремя те охотники, на каких он положился?

Сказал бы мне кто-нибудь некоторое время назад, что я буду всем сердцем жаждать встречи со специалистами по сверхъестественному, не поверила бы ни за что. Но теперь охотники казались не то что меньшим из двух зол — они являлись спасением.

Больше всего я переживала за Бекки. Дверь, за которой она находилась, не была скрыта магией, и Кирану не требовалась моя помощь, чтобы ее открыть. Это и нервировало. Я жалела, что согласилась сидеть у себя, в то время как он спустится в подземелье. Лучше бы отправилась туда с ним и не томилась в мучительном неведении!

Когда Киран наконец пришел, я бросилась к нему навстречу и со смесью волнения и надежды спросила:

— Что?

Затаив дыхание, застыла в ожидании ответа.

— Она в порядке, — сообщил Киран, и я не сдержала облегченного выдоха.

С плеч словно свалился тяжелый камень, и ко мне вернулась уверенность. Если получилось это, получится и все остальное.

— Ты сама как? — спросил Киран и, не дожидаясь ответа, привлек к себе. Мягко обнял, словно желая вытеснить своим теплом весь охватывающий меня холод. — У нас есть час до того, как нейтрализатор подействует. Сейчас мне нужно вернуться в сторожку, Бекки там.

Снова оставаться одной в стенах этой душачей комнаты было выше моих сил, и Киран понял это без слов. Мы вышли из покоев, и, закрыв за собою дверь, я словно ступила в новый жизненный этап. Хотелось надеяться, что в нем не будет места тьме и холоду, а смерть настигнет лишь преследующие меня кошмары.

Мы тихо спустились вниз, привычным маршрутом прошли через сад и оказались в сторожке садовника, где за маленьким столиком сидела моя горничная. Увидев Бекки, я ужаснулась, и мне стоило немалых сил этого не показать. За время, проведенное в подземелье, она сильно похудела, и ее глаза казались неестественно большими на худом, белом как мел лице. Бескровные губы потрескались, под глазами набухли темные мешки, и в целом девушка производила впечатление той, кто еще не оправился от долгой тяжелой болезни.

— Бекки! — выдохнула я, застыв на пороге.

Горничная подняла на меня полный страдания взгляд и молча протянула руки. Приблизившись, я склонилась и крепко ее обняла. Не было в этот момент разницы между мной и ней, между леди и прислугой — мы были двумя истерзанными душами, нуждающимися друг в друге. Теперь я окончательно осознала, что Бекки с самого детства являлась самым преданным мне человеком. Именно она всегда была рядом — не родители, не опекун со своей семьей, а моя дорогая горничная.

— Приляг, — велел ей Киран, указав на кровать. — Тебе стоит немного отдохнуть.

Бекки молча повиновалась. Она отвернулась лицом к стене, съежилась и с головой укрылась одеялом.

— Как тебе удастся все время оставаться незамеченным? — спросила я из желания немного отвлечься. — Это какая-то магия, которой владеют охотники?

— Охотники не владеют магией, — возразил Киран. — Но обладают особыми знаниями, позволяющими ее нейтрализовать. Та сила, которую мы используем, появилась вместе с колдовством на заре времен и являлась

ему противовесом. Его величеством королем уже одобрена программа создания специальных школ, где люди смогут перенимать знания, необходимые для защиты от темных сил. Надеюсь, это принесет плоды и черных практикующих магов станет меньше.

Я подошла к столу, взяла лежащее на нем перо и, задумчиво повертев его в руках, уточнила:

— То есть охотники приобретают способности, а не рождаются с ними?

Киран неожиданно усмехнулся:

— Ты выбрала очень подходящий момент, чтобы это обсуждать. — Он бросил взгляд на часы, показывающие, что времени в запасе еще предостаточно, и ответил: — Нет, некоторые способности даны от рождения. Но если их не развивать, не обучаться в специально отведенных центрах, толку от них никакого.

Положив перо на место, я бросила быстрый взгляд на Бекки и тут же отвела глаза. Глубоко вдохнула, стараясь сохранять спокойствие, и вернулась к насущным проблемам:

— Ты уверен, что у нас получится незаметно вывести всех девушек? То есть ты, конечно, сможешь, но не факт, что с этим справлюсь я...

— Амина, — мягко, но твердо произнес Киран, так, как умел только он, — все будет хорошо. Девушек никто не запирает, они сами выйдут из своих комнат. Габи с Фионой выведут их по черной лестнице на задний двор. Тебе останется лишь забрать Бекки и, встретив их в саду, довести до ограды. Будет темно, поэтому твое умение видеть незримое для нас неоценимо. Я в это время закончу с цвергами и встречу охотников. Затем вместе с ними открою проход в ограде, и вы все спокойно покинете поместье.

Все это за минувшие недели мы обсуждали не раз. На словах план звучал хорошо, но на деле имел множество рисков. Пойти не так могло что угодно, но альтернативы не было.

Недавно я предложила Кирану взять с собой еще и Банни, но он отказался. Девочка практически все время проводила с Оливией, да и похищать родную дочь графа было идеей далеко не лучшей. Киран хотел действовать в рамках закона. Мы надеялись, что, когда в центрах специалистов и стражей выслушают показания двенадцати девушек, этого окажется достаточным, чтобы лорд Баррингтон сполна за все ответил. Я к тому же была уверена, что не оставлю Банни и, если о ней некому будет заботиться, возьму к себе. В конце концов, с этого дня я достигла возраста полного совершеннолетия: стала вольна поступать, как считаю нужным, а

опекун утратил надо мной всякую власть.

Помимо показаний Киран намеревался предоставить центру подвеску с обсидианом, ранее принадлежавшую Еве. А решающую роль должно было сыграть наличие в поместье ритуального зала. В совокупности это лишало графа всяких шансов на оправдание и служило неопровержимыми уликами его вины.

— Почему лорд притворялся конюхом? — Этого мне до сих пор так и не удалось понять.

— Возможно, таким образом он просто хотел за вами наблюдать, — предположил Киран, и я поняла, что ответа на мой вопрос у него тоже нет.

В разговоре наступила пауза, и я продолжила машинально перебирать разложенные на столе вещи. Их здесь было немного: чернильница, перо, тонкая тетрадь для записей и... покоящийся в ножнах кинжал. Кажется, Киран уже обнажал его, когда мы находились в доме ведьмы. Но тогда я была до того напугана и растеряна, что не обратила на него внимания.

Сейчас же что-то привлекло мой взгляд. Золотой растительный орнамент на черных ножнах казался смутно знакомым, словно я уже видела нечто подобное раньше.

Затем я обратила внимание на рукоять.

Меня словно ударило молнией.

Еще не понимая, что делаю, я взяла кинжал подрагивающими руками. Увидев золотистый завиток и гравировку из двух слов, просто отказалась поверить собственным глазам. Смотрела, смотрела... и все продолжала отчаянно надеяться, что это дурное наваждение, и надпись сейчас исчезнет.

Но она не исчезала. Нацарапанные на рукояти слова были приговором. Приговором всем: девушкам, мне, моим надеждам и мечтам, моей зыбкой, еще не до конца сформировавшейся любви.

Медленно опустив кинжал обратно, я пошатнулась и вцепилась пальцами в столешницу, боясь упасть. Сегодня ожидала чего угодно, но к такому удару оказалась не готова.

— Амина? — позвал Киран, и я ощутила на себе его пристальный взгляд.

В мыслях тем временем стремительно пронесся образ призрака, явившегося мне в лесу. Бывшего садовника убили, и убили точно таким же кинжалом, какой я только что держала в руках.

Господи...

— Амина, в чем дело? — встревожился Киран, направляясь ко мне.

— Не подходи, — практически прошептала я, но он меня расслышал.

Наверное, стоило не подавать вида, что все поняла, попытаться и

дальше сохранять лицо, но это было выше моих сил. Все оказалось бесполезно, рухнуло в один миг, и я оказалась в полной темноте. Все, что придавало уверенности, внушало защищенность, дарило робкую надежду, оказалось уничтожено. Оказалось ложью.

— Кто ты? — с разрывающей изнутри болью, надрывно спросила я. — Зачем ты все это делаешь? Зачем... ты его убил?

Кем бы Киран ни был на самом деле и какие бы цели ни преследовал, играл он блестяще. Даже сейчас, после моих слов изобразил неподдельное непонимание и удивление.

— Успокойся и объясни, что случилось, — даже не попросил — потребовал он, и в его голосе прозвучала сталь. — Кого я, по-твоему, убил?

Я не знала, почему с ним говорила. Почему спрашивала, желая услышать правду из его уст. Почему глупое сердце все еще продолжало на что-то надеяться и верить, что его чудовищному поступку есть оправдание.

— Рэда, — ответила я.

Киран опустил взгляд на кинжал, и на его лице на несколько мгновений отразилась озадаченность, после чего он резко переменялся. Стремительно, практически молниеносно преодолев разделяющее нас расстояние, остановился прямо передо мной и посмотрел в глаза.

Я ожидала увидеть ярость, презрение, разочарование из-за разоблачения — что угодно, но только не отголоски боли, старательно скрываемые за мрачным равнодушием.

— Знаешь, — произнес он безо всякого тепла, — а я наивно полагал, что нашел близкого по духу человека. Что наконец встретил женщину, которая сильно отличается от всех остальных. Особенную, не по годам мудрую и рассудительную. И что самое главное — доверяющую мне. Был настолько глуп, что даже позволил себе в нее влюбиться.

На этих словах я вздрогнула и хотела его перебить, но не смогла. Продолжала стоять, запрокинув голову и глядя ему в глаза.

Киран медленно выдохнул и, все так же не отводя взгляда, спросил:

— В тот день в лесу ты видела призрака. Уверена, что садовника убили точно таким же кинжалом?

После всего сказанного я стала сомневаться в правильности своих скоропалительных выводов. Еще как следует это не осмыслив, медленно кивнула в ответ.

— Eascripte a Frotui, — озвучил Киран злополучную гравировку на «мертвом» языке. — Долг и честь. Такие кинжалы есть у всех охотников. Без исключения.

Меня затопило столькими чувствами, что я замерла и не могла

проронить ни слова. Сперва недоверие, подозрительность, затем — вера в сказанное, за которой последовали стыд и горечь. Киран не врал, и я была готова казнить себя за то, что усомнилась в нем. После всего, что этот человек для меня сделал, я обидела его своими опрометчивыми выводами.

— Прости. — Одно-единственное произнесенное на выдохе слово не могло вместить всех моих душевных терзаний. — Киран, я просто...

— Просто устала, — закончил он. — Это ты прости, я был несколько резок. В том кошмаре, в каком ты жила все последнее время, недоверие превращается в норму.

Хотя его голос теперь звучал гораздо мягче, я все равно чувствовала, что сильно его ранила. Потеряв сестру, он целых десять лет пытался доказать вину ее убийцы, но ему никто не верил. Должно быть, отсутствие веры — самое болезненное место Кирана.

«Позволил себе влюбиться», — пронеслись в голове недавно сказанные им слова, и меня окатило новой волной вины.

Повинуясь зову сердца, я приподнялась на носочках и, обхватив его за шею, несмело припала к губам. Внутри все затрепетало, и мне подумалось, что вот она — любовь. Многогранная, переполняющая, которую нельзя выразить словами и можно лишь почувствовать. На протяжении всей жизни я ждала человека, который поймет меня, примет такой, какая я есть. И пусть мы с Кираном были знакомы недолго, казалось, я знаю его всю жизнь.

Кто бы мог подумать, что моя маленькая личная роза, растущая глубоко внутри, расцветет в царстве темного холода...

Когда Киран обнял меня в ответ, подался вперед и углубил поцелуй, когда его ладони заскользили по моей спине, обжигая сквозь платье, когда на нем сосредоточился весь мой мир, внезапно что-то произошло. Я даже не уловила того момента, в который Киран, издав странный глухой стон, резко пошатнулся.

Скрипнула дверь, в сторожку ворвался холодный ветер. Бекки, о присутствии которой я успела забыть, в испуге села на кровати.

Взгляд отстранившегося Кирана стал каким-то застывшим, будто стеклянным. Я не понимала, что происходит, пока он не обернулся в сторону распахнутой двери, где на фоне косога дождя стоял Виктор.

Увидев торчащий в спине Кирана кинжал — точно такой же, какой лежал на столе, — я закричала, не слыша собственного голоса. А в следующее мгновение перед глазами все поплыло, и я ощутила, что теряю сознание...

ГЛАВА 21

— Ты знаешь, что делать, — сказал Виктор появившемуся Дженкинсу. — И с горничной разберись, она нам больше не нужна.

Сознание срывалось в бездну небытия, и я из последних сил цеплялась за реальность, которая превратилась в очередной кошмар. Видя, как рубашка Кирана покрывается красными пятнами, а он сам стремительно бледнеет, я буквально онемела. Когда он упал на пол, опустилась рядом на колени и беззвучно звала по имени, не отпуская его холодной руки.

— Пойдем. — Виктор схватил меня за предплечье и потянул вверх. — Не упрямясь, Амина.

Я отказывалась верить в то, что все происходит на самом деле. Мысли сделались обрывочными, невнятными, а звучащий голос доносился до меня, словно из-за ватной стены. Это не могло быть правдой. Просто не могло! Киран, опытный охотник, не мог вот так умереть, получив подлый удар в спину!

— Ненавижу! — хотела крикнуть я, но голос сел. — Ненавижу тебя!

И, не помня себя, бросилась на Виктора. От моих ударов он с легкостью отмахнулся и, перехватив мои руки, с силой их сжал, лишая возможности шевелиться. Мною овладела такая бешеная смесь ярости и отчаяния, что я была готова собственноручно его убить, всадив кинжал прямо в черное сердце.

— Поверила, что сможешь сбежать? — холодно усмехнулся Виктор, другой рукой сжав мой подбородок. — Думала, я не знаю о том, что вы вознамерились сделать? Этот дом, сама земля, на которой он стоит, — все подчиняется мне. Никто и шевельнуться без моего ведома здесь не смеет, и твой Киран сильно ошибался, полагая, что я не знаю о каждом его шаге.

Я задыхалась от переполняющих меня эмоций, терялась в них и испытывала такие терзания, каких прежде не знала. Ведь это из-за меня Киран отвлекся — если бы не мое неверие, не этот спонтанный поцелуй, он бы сумел отреагировать вовремя и все было бы по-другому.

Виктор... Никогда я не желала кому-либо смерти. Но сейчас жаждала его гибели всей темной стороной своей души. Хотела, чтобы он страдал, мучился и раз за разом медленно умирал.

— Ведьма, — сузив глаза, со странной улыбкой проговорил Виктор. — Ты такая же, как я. Не бойся этого Амина, выпусти внутренних демонов, сделай то, что хочешь... Я ведь убил его, — кивнул он на неподвижного

Кирана, и мое горло сжало спазмом. — И ее убью, — указал на удерживаемую Дженкинсом Бекки. — И всех находящихся в Сторм-Делле девушек тоже.

Что-то всепоглощающее, темное разливалось по моим венам и отравляло кровь. Переживая тысячи оттенков негативных чувств, я тонула в них, одновременно ощущая, как перерождаюсь в кого-то другого. Кого-то, чья невыносимая боль превращается в непреодолимую жажду мести.

Резко дернув на себя, Виктор потащил меня на улицу, где в первую очередь мое внимание привлекли страшные звуки, идущие из-за кованой ограды. В мыслях тут же связались вместе два образа: цверги и ждущие снаружи охотники.

Голос прорезался, и, истошно закричав, я снова попыталась наброситься на Виктора, но он только этого и ждал. Увлеч к ограде, с силой впечатал в нее и, глядя в глаза, произнес:

— Все кончено, Амина. Для них — но не для тебя. Тебе не нужно умирать сейчас, не нужно умирать в круге, просто прими это и встань рядом со мной. Сейчас ты ненавидишь меня, но скоро это пройдет. Минет совсем немного времени, и ты будешь благодарна за те возможности, что я для тебя открою.

В одном Виктор был прав — я его ненавидела. Ненавидела так, что не могла думать ни о чем другом, и черная злостная отравка продолжала наполнять меня, сковывая душу.

Внезапно, словно издалека, я услышала, как меня зовет низковатый детский голос:

— Амина.

Я на миг отвлеклась, но Виктор снова завладел моим вниманием, сжав запястья с такой силой, что, казалось, они сейчас сломаются.

— Амина, — повторился зов, и я поняла, что голос принадлежит Банни.

Ее не было в саду, а голос звучал внутри меня, с трудом пробиваясь сквозь черное, застилающее сознание марево. Этот голос повлек за собой воспоминание о сказанных девочкой словах:

Ты взгляду не верь — он врет,
Но верь глазам, что не лгут.

Я смотрела в глаза Виктору, постепенно сосредотачиваясь на робкой, еще не до конца сформировавшейся мысли. Следующим в памяти всплыл

портрет, увиденный в его спальне, и я наконец поняла, что мне тогда показалось странным.

Глаза.

На портрете они были голубыми, но сейчас на меня смотрели карие — не отражающие тьму, не почерневшие, а именно карие.

Это стало таким открытием, что я очнулась, мгновенно вынырнув из затягивающего меня темного омута.

— Ты... — выдохнула, всматриваясь в лицо, являющееся точной копией человека, изображенного на портрете. — Ты не Нил Баррингтон...

«Переехал в королевство в семнадцатилетнем возрасте, — всплывали в мыслях слова Кирана. — О его семье известно немного, как и о детстве. В сущности, о его жизни до переезда не известно вообще ничего».

«Родная кровь, соперник и друг», — дополняли их слова Банни.

«Зеркало из сна, показывающее Виктора в отражении...»

— Ну и кто же я, Амина? — сверкнув глазами, с предвкушением спросил Виктор.

Все это вылилось в одно-единственное предположение, которое я потрясенно выдохнула:

— Его брат.

— Надо же, какая пронцательная, — спустя недолгую паузу произнес он. — Я почти удивлен, леди Кендол.

Я была настолько потрясена, что на эти мгновения забыла обо всем прочем.

— Не понимаю... а ритуал, а Кэтлин?..

— Это очень долгая история, Амина, — покровительственно сообщил Виктор. — Хотя по-своему интересная. Скажу лишь одно: меня не интересует Кэтлин. Уже не интересует. И ритуал нужен не мне, я лишь помогаю.

— А Нил? — окончательно запутавшись, спросила я непослушными губами.

Лицо Виктора исказила кривая усмешка:

— Мертв. Погиб во время прошлого ритуала десять лет назад.

Вся картина происходящего перевернулась. То, что казалось очевидным, обернулось своей изнанкой, и хотя я до конца не знала всего, этой новости оказалось достаточно, чтобы силы меня покинули.

Как Виктор нес меня до комнаты, я помнила смутно. В памяти отпечатался лишь стоящий перед глазами туман и отзывающийся в висках тяжелый стук пульса, затем открывающаяся дверь и прогнувшаяся подо мной кровать.

Замерев у изголовья, Виктор долго смотрел на меня, а после провел пальцами по щеке. Я хотела дернуться, но утратила всякую волю к сопротивлению. Пожелай он закончить то, что не удалось несколькими днями ранее, ему бы ничто не помешало, но Виктор ушел, оставив меня одну.

Всю ночь я боролась с терзающими меня кошмарами, из лабиринта которых не находила выхода. Стоило забыться, как неведомая сила вырывала меня из сна, швыряла в ужасающую реальность и тут же уходила. Спустя мгновение я засыпала, и все повторялось снова. Раз за разом я возвращалась туда, где обездвиженный Киран лежал на полу, в глазах Бекки застыл ледяной ужас, а снующие за оградой цверги терзали двух охотников.

К утру кошмары померкли, но ноющая боль в сердце осталась. Мне думалось, что теперь она останется со мной навсегда, и даже смерть от нее не избавит. Черета вчерашних потрясений словно выжгла меня изнутри, и даже не требовалось красного чая, чтобы чувствовать себя пустой оболочкой.

Мне осталось всего пять дней. Пять дней, полных пустоты и одиночества, которые повлекут за собой лишь еще большую темноту.

С трудом присев на кровати, я посмотрела в окно, за которым царила тяжелая серость. Словно поняв, что бессилена отмыть здешнюю черноту, дождь прекратился и погрузил Сторм-Делл в абсолютное безмолвие.

Пошатываясь, я добрела до окна и, положив ладони на прохладное стекло, посмотрела на улицу. Казалось, в саду ничего не изменилось: все те же петляющие дорожки, конюшни с почерневшей крышей и маленькая, уютящаяся у старого вяза сторожка... Вот только розы отцвели.

Эти земли, где когда-то был нарушен сам ход времени, существовали отдельно от остального мира. И первый летний месяц, вместо того чтобы нести тепло и буйство красок, был подобен унылому, беспросветному ноябрю.

Когда за моей спиной хлопнула дверь, я никак не отреагировала. Просто продолжала стоять, глядя в окно и не имея возможности заплакать.

— Доброе утро, леди Кендол, — прозвучал голос экономки.

Привитые с детства правила вынудили машинально обернуться на это приветствие, и я увидела в руках миссис Эртон поднос. Помимо завтрака на нем стоял заварной чайничек и чашка, полная горячей красной жидкости.

Поставив поднос на столик, экономка распрямилась и, посмотрев на меня, произнесла:

— Должно быть, вам сейчас очень больно. Даже больше чем больно. Не выразить словами, что чувствуешь с такой страшной раной в груди, будто обнажающей каждый нерв. Я понимаю вас.

В ответ я не проронила ни слова.

— Выпейте чаю, — посоветовала миссис Эртон. — Заглушите боль. Я ведь говорила, что вы ничего не сможете изменить. Остается только смириться.

Странно, но именно пережитое помогло мне взглянуть на многие вещи под другим углом. Не будь тех ужасных событий, я бы не поняла, кем является Виктор, и не пришла бы к очевидной догадке сейчас. Оливия не врала, когда говорила, что не резала портрет графини, и Джина не могла этого сделать, а помимо них двоих в особняке была лишь одна женщина. Женщина, которая из-за слепой ревности могла такое совершить. Женщина, которая понимала боль утраты и всегда держалась в тени.

— Это ведь вы? — спросила я, не узнав собственного голоса. — Вы были любовницей Нила Баррингтона, одновременно с его женой родившей ребенка?

Экономка на мгновение будто окаменела. Затем, ровно держа спину, опустилась в кресло и спокойно произнесла:

— Я любила его. И нашу дочь любила. Только она умерла, в то время как это графское отродье оклемалось и выжило. Если бы Нил не был так одержим своей дорогой супругой и не попытался провести ритуал для ее возвращения, то сейчас был бы жив. Присядьте, леди Кендол, — без перехода указала она на противоположное кресло. — И пейте чай. Поверьте, вам станет гораздо легче.

На негнущихся ногах приблизившись к ней, я заняла предложенное место. В мыслях вертелось множество вопросов, но озвучить их я оказалась неспособна. Да и так ли важно разбираться в прошлом, ворошить события чужих жизней, когда для тебя уже наступил конец?

Но миссис Эртон и не ждала никаких вопросов. По каким-то причинам она хотела говорить со мной.

— Я всегда была рядом с ним, — продолжала она, глядя словно сквозь меня. — Обычная горничная, с детства работающая в доме Баррингтонов. Я знала все об этой семье, переживала с ними все радости и неудачи, беспрестанно оставаясь лишь тенью. Видела, как два брата, бывшие близкими друзьями, соперничали за внимание одной леди. Как один из них, рожденный магом, добился ее расположения, а рожденный охотником — потерпел поражение. Нил долгое время не замечал ни моей глубочайшей преданности, ни моей любви. Но я следовала за ним, оставаясь верным

молчаливым союзником, и ждала, что он одумается.

Глаза миссис Эртон блеснули.

— Как же он мучился, когда я добилась своего! Как корил себя за слабость и «совершенную ошибку»! Ошибка — так он называл нашу единственную ночь, хотя настоящей ошибкой была его женитьба на этой высокородной твари!

Мне впервые довелось видеть, как с лица экономки сползла холодная сдержанность, обнажив ее настоящую сущность. Длилось это недолго, и уже в следующее мгновение она успокоилась.

— Скоро все наладится, — теперь уже с осмысленным взглядом произнесла миссис Эртон. — Я верну его. Воскрешу для себя. Он оценит и поймет, что лишь я нужна ему, что именно я — его вечная, неумирающая любовь.

Резко поднявшись, экономка посмотрела на меня сверху вниз и напоследок проронила:

— Не тешьте себя мыслью о заступничестве Виктора. Он поможет мне в возвращении своего брата, и никакое мимолетное увлечение этому не помешает.

Уже когда выходила из комнаты, она на миг остановилась и снова повторила:

— Пожалейте себя, леди Кендол, последуйте моему совету. Выпейте чай.

Когда дверь за ней закрылась, я опустила глаза на оставленную на подносе кружку. Потянулась к ней, обхватила ладонями горячий фарфор и поднесла к губам. Замерла, вдыхая горячий, с примесью пряного аромата пар... и медленно опустила кружку обратно.

К чаю я так и не прикоснулась.

На следующий день ко мне снова пришел Виктор. От голода и жажды я чувствовала себя совсем плохо, и за его приближением наблюдала отстраненно. Точно во сне.

Присев рядом, он изучающе на меня посмотрел, и взгляд этот был мною встречен с отрешенным спокойствием.

— Почему ты упрямисься, Амина? — спросил Виктор. — Зачем себя губишь?

— Губите себя вы, — на грани слышимости ответила я. — Все вы давно мертвы. Для чего тебе возвращать брата? Зачем ей помогаешь?

Он холодно улыбнулся:

— Почему бы и не повидаться с дорогим братишкой? Родная кровь все

же. А эта полоумная буквально на коленях умоляла меня о помощи. Мы с Нилом вместе открывали для себя мир черной магии, но я добился куда большего. Только вообрази, на что способен дар охотника в сочетании с ней...

— Ты лжешь, — выдавила я из себя. — Не брата хочешь вернуть, а Кэтлин. По крайней мере, изначально хотел.

— А вот теперь я удивлен, леди Кендол, — склонившись, прошептал Виктор. — Да, я хотел вернуть к жизни Кэтлин, но время все меняет. С годами это желание переродилось в азарт, вызов своим собственным силам — сумею ли провести древний ритуал, который прежде столько раз не удавался? Но знаешь, — он на миг замолк, — я готов от него отказаться. В тебе есть то, что мне нужно, Амина. Я стану обучать тебя, помогу раскрыть внутренний дар. Наша магия прекрасно друг друга дополнит, и вместе мы достигнем многого.

Возможно, стоило согласиться или хотя бы сделать вид, что согласилась. Соблазн сказать «да» был столь велик, что я впилась ногтями в ладони, надеясь, что боль меня отвлечет. Как и все живое в этом мире, я не хотела умирать. Но согласиться — означало предать все, во что верила, предать Кирана.

— А остальные? — все же спросила я. — Если соглашусь, их отпустят?

— Я бы мог соврать, сказав, что они останутся в живых. Но не буду, — последовал спокойный ответ. — Тебе давно нашел замену, а их участь предрешена.

— Тогда все не имеет смысла, — произнесла я, прикрыв глаза. — Оставь меня в покое.

На некоторое время воцарилась тишина, и я уж было подумала, что Виктор действительно ушел, но внезапно надо мной прозвучал его громкий голос:

— Даю тебе последний шанс, Амина!

Одним рывком подняв с кровати, он притянул меня к себе и вынудил открыть глаза.

— Последний! Скажи, что хочешь быть со мной, что согласишься разделить магию и стать моей ученицей. Я сохраню твою жизнь!

Собрав остатки воли и сил, так же громко и четко я произнесла всего одно слово:

— Никогда.

Я видела пламя, полыхнувшее в его глазах, почувствовала эту обжигающую ярость и была готова сгореть. Казалось, сейчас Виктор

выплеснет на меня всю свою тьму и накажет за прозвучавший отказ, но ничего такого не произошло.

— Это был твой выбор, — отстраненно произнес он, мгновенно утратив ко мне всякий интерес.

Оставшиеся до ритуала дни стали воплощением ада, из которого не существовало выхода. Мне по-прежнему приносили лишь чай, и в какой-то момент жажда стала до того невыносимой, что я его выпила. Чувствуя, как горячая жидкость струится по горлу, я старалась не раздумывать над тем, сколько подавляющего волю зелья в нее добавили. Когда чашка опустела, по телу разлился жар, стремительно добравшийся и до сознания.

Я лежала на кровати, ощущая, как горят огнем незакрывающиеся веки, как пересыхают и трескаются губы, как само мое тело становится клеткой для отчаянно бьющейся в нем души.

— Не сдаваться, — невозможная сжигающее меня пламя, беззвучно шептала я. — Что бы ни случилось, никогда не сдаваться...

Мне никогда не было свойственно нарушать данных обещаний, не могла отступить от своего принципа и сейчас. Данная Кирану клятва помогала держаться и не сорваться в черную бездну, хотя и служила всего лишь отсрочкой.

Меня снова терзали кошмары, и я оказывалась в самых их недрах — одинокая, бессильная, от безнадежности тихо сходящая с ума.

Я боялась даже думать о том, что то же самое сейчас переживают и остальные. Что в этих стенах томятся еще одиннадцать несчастных жертв, чьим жизням вскоре суждено оборваться. Что может быть страшнее, чем отдать на растерзание собственную душу? Что ждет всех нас там — за гранью этого мира? Где окажемся, когда умрем? Никому не нужные, проданные собственными родными и запертые в стенах старого, полного мрака поместья...

ГЛАВА 22

Тринадцатого июня — в день, когда умерла Кэтлин и погиб Нил Баррингтон, едва время близилось к обеду, всех девушек вывели из комнат. Невзирая на то что стоял день, небо было как никогда темным. Казалось, оно вот-вот обрушится на эту налитанную кровью землю.

Все снова выглядели безучастными, я же все еще сохраняла некое подобие рассудка. Чай пила всего три раза, но даже этого оказалось достаточно для появления вялости, рассеянности и бессвязных, обрывочных мыслей. Идущие передо мной девушки двигались машинально, едва перебирая ногами, и я с ужасом понимала, что ничем не отличаюсь от них.

Рано утром ко мне, как и, вероятно, ко всем прочим, пришла Оливия, помогла принять ванну и переодеться в свободную белую рубашку. Сейчас под тонкую ткань пробирался холод, от которого по коже пробегала мелкая дрожь, распущенные волосы подхватывал непрекращающийся сквозняк.

В недрах особняка слышалось шипение и ничего не выражающие тихие голоса. Предчувствующие грядущий ритуал темные призраки снова напоминали о себе, рвались к беспомощным жертвам, но магия Виктора не позволяла им к нам приблизиться.

Сам дом скрипел, стонал и, казалось, жил. Это место уже видело подобное прежде и предполагало сегодняшний исход. Выпуская нас на улицу, оно сопровождало проводы ноктюрном забвения, что подобно последней колыбельной доносился из музыкального зала.

Когда мы спустились в подземелье, мое внимание привлекла стоящая за оградой женщина. Поймав мой взгляд, она странно улыбнулась и приложила к губам указательный палец, призывая молчать.

Старая безумная ведьма...

В подземном зале с прошлого моего визита ничего не изменилось. Все тот же круг, зеркало и темные, выложенные каменными плитами стены. Только на сей раз реальность была такова, что мне показалось, будто прежде я не понимала самого значения слова «ужас» — когда холод обращается в невыносимый мороз, сковывающий и тело, и душу, и сердце, когда перед твоими глазами воссоздается образ из повторяющегося из года в год страшного сна и тебе предстоит стать реальной частью собственного кошмара.

Дженкинс проводил нас в комнату, где в прошлый раз держали Бекки.

Помещение было совсем небольшим и с трудом умещало двенадцать человек. Здесь было так же холодно, как в зале, и отстраненно подумалось, что так можно и заболеть. Какая глупость — беспокоиться о здоровье, когда жить осталось всего несколько часов.

Из-за стены периодически доносились голоса миссис Эртон и Дженкинса, а вскоре к ним присоединился и голос Виктора.

Я сидела на холодном каменном выступе, размышляя над тем, знает ли Виктор о вмешательстве Кирана в магию зеркала. Он говорил, что видит каждый наш шаг, но что, если об этом ему все же неизвестно? Такие мысли давали крошечную искру надежды на спасение, волновали и согревали сердце.

Рядом со мной сидела Габи, которая единственная отличалась от остальных девушек. Судя по ее осмысленному взгляду, чай она пила не больше моего. Тем не менее была чрезмерно бледна, и ее рыжие волосы казались нереально ярким пятном на фоне белоснежной кожи и таких же белоснежных одежд.

Посмотрев на меня, Габи попыталась улыбнуться, и в ее зеленых глазах я увидела отражение собственных чувств. В тот же миг заметила, как позади нее сгустился воздух, посылая едва уловимые, невидимые простому взгляду вибрации. Мое сердце, до этого стучащее очень медленно, словно ожило и забилось сильнее.

В нашем закутке, в этой давящей подземной темнице появилась Ева. Она зависла над полом и смотрела мне прямо в глаза, словно желая что-то сказать, но не имея возможности этого сделать. Странно, но неожиданное появление призрака, вместо того чтобы еще больше испугать, разожгло из искорки костер надежды. Во всем облике Евы было нечто такое, что заставляло думать, будто у нас еще есть шанс. Она не выглядела несчастной и сострадательной, а напротив — уверенной и полной решимости. Никогда бы не подумала, что призраки могут источать такие эмоции.

Должно быть, именно явление Евы стало решающим толчком к тому, чтобы проснуться. Продолжая смотреть ей в глаза, я внезапно поняла, что она хотела мне сказать. То же, что не так давно говорил Киран, и то, что я пообещала исполнить. «Никогда не сдаваться, — прозвучало в мыслях настолько отчетливо, словно я слышала его голос наяву. — Пока человек не сломлен, пока верит, у него есть шанс».

Собравшись с силами, я прислушалась к себе. Выпитое зелье сковывало тело, частично одурманивая разум, но душу затронуть не могло. Закрыв глаза и сконцентрировавшись, я увидела его — красный, горький,

лишающий воли напиток тек по венам, отравляя кровь.

Сломить действие зелья оказалось невероятно сложно. Казалось, я находилась на самом дне под огромной толщей воды и пыталась выплыть на поверхность. Мне всегда думалось, что человек способен на многое. Что сила воли, вера и стремление к цели являются самой лучшей силой, способной перевесить даже магию.

Голова раскалывалась, в висках стучало, и я почувствовала, как, невзирая на холод, делается влажным лоб. Волосы налипли на разгоряченное лицо, меня трясло, как в лихорадке, но медленно, капля за каплей действие чая ослабевало. Подпитанную магией отраву вытесняла магия другая — и я не сразу поняла, что она принадлежит не мне. Отдаленно, на грани восприятия ощутила, как кто-то коснулся моей руки. Хрупкая ладонь была холодной, но вместе с тем она дарила глубокое тепло, что проникало в меня и очищало.

Когда последняя частица отравы исчезла, я шумно выдохнула, чувствуя себя так, словно только что сбросила с плеч непосильную ношу. Открыв глаза, с изумлением увидела около себя Делору. Она смотрела вглубь пространства и выглядела так же, как прежде, но ее ладонь по-прежнему покоилась на моей руке.

Находясь в таком состоянии и в таких условиях, она сумела использовать целительную магию друидов. И воспользовалась ею не для себя.

— Делора... — прошептала я, в то время как сердце болезненно сжалось.

Слова не могли выразить всего, что я чувствовала, да этого и не требовалось. Она верила в меня, будто бы знала, что мне уготовано нечто изменить, и подвести ее я не могла. Лишь теперь до конца понимала, что все мы оказались здесь не случайно. Сама судьба свела нас вместе, и каждый играл в этой жуткой пьесе свою роль. Киран, который воздействовал на зеркало, дающая подсказки Банни, исцелившая меня Делора, помогающие Габи с Фионой... и я сама.

Все это не могло быть бессмысленным, и теперь я действительно видела шанс на спасение. Еще не знала, каков он и что требуется сделать, но всем своим существом в него поверила.

В следующие несколько часов мне пришлось лишний раз убедиться в том, что худшим испытанием является ожидание. Тем не менее страха я больше не чувствовала. Эмоции угасли, ушли вместе с наполняющим тело ядом, и я отстранилась от ситуации. Еще утром не поверила бы, что окажусь на такое способна, но у меня действительно получилось.

Неизвестно, сколько прошло времени перед тем, как дверь комнаты открылась и в нее вошел Дженкинс. Одну за другой он выводил девушек в ритуальный зал, и, когда наступила моя очередь, я постаралась выглядеть так же, как этим утром — опустошенной и беспомощной.

Помещение наполнял горько-сладкий аромат роз, которые принесли сюда и расставили по вазам. С них — багровых и алых, свежих и увядающих, срывал лепестки неестественный холодный ветер и укрывал собранными трофеями каменный пол. По периметру зала горели свечи, чьи огни дрожали от все того же потустороннего ветра.

Придерживая за предплечье, Дженкинс отвел меня к одному из секторов, и, ступив на него, я буквально задохнулась. Меня словно придавило неподъемной плитой, и ощущение пропитавшего это место негатива усилилась стократ.

Подняв глаза на стоящего в центре круга Виктора, я внутренне содрогнулась и ощутила, как к горлу подкатывает тошнота. Все оказалось еще труднее, чем я могла вообразить.

Только теперь я заметила стоящие в другом конце зала массивные часы. Стрелки на большом круглом циферблате показывали половину двенадцатого. Приближалась полночь.

В руках Виктор держал знакомый мне дневник, из которого через несколько мгновений принялся читать строки на мертвом языке. Экономка стояла подле него и взирала на зеркало с сумасшедшим блеском в глазах. В волнении она сжимала и разжимала кулаки, кусала губу и совсем на себя не походила. Дженкинс же выглядел как обычно и наблюдал за происходящим со свойственной ему отрешенностью.

Чем больше слов было прочитано, тем гуще становился воздух. Из углов выползали пробуждающиеся тени — кривые, бесплотные и жаждущие жертв. Они были воплощением самой тьмы, неизменной спутницы страшного, древнего как мир ритуала.

Я смотрела на все происходящее и ждала удобного момента, чтобы выбежать из сектора. Не знала, окажется ли этого достаточно, но понимала, что сделать это следует в самые последние мгновения, когда до полуночи останется всего несколько секунд и никто не успеет вернуть меня обратно.

Словам Виктора вторил доносящийся сверху гром и шум начавшегося дождя, что только усиливало творящийся кошмар. Косо поглядывая на девушек, я все больше чувствовала себя оказавшейся среди собственного сна. Все было в точности так, как виделось мне на протяжении долгих лет, и оттого казалось особенно жутким.

Когда Виктор прочитал одну длинную отрывистую фразу,

смертоносный холод внутри усилился. Стоящие напротив девушки стали совсем бледными, сравнявшись лицами со свежавывавшим снегом.

«Мы не умрем здесь... — мысленно твердила я себе. — Не умрем!»

Рассыпанные по полу лепестки зашуршали и в одно мгновение подтянулись к центру круга, где зеркало обращалось в черную воронку. Пространство разрывалось, открывая проход в иной мир, откуда веяло тем самым потусторонним холодом, отголоски которого уже долгое время существовали в Сторм-Делле.

С каждой секундой воронка становилась все больше, и вместе с этим усиливалось витающее в зале невыносимое напряжение. Виктор углубился в чтение, теперь уже не проговаривая, а выкрикивая длинные, труднопроизносимые предложения, звучным эхом отскакивающие от каменных стен.

Сознание заволакивал неясный туман, в то время как по телу продолжал стремительно разливаться ледяной ужас. Его было невозможно контролировать, невозможно усмирить — он существовал независимо от желаний и силы воли, погружал в заполняющую подземелье тьму, желая скорее вырвать душу.

Когда до полночи осталось всего семь минут, случилось то, чего не ожидали ни я, ни миссис Эртон, ни поглощенный чтением заклинания Виктор. Всегда спокойный и медлительный Дженкинс внезапно сорвался с места и, налетев на Виктора, всадил ему в бок нож. Это было до того неожиданно, что Баррингтон не успел среагировать и едва ли понял, что произошло.

Экономка пронзительно закричала, явно пребывая в таком же шоке, как и он, а Дженкинс тем временем занял место Виктора и продолжил читать. Сперва показалось, что он произносит прежнее заклинание, но уже через несколько секунд я осознала, что оно отличается от предыдущего. Построение фраз, скорость произношения — все было другим.

«Цели у ритуала могут быть разными, начиная от возвращения себе молодости и заканчивая воскрешением мертвого», — всплыли в памяти строки из дневника лорда.

«Вы слишком мало прожили. Превратившись в древнюю старуху, будете готовы пойти на все, чтобы вернуть былую силу и красоту», — вспомнились затем слова дворецкого. И бесчисленное множество миниатюрных портретов с изображением красивого светловолосого юноши, висевших в скрытой магией комнате...

Все части головоломки сложились в единое целое за считанные секунды, и ко мне пришло понимание, что подходящий момент наступил.

Пока Виктор, прижимая к кровоточащей ране руку, приходил в себя, а экономка продолжала кричать, я сделала шаг, намереваясь выйти из круга. Но тут же натолкнулась на преграду, подобную плотной невидимой стене. Стиснув зубы, положила на нее ладони, надавила и подалась вперед, мысленно молясь, чтобы у меня хватило сил.

Уже через мгновение я бросила взгляд на горящие по периметру зала свечи и сконцентрировалась на том, чтобы призвать к себе пламя. Все было так же, как в тот вечер, когда ко мне пришел Виктор. Огонь подчинился, стремительно слетел со свечей и, слившись в круглый шар, обрушился на удерживающую меня магию. Раздался оглушительный взрыв, и меня буквально вынесло из сектора и бросило на пол.

К этому времени разъяренный Виктор успел сориентироваться и нанес Дженкинсу ответный удар. Тот оказался не готов к нападению и согнулся пополам, издав глухой стон. Церемониться с дворецким Виктор не собирался и в следующую секунду обрушился на него своей магией. Пока они отвлеклись друг на друга, экономка подняла с пола дневник и, лихорадочно перелистав несколько страниц, принялась дочитывать начатое заклинание.

Все это я наблюдала, продолжая лежать на холодном, вибрирующем от разрыва пространства полу, оглушенная и потерянная. Преодоление магии отняло все силы и обездвижило. Перед глазами плыло, в голове стоял туман, и раздающийся в зале шум звучал тихо и невнятно.

Разделавшись с Дженкинсом, Виктор обвел подземелье горящими глазами, которые остановились на мне. Я погрузилась в абсолютное безмолвие, которое нарушал лишь стук его приближающихся шагов. Не могла подняться, но способности двигаться не утратила и принялась отползать назад. В тот момент не понимала, почему продолжаю смотреть в горящие, полыхающие тьмой глаза. Почему не могу оторваться от них — от этой неумолимо наступающей бездны. Сама черная магия смотрела на меня через призму карих глаз, кровожадно скалилась и обещала скорую гибель.

Когда между мной и Виктором расстояние сократилось всего до одного шага, у входа в зал раздался голос, услышав который, я подумала, что брежу. Этот тембр, интонация... такого не могло быть!

— Сожалею, — ровно произнес Киран. — Но ты не знаешь о каждом моем шаге.

На сей раз Баррингтон успел среагировать и, когда в него полетел точно прицеленный кинжал, вскинул руки, вынудив его остановиться. Теперь все внимание Виктора сосредоточилось на новом участнике

разворачивающегося действия, но даже он не был потрясен так, как я.

Сквозь застилающий глаза туман глядя на входящего в зал охотника, я думала, что умираю и вижу того, кто уже отправился на тот свет. Какая-то дикая смесь боли, неверия, надежды и робкой радости затопила меня, вытеснив все мысли. Не обращая ни на что внимания, экономка продолжала читать заклинание, Дженкинс хрипел, скрючившись на полу, шуршали сухие лепестки роз, но для меня ничего не существовало. Весь мой мир в эти мгновения сосредоточился на Киране. На том, чья смерть стала ударом и принесла неведомое ранее чувство невосполнимой утраты.

Он находился здесь — уверенный, непоколебимый, решительный, действующий как истинный охотник.

Постепенно мир снова наполнялся звуками. Я слышала собственный учащенный пульс и короткие, срывающиеся с губ вздохи. Шорох алых лепестков и шум ветра. Движение холода, вырывающегося из воронки, которая стала до того огромной, что теперь достигала до потолка и жадно вытягивала в себя воздух.

Вернувшись к реальности, я попыталась подняться, и мне это наконец удалось. Пошатываясь, встала на дрожащие ноги и теперь уже осмысленно осмотрелась. До полночи осталось всего три минуты. Киран и Виктор, оказавшись вне круга, жестоко боролись друг с другом, экономка все еще читала заклинание, а Дженкинс... Дженкинса нигде не было.

Окинув девушек быстрым взглядом, я подошла к стоящей рядом Виоле и протянула руку, чтобы ее коснуться, но тут же поняла, что это ошибка. Внутри круг меня пропустит, а вот обратно с ней — нет. Жертвы не должны выходить из секторов, и то, что я смогла вырваться, нельзя назвать иначе как чудом.

Сделав короткий шаг назад, я замерла, размышляя, что могу сделать. А уже в следующий миг ощутила, как кто-то приближается ко мне со спины, но отскочить не успела. Меня обхватили за талию, притянули к себе, и к шее прижалось холодное лезвие.

— Все выйдете, или я ее убью, — прозвучало довольно тихо, но слова дворецкого услышали все.

Услышали и как по команде замерли.

— Ты... — выдохнула экономка, впервые за долгие минуты оторвавшись от дневника.

— Без нее ритуала не будет, — надавив мне на горло, произнес Дженкинс, и я ощутила, как по коже побежала теплая струйка крови.

Странно, но в этот момент я не испытывала ни страха, ни отчаяния. Наверное, просто устала бояться и накрепко срослась с собственными

кошмарами. В снах мне казалось, что все происходит на самом деле, а сейчас, в реальности, наоборот — будто я сплю.

И время замедлилось, приравняв секунду к минуте, а минуту — к часу. Казалось, уже давно должна была наступить полночь, но стрелки на циферблате словно застыли. Как и все, кто здесь находился.

— Я подчиню время, — все так же отстранение произнес дворецкий и обратил взгляд на Виктора. — Вы с братом не добрались до сути. Это я долгие годы изучал записи виконта, где он описывал бессмертие. Подчинение времени — вот главная цель «Круга двенадцати душ». Все вы подобны розам — цветете и отцветаете. Но я буду жить вечно.

Я не понимала, на что он рассчитывал. Что все послушаются и уйдут? Да, экономке была нужна моя жизнь, но Виктору — нет. Киран же не мог не понимать, что своим уходом подпишет как мне, так и остальным жертвам смертный приговор.

Наступившая пауза была недолгой, но по ощущениям — бесконечной.

А за ней последовал вой.

Жуткий, нереальный, разносящийся по подземным коридорам и приближающийся к нам. Минутная стрелка сдвинулась на одно деление, и в зал ворвались двенадцать темных призраков. Истошно вопя, они с бешеной скоростью черным туманом пронеслись по кругу и ринулись прямо к зияющему в центре разрыву.

Неожиданности их появления оказалось достаточно для того, чтобы ситуация перевернулась. Одним неуловимым движением оказавшись рядом с Виктором, Киран с силой его толкнул, забросив в круг. Как только тот ступил на плиты, начался настоящий хаос. Призраки тут же накинудись на него, и отбиваться Виктор оказался не в состоянии. В тот же момент экономка бросилась прочь, но они нагнали и ее.

По каким-то неведомым причинам они не трогали лишь одиннадцать девушек, которые сейчас были как никогда беззащитны. Темных призраков притягивал разрыв грани, и они устремились к нему, таща за собой двух отчаянно сопротивляющихся людей.

Я хотела отвернуться, чтобы этого не видеть, но Дженкинс и без того увлек меня к выходу. Поняв, что его замыслам не суждено осуществиться, он решил уйти и, опасаясь Кирана, продолжал держать у моего горла нож.

Но Киран был хорошим охотником, в чем пришлось убедиться и мне и дворецкому. Из-за творящейся вокруг суеты и черного тумана Дженкинс потерял его из виду, и, когда мы приблизились к выходу, Киран оказался позади.

Я не испытала ни капли сострадания, когда дворецкий оказался внутри

круга. Экономка помешалась на своей любви, была одержима ею и хотела вернуть дорогого человека. Виктором также изначально руководило желание вернуть Кэтлин и только после — азарт. Дженкинс же пошел на такой чудовищный поступок лишь для себя, желая обрести вечную молодость. Разные цели в итоге и привели к кончине, страшнее которой не вообразить.

Темные призраки улетели в воронку, утащив с собой троих. Снова стало тихо, и я стояла, не веря, что все закончилось. Что не прочитанное до конца заклятие и мое отсутствие в круге стали нашим спасением.

— Амина, — позвал Киран, бросившись ко мне, а я... я в этот момент ощутила, что мои щеки становятся мокрыми.

Не веря себе, коснулась их и обнаружила, что плачу.

Я плачу...

Не плакала в самые трудные и отчаянные моменты жизни, а сейчас, когда следует радоваться и испытывать облегчение, из глаз бегут неконтролируемые слезы...

— Амина! — Оклик Кирана прозвучал как-то по-другому. Испуганно, надрывно, предупреждающе.

Я подняла глаза и утонула в черном мареве. Последний из призраков пролетел сквозь меня, чтобы после скрыться в беспросветных недрах разрыва.

Боли я практически не ощущала. Она была, но казалась чем-то не важным. Медленно осев на пол, я увидела над собой кружащийся потолок, с которым сливалось расплывающееся лицо Кирана, а после сознание заволочла темнота.

Страшно. Холодно. И некуда идти.

Вокруг лишь черное ничто, и выхода не видно. Быть может, он есть, но мне его не отыскать.

Господи, до чего же холодно... И темно настолько, что я не вижу собственных рук.

Присев, притянула к себе колени и уткнулась в них лбом, до сих пор чувствуя на щеках мокрые дорожки от непрекращающихся слез. Наверное, так и выглядит смерть.

Жутко и безнадежно.

Время отсутствовало, и я не знала, сколько находилась в этом странном месте. А вдруг это и есть та самая граница, что воронкой разверзлась в подземелье? Если отыщу верный путь — вернусь обратно, а если нет...

Появившийся рядом свет я заметила не сразу, вначале приняв его за игру воображения. Когда же осознала, что он реален, медленно подняла голову и увидела прямо перед собой белую лань. Глаза ее были умными и внимательными, а сама она мерцала сотнями тысяч мельчайших крупинок. Точно сотканная из капель росы, лань смотрела на меня несколько мгновений, а после развернулась и неспешно пошла прямо в темноту.

Не задумываясь, я последовала за ней. Только бы уйти отсюда, и не важно, куда в итоге приведет этот путь! Несколько раз лань оборачивалась, проверяя, иду ли за ней, и в ее глазах мне виделась лучистая, светлая улыбка.

Светлая... Как давно я не видела света. И сейчас, среди темноты, он горел ярко, вселял надежду и спокойствие. Тихое, радостное спокойствие вместе с верой в то, что всякой тьме рано или поздно наступает конец...

— Амина! — снова прозвучал зов, не откликнуться на который я просто не могла.

Распахнув глаза, резко села и судорожно вдохнула. Часы били полночь, а значит, я находилась без сознания всего пару минут.

— Амина... — выдохнул Киран, порывисто меня обняв. Тут же отстранившись, провел пальцами по моей щеке и скомандовал: — Нужно уходить.

Он хотел взять меня на руки и вынести на улицу, но я заверила, что могу идти сама. Сперва было необходимо вывести остальных девушек, а уже после заботиться о себе. На то, чтобы ослабить удерживающую их магию, много времени не потребовалось. Киран справился с этим на удивление быстро, я же подходила к каждой и направляла к выходу. Безучастность и покорность девушек впервые радовали — предайся они панике, покинуть подземелье было бы куда сложнее.

Когда все уже оказались наверху под ивами и мокли под струями косога дождя, Киран собрался спуститься обратно.

— Разрыв нужно закрыть, — на ходу бросил он, но я схватила его за руку, вынудив остановиться.

Единожды пережив его смерть, поняла, что больше такого не выдержу. И не смогу стоять здесь, зная, что там внизу он снова рискует жизнью.

— Я с тобой, — произнесла на удивление твердо.

Киран явно хотел возразить, но, видимо, на моем лице отразилась такая непоколебимая решимость, что он передумал. Задержавшись на мгновение, припал к моим губам, и этот поцелуй был таким же отчаянным, как и все, что произошло в эту ночь. Как и все, что происходило в

последние месяцы.

В зале стояла тишина. Пламя на свечах погасло, ветер стих, и лепестки роз устлали пол багровым ковром. Воронка все еще зияла в центре, но больше не втягивала в себя воздух, не выбрасывала всепоглощающий холод. Лишь тихо покачивалась — высокая и черная.

— Стой здесь, — велел Киран и двинулся вперед.

На сей раз я намеревалась его послушаться, но внезапно заметила у воронки светлый силуэт. Сначала один, а затем, совсем рядом, второй. Ева и Рэд смотрели на меня, поднимая руки в прощальном жесте. Две последние задержавшиеся на этом свете души уходили в иной мир. Призракам не место среди живых, и теперь, когда виновные в их гибели были наказаны, они обрели свободу. Сторм-Делл утратил над ними власть и, неохотно разжав смертельные тиски, отпустил.

— Подожди, — севшим голосом обратилась я к Кирану.

Тот остановился и, проследив за моим взглядом, все понял. Он не мог видеть этих призраков, но чувствовал их присутствие.

«Спасибо», — прочитала я по губам Евы и Рэда.

Подул легкий ветерок, подхватил их, и две легкие прозрачные фигуры перелетели за грань. На несколько мгновений чернота сменилась ослепительно-ярким светом, а затем, прямо на наших с Кираном глазах, разрыв стал стремительно затягиваться.

Оказавшись рядом, охотник обнял меня, и мы вместе наблюдали за тем, как воронка делается все меньше и меньше, а вскоре от нее остается лишь воспоминание. Проход в иной мир был открыт черной магией, но, пропустив заблудшие души, закрылся сам.

— Неужели все закончилось... — не то утвердительно, не то вопросительно проронила я, ощущая, как дрожит голос.

Вместо ответа Киран все-таки взял меня на руки, поцеловал в висок и понес прочь из этого жуткого места, где часовые стрелки навечно замерли на двенадцати...

Когда мы снова вышли на поверхность, оказалось, что дождь усилился и над Сторм-Деллом разразилась неистовая гроза. В свете молний я увидела стоящих среди девушек Фиону и Банни, а еще... Бекки.

Едва мои ноги коснулись земли, я бросилась к ней, обняла и разрыдалась в голос, выплескивая все то, с чем жила долгие годы. Через слезы я избавлялась от печалей, по-настоящему прощалась с родителями и радовалась тому, что моим кошмарам наступил конец. Тому, что горничная — мой добрый, давний друг — выжила и теперь находилась рядом.

— Нам очень помогла Гретхен, — рассказал Киран. — В тот вечер мы

сумели уйти от Дженкинса, но из-за раны я сильно ослаб. Она привела нас в свою хижину и вылечила.

Только он это произнес, как раздался оглушительный громовой раскат, которому предшествовала яркая вспышка. Мы обернулись в сторону особняка и увидели, как в него ударяет молния. Один раз, два, три... двенадцать последовательных ударов, пришедшихся на разные его части. Словно сами небеса прогневались и решили завершить то, что было начато много лет назад.

Вскоре из дома с криками выбежала Оливия, за которой семенила Джина, на ходу поправляющая накиннутую поверх ночной рубашки шаль.

Сидя в одном из подъехавших к поместью экипажей, я смотрела на охвативший дом пожар и понимала, что теперь здесь останется только пепел. Должно быть, пройдет немало времени, прежде чем эта проклятая земля очистится. Слишком много ужасных смертей, слишком много искалеченных судеб. Но все когда-нибудь проходит.

Теперь я точно это знала.

Эпилог

Веранду небольшого, подаренного мне дядей домика заливал солнечный свет. Мы с Банни сидели за покрытым кружевной скатертью столом и наслаждались свежей выпечкой.

Начало августа выдалось очень теплым. Дни были длинными, наполненными стрекотанием сверчков и полетами пестрых бабочек. К нам залетал южный ветер, приносящий ароматы луговых трав и спелой вишни.

— Вкусно, — облизав пальцы, проговорила Банни и тут же потянулась за добавкой.

Наша новая кухарка готовила отменные пирожки, которые мы теперь ели так часто, что я боялась однажды не пролезть в дверь. Даже скупая на эмоции Банни не могла перед ними устоять и всякий раз мычала от удовольствия, уплетая их за обе щеки.

Удивительно, но Банни первой пришла в себя после пережитых кошмаров. Я же до сих пор вспоминала о них с содроганием. Но чем дальше, тем больше они меркли, и постепенно страшное прошлое вытеснялось светлым настоящим. Снов я больше не видела, а если они и посещали меня, то наутро уже не вспоминались.

Своей магии я боялась и больше ею не пользовалась, хотя и понимала, что это неправильно. Во мне жила надежда, что когда-нибудь я найду силы понять себя и принять такой, какая есть. В конце концов, если бы не мой дар, несколько месяцев назад все могло сложиться совершенно иначе.

Все-таки Нил Баррингтон был прав: магия не делится на черную и белую. Сама по себе магия нейтральна, и лишь человек определяет, какой она станет в его руках. Сумеет ли победить собственную тьму или же позволит ей взять верх, осквернив душу.

Джину и Оливию взяли под стражу, им грозил срок за потворство преступлениям и связь с черной магией. Последнее предполагало суровую кару, но для Джинны, которую шантажом принуждали травить девушек, сделали послабление.

После «Круга» восстановились далеко не все. Пятеро из двенадцати, среди которых были Лилиана и Виола, находились в лечебнице. Виола медленно шла на поправку, а вот в отношении Лилианы прогнозы делались неутешительные. На долю этой хрупкой девушки выпало слишком много всего, и она сломалась, лишившись рассудка.

С Делорой мы виделись редко, зато часто друг другу писали. Я

считала ее своим вторым ангелом-хранителем, ведь именно благодаря ей была до сих пор жива.

Разоблачение лорда Баррингтона называли самым скандальным событием последнего десятилетия. Как только его темные дела стали достоянием общественности, в королевстве поднялась настоящая буря, не утихшая и по сей день. Должностных лиц смещали и назначали на их места новых, множество чиновников отправились за решетку по обвинению во взяточничестве, но самые большие изменения происходили в центрах специалистов по сверхъестественным явлениям. Именно охотников винили во всем случившемся, и, нельзя не отметить, вполне обоснованно.

Что до родственников девушек, то все они ссылались на действие проданного им чая. В том числе и мой дядя, дела которого после моего отъезда неожиданно пошли в гору. Желая искупить свою вину, он приобрел для меня дом неподалеку от городской черты и пообещал обеспечивать, пока не выйду замуж. Искренне он действовал или нет, меня не волновало. Так или иначе я была ему за это благодарна. И не винила бывшего опекуна за то, что он продал меня графу. Должно быть, пережитое действительно меня изменило: я научилась принимать близких такими, какие они есть.

— Леди, к вам пришли, — выдернула меня из размышлений показавшаяся на веранде Бекки. И, хитро улыбнувшись, добавила: — Просили передать, что очень сильно хотят вас видеть.

Выходя во двор, я уже знала, кого встречу, и оттаявшее после долгой зимы сердце учащенно билось в груди.

Заметив мое приближение, стоящий у калитки Киран достал из-за спины букет белоснежных лилий.

— Спасибо, что не красные розы, — с улыбкой заметила я и, приняв цветы, делано формально предложила: — Не желаете ли зайти на чашечку кофе, господин специалист?

— Спасибо, что не красного чая, — в тон мне ответил Киран. — С радостью принимаю ваше приглашение, леди Кендол. Только прошу обратить внимание на один нюанс: господин *старший* специалист. Который, помимо прочего, теперь заведует фондом пострадавших от черной магии.

Новость была поистине чудесной. Представители высшего света не могли упустить возможности блеснуть своим благородством, и теперь все девушки, как и их семьи, могли рассчитывать на ощутимую финансовую помощь.

День плавно перетек в вечер, скрадывающий яркие краски и ложащийся на мир легкой позолотой. Я впитывала в себя эти простые, но

такие счастливые мгновения, и в сердце царил покой. Рядом находились люди, которые научили меня любить, а большего и не требовалось.

Я не была бездушной. Никогда не была. И сейчас моя душа тихо пела, вторя сонате цветов, которую играла сидящая за фортепиано Банни.